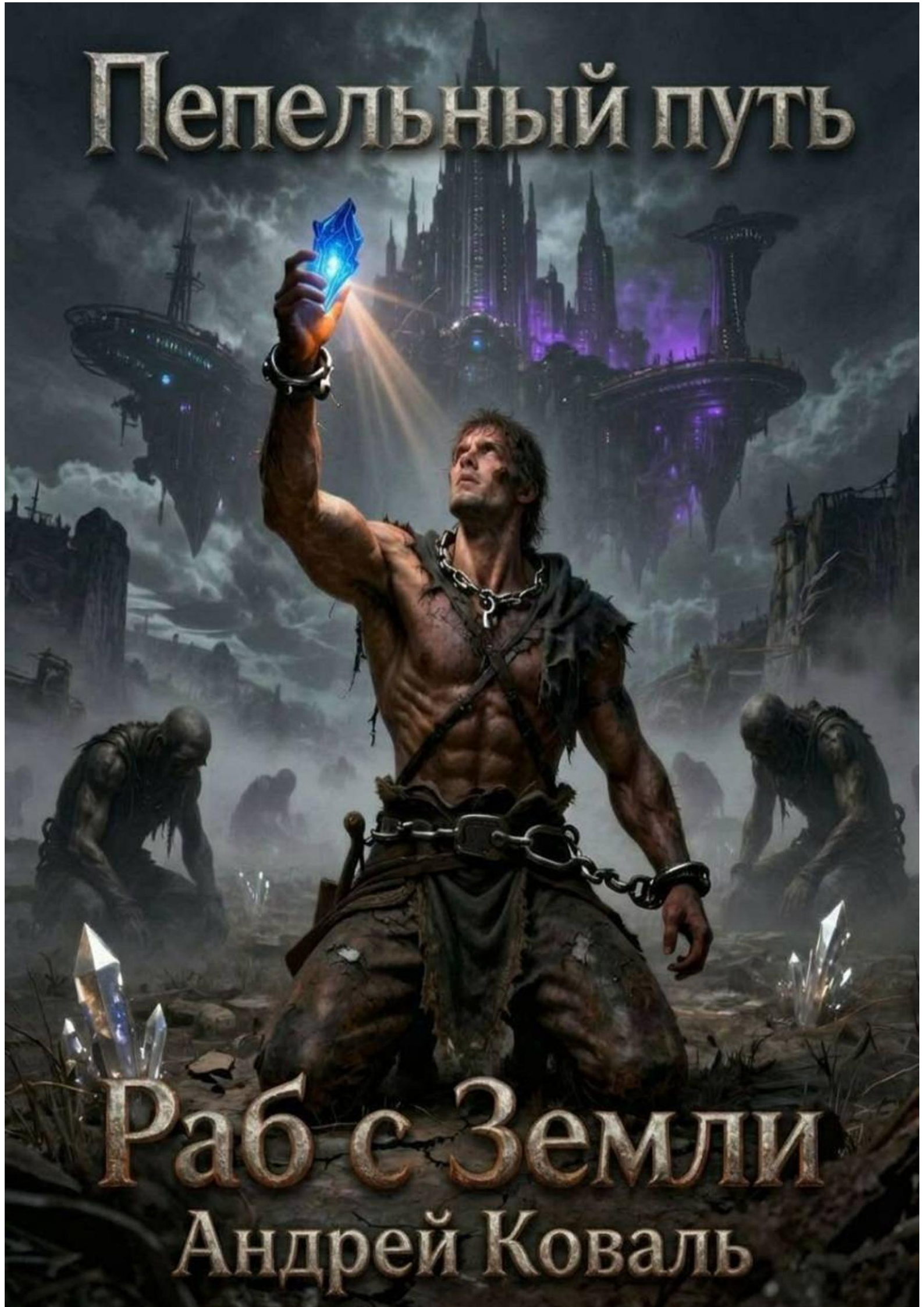

Пепельный путь

Раб с Земли
Андрей Коваль

Пепельный путь

Андрей Коваль

Пепельный путь. Раб с Земли

«Автор»

2026

Коваль А.

Пепельный путь. Раб с Земли / А. Коваль — «Автор»,
2026 — (Пепельный путь)

Он видел схемы машин там, где маги видели пустоту. Инженер с Земли против эльфийской магии. Беглый раб против целой империи. Лекс не умеет колдовать, но умеет чинить. Даже то, что сломали сами боги. Спасаясь от безжалостного магистра Вэл'Шана, он поведет за собой отряд изгоев в сердце древних руин, чтобы найти ответ на главный вопрос: был ли этот мир создан для того, чтобы держать людей в рабстве? И можно ли перековать сталь несправедливости в клинок свободы?

© Коваль А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Седьмой участок	5
Акт I: Грязь под ногами	11
Глава 1. Сбой реальности	11
Глава 2. Рынок плоти	25
Глава 3. Рабский труд и первая искра	46
Глава 4. Кузница	67
Глава 5. Пять дней, или Цена мастерства	86
Глава 6. Первые враги	103
Глава 7. Спор у костра	120
Интерлюдия I. Оставшиеся	136
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Пепельный путь. Раб с Земли

Пролог. Седьмой участок

Месяц Аэрилон, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

Кристаллические поля

К полудню кристалл начинал петь.

Тонкий звон лез в зубы, смешивался со скрежетом цепей. Зураб старался не смотреть на свет под ладонями: если засмотреться, можно было слишком поздно заметить, что пальцы уже не слушаются.

С рассвета они прошли три ряда. Сперва расчищали землю у основания кристалла и подводили воду из канавы. Там, где она не шла сама, пользовались ковшом на длинной ручке; потом клали ладони на прохладную грань и ждали, пока мутная сердцевина нальётся синим светом. К следующему кристаллу переходили только по команде надсмотрщика. Пока он обходил участок, приходилось держать руки на прежнем, даже если тот уже светился ровно и ярко.

Зураб подтягивал цепь между щиколотками, чтобы не зацепиться за камень, и сильнее упирался ногами в землю. Сначала немели мизинцы. Потом холод добирался до локтей. Если ненадолго убрать одну ладонь, пальцы начинало покалывать, но вторая рука тяжелела быстрее. Отнять обе без команды можно было только тогда, когда надсмотрщик отворачивался.

Сосед справа не убирал рук ни разу. Его привели три дня назад. Сухой, с седой щетиной и больной левой ногой, утром он ещё попевал за соседями, а теперь опирался на кристалл всем весом. Правая кисть медленно сползала по грани, под которой свет собрался в яркую полосу.

— Руку убери, — негромко сказал Зураб.

Седой повёл головой, не отрывая взгляда от синевы.

— Сейчас... ещё немного.

Он попытался выпрямиться, но локти подломились, и лоб лёг на запястья. Зураб услышал, как тот втягивает воздух: два коротких вдоха, задержка, ещё один — с хрипом.

Кристалл под его руками вспыхнул ярче. Зураб уже видел такое: обычно после этого люди падали.

До седого было два шага, но между рядами без команды не ходят. Когда надсмотрщик отвернулся к дальней канаве, Зураб убрал обе ладони и шагнул через борозду.

Он подхватил мужчину под локоть и упёрся плечом в его бок, с трудом удерживая обоих.

— Отпусти... Увидят.

— Левую ногу сюда. Можешь?

Между рядами торчала железная скоба от старого крепления трубы. Зураб дважды работал возле неё и запомнил: если прижать к железу цепь на ноге, холод по рукам поднимается медленнее. Сил не прибавлялось. Но у скобы он держался дольше.

Седой переставил ногу. Зураб носком подтолкнул его цепь к ржавому ребру и придержал, пока тот не выровнялся. Одна ладонь мужчины всё ещё лежала на кристалле; второй рукой он ухватился за колено. Дыхание понемногу становилось ровнее. Седой поднял глаза.

— Держись. Иди.

Зураб вернулся к своему месту.

За эти несколько шагов ноги ослабли так, что он едва переступил борозду. Под ладонями снова загорелся синий свет, потянуло холодом — и в ту же секунду кнут полоснул по спине.

Он дёрнулся, но рук не отнял.

Боль протянулась от плеча до поясницы. В глазах на секунду потемнело.

Только бы не отпустить.

Кнут не просто обжёг спину: под рубахой разошлась кожа, и Зураб почувствовал, как горячая кровь быстро пропитывает ткань вдоль лопатки и поясницы. Поправить рубаху он не мог — обе ладони лежали на кристалле, а любое движение плечом растягивало рассечённое место. Пока холод тянул силы из пальцев, кровь остывала и ткань начинала липнуть к ране.

— Я кому сказал по местам стоять?

Хрыч подошёл вплотную. Имя к нему прилипло так давно, что на участке почти никто уже не помнил, как надсмотрщика звали на самом деле.

— Он сейчас свалится. Хоть к воде его.

— А его ряд кто закончит?

Зураб сглотнул. Во рту стоял металлический привкус.

— Я.

Хрыч посмотрел на седого, затем указал рукоятью кнута на канаву.

— Этот пусть поливает. Ты до обеда за двоих. Раз уж тебе на месте не стоит.

Он дождался, пока мужчина уберёт ладонь, и пошёл дальше. Седой добрался до ковша, опустил возле воды на колени и долго пристраивал пальцы к рукояти.

Тень ещё не дошла до канавы, хотя к этому времени обычно уже давали обед. Зураб посмотрел на вмятину от собственной пятки и заставил себя дышать ровно. Помогало на пару вдохов. Потом холод возвращался.

Хрыч вернулся, когда Зураб уже едва различал прикосновение к двум пальцам левой руки.

— Теперь туда.

У соседнего кристалла он попробовал поставить ногу на скобу. Холод стал слабее, но дрожь в коленях не прошла. Надсмотрщик остался рядом и ждал, пока свет за гранью разгорится. Под его взглядом Зураб держал обе ладони прижатыми, хотя правую давно пора было убрать.

— Хватит. Следующий.

Седой полз вдоль канавы, пока Зураб переходил между двумя рядами. Тень столба наконец коснулась воды. Команды всё ещё не было.

К обеду пальцы приходилось разгибать по одному, помогая другой рукой.

У стены барака выдали жидкую кашу. Зураб сел и зажал миску между коленями. До этого он думал, что труднее всего будет дойти до барака.

Он попытался поднять миску ко рту. Пальцы удержали край, но обе руки затряслись, и горячая жижа выплеснулась на запястье. Зураб тихо выругался и поспешно опустил миску.

Седой сидел рядом. Увидев, как тот пробует снова, поставил свою еду на землю и подхватил миску Зураба снизу.

— Давай. Держу.

Зураб хотел отмахнуться, но дрожь опять усилилась. Пришлось нагнуться и пить с края, пока сосед держал миску. От пара защищало обожжённую щёку. Зураб повернулся здоровой стороной и сделал ещё несколько глотков.

— Теперь свою ешь, — сказал он, когда смог удержать остаток сам.

Мужчина подобрал миску и сдул с края прилипшую землю.

— Думал, подольше подержу — потом отдохнуть дадут.

Зураб посмотрел туда, где у входа в барачный двор стоял надсмотрщик.

— Видел, чего он ждал? Пока снова загорится.

Седой опустил взгляд в кашу.

— Теперь понял.

Зураб доел и прислонился к стене. Нормально выдохнуть удалось только со второго раза. Рубаха прилипла к спине. Он едва успел устроиться поудобнее, когда у входа заорали:

— Встали! На участок!

Зураб посмотрел на пустую миску. Хоть пожрать дали.

Он уже собирался подняться, когда край рубахи зацепился за пояс. Под тканью что-то твёрдое царапнуло кожу. Зураб прикрыл движение локтем и быстро поправил спрятанный свёрток. Хрыч стоял у ворот и считал людей, поэтому доставать его было нельзя, но одного прикосновения хватило, чтобы узнать неровный деревянный бок.

Куколка помещалась в ладони. Когда-то Любава вырезала её из обломка яблоневого ветки, а Милена — смеясь и сердясь на непослушную ткань — сшила дочери красное платье. После пожара платье почернело почти целиком, один край головы обуглился, и Зураб долго не понимал, зачем вообще вытащил эту вещь из развалин. Потом перестал задавать вопрос.

На участке ничего бесполезного хранить не полагалось. За лишний кусок металла могли избить, за спрятанную еду — оставить без пайка на следующий день. Деревянную игрушку Хрыч, скорее всего, просто бросил бы в огонь, потому что ему не требовалась причина отнимать у раба то, что тому дорого. Поэтому куколка жила между двумя слоями ткани у пояса и появлялась только ночью, когда в бараке уже стихали шаги.

Михаил проследил за движением, но ничего не спросил. За это Зураб был ему благодарен.

— Встали! — снова рявкнули у ворот.

Люди поднялись не одновременно. Кто-то ещё облизывал миску, кто-то пытался разогнуть спину. Старуха из соседнего барака спрятала под языком щепоть соли, которую выменяла утром на половину хлеба; молодой парень перед ней незаметно подхватил с земли её ковш, чтобы Хрыч не увидел, как медленно она нагибается. На Седьмом участке помогали не потому, что были добрее остальных. Просто каждый видел, насколько мало нужно, чтобы завтра самому оказаться тем, кому требуется чужая рука.

Хрыч умел это замечать и почти никогда не запрещал сразу. Он ждал. Если люди делились водой, значит, у кого-то вода была. Если поддерживали слабого, значит, сильный мог работать за двоих. Любую взаимопомощь надсмотрщик сначала превращал в дополнительную норму, и только потом — в наказание.

— Ты. — Он ткнул кнутом в сторону Зураба. — Раз уж бодрый, возмёшь ещё крайний камень после своего ряда.

— Я уже за двоих до обеда.

Хрыч улыбнулся без веселья.

— Значит, знаешь как.

Спорить дальше означало потерять силы до того, как снова коснёшься кристалла. Зураб опустил глаза и двинулся к ряду. За спиной кто-то тихо выдохнул ругательство. Хрыч услышал, но не обернулся: ему было достаточно, что услышали остальные.

На обратном пути к канаве Зураб пересчитал шаги между ближайшими железными скобами. Три уцелели, одна шаталась, ещё возле двух земля была настолько размокшей, что цепь не прижималась к металлу как следует. Ночью, если дадут выйти к нужнику, можно будет подбить под одну скобу камень — не починить её окончательно, а только сделать так, чтобы она не вывернулась под ногой. Работа маленькая, но здесь такие мелочи иногда заменяли лекарство.

Он запомнил место и ничего не сказал Михаилу. Новичок и так слишком часто смотрел туда, куда ему показывали. Сначала следовало научить его не смотреть.

Когда их снова выстроили перед рядами, один из рабов впереди прошептал старую поговорку: «Камень не помнит руки, рука помнит камень». Кто-то ответил: «Если останется рука». Смеха не было, но несколько плеч дёрнулись. Хрыч прошёл мимо и не понял, что именно случилось.

Зураб приложил ладонь к первой грани после обеда. Холод вошёл в кожу почти сразу. Под поясом твёрдый край куколки упёрся в бок, и на несколько ударов сердца ему стало легче удерживать руки на месте. Не потому, что вещь давала силы. Она только напоминала, зачем он когда-то умел возвращаться домой после тяжёлой смены — и почему теперь всё ещё возвращался в барак, хотя дома больше не было.

У барака ещё гремела посуда, когда седого уже вернули в соседний ряд. Зураб показал ему, как поставить ноги на склоне, и приложил ладони к кристаллу.

Хрыч остановился возле седого, посмотрел, как тот держит руки, потом обернулся к Зурабу. Тот прижал ладони плотнее.

Через некоторое время седой сам убрал одну руку. Щёлкнул кнут, и он поспешно вернул её на грань. Зураб невольно напряг плечи.

Тени вытянулись поперёк канав. Где-то у края участка застучали по пустому ведру. Зураб отнял ладони, приняв звук за сигнал, и тут же прижал обратно: остальные продолжали стоять. До настоящего колокола пришлось сменить ещё три кристалла.

Когда наконец разрешили уходить, седой долго выпрямлялся, держась за колени, но поднялся сам. Зураб ждал рядом, пока тот вытаскивал цепь из грязи.

— С железом понял, — шепнул мужчина, когда их погнали к баракам.

— Тише. Увидят, что помогает, — скобу выдернут.

Седой оглянулся и придвинулся ближе.

— А завтра?

Их обгоняли другие рабочие, толкая плечами. Зураб подхватил соседа под локоть и потянул за собой.

— Темнеть начнёт — сразу скажи тому, кто рядом.

— А если рядом будешь не ты?

— Кому угодно скажи. Только не молчи.

Седой несколько шагов шёл молча.

— Как тебя зовут?

Зураб посмотрел на него. За три дня мужчина так и не спросил.

— Зураб.

— Михаил.

— Хорошо, Михаил. Ногу выше. Здесь яма.

Михаил перешагнул. До бараков молчали.

Ночью Михаил лёг рядом, не спрашивая разрешения. В бараке места выбирали не по дружбе, а по тому, где меньше дуло и реже капала вода с крыши. Зураб уступил ему половину сухой соломы у стены и сам устроился ближе к проходу.

Долго никто не спал. У одной двери кашлял мужчина, которого утром поставили на дальний ряд; у другой женщина шёпотом считала вдохи ребёнка, принесённого с новой партией. Кто-то негромко произнёс короткую молитву Кователю, и сосед тут же попросил замолчать: надсмотрщики не запрещали молитвы прямо, но любили спрашивать, откуда у раба силы на лишние слова.

Зураб дождался, пока за дверью стихнут шаги, и вынул куколку. В темноте её почти не было видно. Большой палец привычно нашёл обгоревший край платья, затем маленькую зарубку на спине — Милена однажды пыталась расширить отверстие для верёвочки и срезала лишнее. Тогда Любава плакала, будто куклу ранили. Зураб чинил её вечером, сидя у домашнего стола, и ворчал, что настоящему кузнецу не пристало возиться с деревяшками.

Сейчас воспоминание не принесло ни тепла, ни утешения — только точность: где стояла лампа, как пахло тестом, каким пальцем дочь держала куклу за руку. Зураб ценил эту точность: она не позволяла превратить семью в красивую историю, которую удобно рассказывать чужим. Они были людьми: иногда спорили, уставали, сердились. Поэтому их отсутствие болело сильнее любой легенды.

Михаил пошевелился.

— Дочь? — спросил он так тихо, что слово едва дошло.

Зураб спрятал куколку не сразу.

— Была.

Михаил не спросил, что случилось. Только повернулся к стене, освобождая ему чуть больше места.

Перед сном Зураб ещё раз перебрал в уме железные скобы на участке. Если завтра Михаила поставят далеко, надо будет показать другому человеку, как пользоваться холодным металлом. Если Хрыч заметит закономерность, скобы выдернут. Значит, показывать нужно не всем сразу, а по одному — тем, кто уже начал темнеть у кристалла.

Это тоже было ремеслом. Не кузнечным и не почётным, но всё равно ремеслом: знать материал, видеть предел, не тратить инструмент там, где его можно сохранить до следующего дня.

Зураб убрал куколку под рубаху и наконец закрыл глаза. Сон пришёл ненадолго. До первого колокола оставалось несколько часов, и каждый из них принадлежал ему ровно до тех пор, пока за дверью снова не звякнут ключи.

На рассвете их вывели теми же воротами. Михаила поставили через два ряда. Он расправил цепь у ног, поймал взгляд Зураба и коротко кивнул.

До железной скобы теперь было не дотянуться. Зураб выругался про себя.

Хрыч шёл между рядами. Рукоять кнута постукивала по сапогу.

— Руки!

Зураб приложил ладони к кристаллу. Холод отозвался в ещё ноющих кистях. Он поправил правую ногу в размокшей земле и посмотрел через два ряда.

Михаил уже стоял, прижав ладони к синей грани. Зураб задержал на нём взгляд всего на секунду, затем отвернулся.

До вечера ещё дожить надо.

Акт I: Грязь под ногами

Глава 1. Сбой реальности

Месяц Аэрилон, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры
Сначала вернулся звук.

Короткий сигнал тревоги повторялся через равные промежутки: три резких писка, пауза и снова три. Лекс узнал его раньше, чем вспомнил собственное имя. Именно так выла автоматика, когда давление в контуре выходило за пределы допуска.

— Лёха, отключай! Сейчас рванёт к чёрту!

Голос Романа пробился сквозь вой сирены, треск разрядов и низкий гул, от которого дрожал бетонный пол. Лекс рванулся к аварийному рубильнику; до красной рукояти оставалось меньше шага, когда свет погас.

Вместо него пришла боль.

Она не ударила сразу, а медленно собралась в суставах, протянулась вдоль позвоночника и стиснула затылок. Лекс попытался вдохнуть, закашлялся и только тогда почувствовал воздух — густой, тёплый, пропитанный запахом мокрой соломы, навоза и давно немых тел. Сигнал тревоги продолжал повторяться, пока Лекс заставлял себя открыть глаза.

Над лицом качались босые ступни — грязные пятки, растрескавшаяся кожа, почерневшие ногти. Кто-то лежал поперёк деревянной лавки и при каждом толчке едва не бил его по носу.

Снова раздали три писка, наступила короткая пауза, и только тогда стало ясно: никакой сирены здесь нет.

Скрипело колесо.

Он лежал на полу тесной деревянной клетки. Сквозь щели между досками пробивались тонкие полосы серого света, и в них медленно кружила пыль. Всё вокруг тряслось и дребезжало: стены, лавки, железная решётка за спиной. Где-то снаружи тяжело хрипело крупное животное, позвякивала упряжь и лениво переговаривались двое.

Речь была чужой. Лекс отчётливо слышал непривычные сочетания звуков, гортанные согласные, слишком длинные гласные, однако смысл почему-то доходил до него так, будто разговор шёл на русском.

— На западном спуске опять колесо поведёт.

— Доедет.

— В прошлый раз тоже доехало. Без оси.

Кто-то рассмеялся. Лекс попробовал приподнять голову, но мир тут же качнулся. Световые полосы поплыли перед глазами, к горлу подступила тошнота, и он едва успел повернуться на бок. Желудок оказался пустым, поэтому несколько болезненных спазмов не принесли ничего, кроме горькой слюны.

— Не торопись, — сказал рядом старческий голос. — Пол никуда не денется.

Лекс вытер рот плечом и наконец смог осмотреться. В клетке находилось около двух десятков человек, хотя в полумраке и тесноте точно сосчитать их было трудно. Одни сидели на лавках вдоль стен, другие лежали прямо на грязной соломе. Почти все были босы; на запястьях поблёскивали кандалы, от которых к железному пруту под лавкой тянулись короткие цепи.

Никто не разговаривал. Даже кашляли здесь приглушённо, будто громкий звук мог привлечь неприятности.

Ближе всех сидел старик с косматой седой бородой. Левый глаз у него заплыл старым жёлтым синяком, на скуле темнела свежая ссадина. Он держал руки на коленях и смотрел куда-то в сторону двери.

— Где я? — спросил Лекс.

Собственный голос показался хриплым и чужим, однако сильнее поразило другое: вопрос он задал на том же незнакомом языке, который он только что слышал снаружи. Лекс замолчал: он совершенно точно хотел спросить по-русски.

— В клетке, — ответил старик.

Лекс медленно сел, прислонился плечом к стене и переждал новый приступ головокружения. Язык наткнулся на разбитую губу — солоноватый привкус, который он до этого списывал на тошноту. Нижняя губа распухла, хотя он совершенно не помнил, когда успел её разбить.

На его руках тоже висели кандалы. Под металлическими дужками кожа покраснела и саднила, а на правом запястье край уже успел натереть тонкую полоску до крови.

Он провёл большим пальцем по замку. Перед ним была простая клёпаная коробка без скважины — возможно, со скрытой защёлкой или под особый ключ. Без инструмента не разберёшь.

— Я не про клетку спрашивал. Страна? Город?

Старик наконец повернул голову.

— А сам помнишь, откуда?

— Помню.

Он ответил слишком быстро. Перед глазами всплыл институтский подвал, где находилась их с Романом лаборатория. На верстаке стояла установка: две катушки, блок конденсаторов, старый осциллограф. Они проверяли обычный режим, когда показания вдруг поползли вверх.

Роман был у центрального пульта. Аварийный свет пробивался сквозь дым, низкий гул сотрясал бетонный пол.

«Лёха, отключай!»

Красная рукоятъ была почти перед рукой. Потом — белый свет.

Не сейчас.

— До города ещё не доехали, — сказал старик.

— До какого?

Тот пожал плечами.

— У ворот узнаешь.

Лекс хотел спросить ещё, но передумал. Судя по выражению лица старика, больше он всё равно ничего не скажет. Пришлось заняться собой.

Джинсов не было. Вместо них на нём болтались грубые полотняные штаны, испачканные глиной. Исчезли ботинки, куртка, ремень, часы и всё, что лежало в карманах. Осталась только выцветшая футболка, порванная на плече и местами покрытая засохшими бурыми пятнами.

Осторожно ощупав голову, Лекс нашёл под волосами запёкшуюся кровь. При нажатии затылок отозвался болью, но ничего похожего на серьёзное повреждение кости он не почувствовал. Впрочем, после потери сознания собственная диагностика вряд ли стоила многого. Он провёл ладонью по груди и шее и неожиданно наткнулся на металл. Под воротом футболки лежала тонкая тёмная цепочка.

Лекс вытащил её наружу. Мелкие звенья казались почти невесомыми; ни жетона, ни кулона на ней не было, как не было и видимой застёжки. Цепочка была его — старая, земная. Только перед запуском установки её на шее точно не было.

Это он помнил хорошо. Перед работой Лекс снял её вместе со всем металлическим и оставил возле двери; даже кольцо с ключами положил рядом. Возле высоковольтных катушек такие вещи были лишним риском. Как цепочка снова оказалась на нём, он не понимал. Металл оставался прохладным, хотя кожа под ним горела от духоты.

— Спрячь, — негромко сказал старик.

Лекс поднял голову.

— Зачем?

— Увидят — заберут.

Прозвучало это без попытки напугать. Старик просто сообщил правило, которое для него было очевидным. После короткой паузы Лекс убрал цепочку обратно под футболку.

Фургон резко подбросило на камне. Человек, лежавший на лавке над Лексом, застонал, его нога соскользнула вниз и ударила Лекса по плечу. Старик успел перехватить её прежде, чем пятка угодила тому в лицо, и аккуратно вернул на доски. Больной даже не проснулся.

— Давно я здесь?

— Тебя вчера после заката привезли.

Лекс насторожился.

— Ты видел?

— Видел, как бросили на пол. Двое тащили. Один ругался, что от тебя грозой несёт, второй карманы проверил. Ничего не нашёл.

Лекс прикрыл глаза и несколько раз медленно вдохнул. Паника ничего не исправит. Осталось начать с того, что можно увидеть и проверить.

Деревянный кузов был укреплен железом, углы окованы, дверь представляла собой решётку, открывавшуюся только снаружи. Кандалы крепились к общему пруту под лавкой. Фургон двигался медленно, но оценивать скорость точнее было бессмысленно: Лекс не знал ни размера колёс, ни расстояния между неровностями дороги. Снаружи слышались по меньшей мере два голоса, хотя это ещё ничего не говорило о количестве охраны.

Он положил ладонь на половицу и осторожно надавил. Доска прогнулась, а снизу почти сразу отозвался металлический брус.

Выходит, деревянным здесь был только настил. Клетку строили специально и рассчитывали на тех, кто попытается выбраться.

— Даже не думай, — тихо сказала женщина у противоположной стены.

Лекс повернулся. На вид ей было около сорока, хотя впалые щёки и седые пряди могли прибавлять несколько лет. Одной рукой она обнимала худого подростка, другой прикрывала глиняную флягу, зажатую между коленями.

— О чём?

Женщина кивнула на его ладонь.

— Пол ковырять. На остановке проверяют.

— И что тогда?

Она крепче прижала к себе мальчишку.

— Лучше не узнавать.

Лекс посмотрел на её лицо и убрал руку. За стеной щёлкнул кнут, кто-то вскрикнул в соседнем фургоне, а затем все звуки снова утонули в скрипе колёс.

Некоторое время Лекс просто слушал. Сначала ничего необычного не замечал, но постепенно различил короткий металлический стук, повторявшийся слишком равномерно для slučajного камня.

Обычная дорожная тряска смешивалась с коротким боковым толчком, повторявшимся почти через равные промежутки.

Причин могло быть несколько: разболтанное крепление, ступица, осевой штифт. Что именно, отсюда не определить, но звук становился отчётливее, а снаружи ещё недавно говорили про западный спуск.

— Давно колесо скрипит? — спросил Лекс.

Корней склонил голову, отделяя скрип колеса от общего грохота.

— Со вчерашнего дня.

— А стук?

Тот чуть нахмурился.

— Раньше не замечал.

Лекс снова прижал ладонь к доске. Если дело было только в смазке или небольшом перекосе, фургон, скорее всего, доедет. Если же осевой штифт действительно выходил из паза, на спуске всё могло закончиться дерьмово.

— Эй! — крикнул он.

В клетке словно разом стало меньше воздуха. Женщина заслонила сына плечом, несколько человек опустили головы, а старик резко повернулся.

— Не надо.

Но Лекс уже ударил кулаком в стену.

— Правое заднее колесо! Проверьте!

Разговор снаружи оборвался. Несколько секунд ничего не происходило, а потом между досками просунулся конец длинной палки. Лекс увидел движение слишком поздно. Удар пришёлся под правые рёбра. Воздух вышибло из лёгких, перед глазами потемнело, и тело само сложилось пополам.

— Ещё раз заорёшь — будешь бежать следом, — лениво сообщил голос снаружи.

Палка исчезла. Лекс прижал руки к боку и попытался вдохнуть. Получилось не сразу. Старик наклонился к нему.

— Понемногу. Не рви воздух.

— Колесо... — выдавил Лекс.

— Слышал.

— Если крепление выйдет...

На мгновение скрип колеса смешался в голове с низким гулом установки. Красная рукоять. Голос Романа: «Руби питание!» Лекс моргнул, возвращая перед глазами деревянную стену фургона.

— Я слышал.

Лекс искал на лице старика хоть какую-то реакцию.

— И всё?

Старик посмотрел на остальных пленников, которые уже старательно делали вид, будто ничего не произошло.

— Здесь громким быть опасно. Даже когда ты прав.

Лекс хотел ответить, но новый вдох снова отозвался болью. Он прислонился к стене и закрыл глаза.

Он ничего не контролировал: не мог добраться до колеса, открыть кандалы или заставить охрану проверить его слова. Оставалось ждать. От этой мысли внутри всё сжалось. Перед взрывом он тоже ждал.

Семнадцать секунд автоматика перебирала резервные контуры. Две попытки перезапуска — всё по протоколу. Роман ждать не стал. «Руби питание!»

«Руби питание!»

Лекс открыл глаза.

— Снаружи говорили про западный спуск. Он далеко?

Старик некоторое время молчал.

— Сначала мост. Потом дорога вниз, к долине. Если туман не задержит — часа через три. Значит, время ещё было. Лекс осторожно выпрямился.

— Они меня не слышали.

— Услышали.

— Тогда не поверили.

— Скорее им было всё равно.

Лекс посмотрел на дверь.

— Значит, нужен кто-то, кого они хотя бы дослушают.

Уголок рта старика едва заметно дёрнулся. Подросток у стены тихо фыркнул, и женщина сразу толкнула его локтем.

— Гринька.

Мальчишка опустил голову. Лекс запомнил имя. Примерно через час колонна остановилась. Сначала исчез привычный скрип, затем стихли голоса возниц. Снаружи заржали — или зарычали — тягловые животные, ветер погнал по крыше мелкие камешки, а вскоре у двери звякнули ключи.

— Руки на виду! — крикнул охранник. — К выходу не лезть.

Пленники вытянули руки. Старик легонько толкнул Лекса носком в лодыжку, и тот повторил за остальными.

Дверь открылась.

В клетку хлынули дневной свет и прохладный воздух. На пороге стоял высокий худой эльф.

Догадаться, кто перед ним, удалось раньше, чем всерьёз задуматься, насколько абсурдно выглядит происходящее. Острые уши выступали из-под светлых волос, стянутых на затылке, зрачки были узкими и вертикальными. На эльфе висел серый дорожный плащ, под которым поблёскивали металлические пластины, а в руке он держал короткий жезл с синим кристаллом. Лекс задержал на нём взгляд чуть дольше остальных.

Кристалл вспыхнул.

— Глаза вниз.

В голосе не было ни злости, ни угрозы. Так говорил тот, кто привык, что его приказы выполняют. Лекс подчинился.

Эльф прошёл вдоль лавок, касаясь жезлом замков. Кандалы один за другим отщёлкивались от общего прута, хотя сами дужки оставались на запястьях.

Снаружи ждал второй охранник — человек, коротко стриженный и широкоплечий, с красной повязкой на рукаве. На поясе висели дубинка и связка цепей.

— По двое к корыту и обратно. Пить ртом. Руками воду не трогать.

Первую пару вывели наружу и через минуту вернули. На подбородках у обоих блестели капли.

Когда очередь дошла до Лекса и старика, ноги едва удержали его. После полумрака свет резанул по глазам; он машинально прикрылся ладонью и тут же получил толчок между лопаток.

— Шевелись.

Лекс спустился с фургона и на несколько секунд забыл о жажде. Клетка стояла на каменной площадке у края дороги. Таких повозок в колонне было шесть. В одной теснились люди, в двух других за прутьями мелькали низкие коренастые фигуры с густыми бородами. Из последнего фургона на Лекса смотрело серокожее существо с тяжёлой нижней челюстью и огромными руками. Но самым странным было даже не это.

Животные в упряжке не походили ни на один знакомый земной вид. Четыре мощные ноги заканчивались раздвоенными копытами, вдоль длинной шеи тянулся ряд мелких чешуек, из широких ноздрей валил пар. Лекс поднял глаза.

Небо было бледно-зелёным. Сквозь тонкие облака просвечивало солнце, чуть крупнее привычного, а ближе к горизонту висел второй светлый круг с золотистым оттенком.

Луна среди дня сама по себе ничего не доказывала. Необычный оттенок неба тоже можно было бы попытаться объяснить. Даже странных животных при большом желании удалось бы списать на что-нибудь земное. Но всё вместе уже слишком плохо укладывалось в привычную реальность. Дубинка упёрлась между лопаток.

— Воду увидел?

Лекс кивнул.

— Тогда иди.

Корытом служила половина металлической трубы, установленная на деревянных козлах. В мутной воде плавала солома.

Старик опустился на колени первым, Лекс последовал за ним. Вода пахла железом и тиной, но после первого глотка вкус перестал иметь значение. Он пил слишком жадно.

— Хватит.

Лекс сделал ещё один глоток. Дубинка легла на затылок и прижала лицо к воде. Он вскинул связанные руки, упёрся ладонями в землю, но вода уже полезла в нос.

— Сказано: хватит.

Давление усилилось.

— Господин, — сказал старик. — Колесо у клетки.

Охранник убрал дубинку и повернулся к нему.

— Что?

— Правое заднее. Этот слышал стук.

Лекс поднял голову и закашлялся. Охранник посмотрел сначала на него, потом на фургон.

— Он колесник?

— Не знаю. Но стук есть.

Охранник раздражённо выдохнул и толкнул обоих к клетке. Уже проходя мимо заднего колеса, всё же остановился, присел и провёл ладонью по ступице. На пальцах осталась чёрная смазка.

— Возница! Сюда!

Тот подошёл не сразу и явно был недоволен тем, что его отвлекли.

— Какого хрена?

Охранник ткнул пальцем в ступицу. Возница наклонился.

— Твою мать...

Лекс, стоявший всего в нескольких шагах, тоже заметил конец металлического штифта, выступавший из паза примерно на ширину пальца. Как именно была устроена ось, он не знал, но деталь явно находилась не там, где должна.

— Когда проверял? — спросил охранник.

— На рассвете.

— Значит, плохо смотрел.

Возница бросил взгляд на Лекса.

— Этот заметил?

— Этот слышал. Ты работай.

Лекса втокнули обратно в клетку. Через щель он видел, как возница несколько раз ударил по штифту обухом топора, загоняя его обратно, а потом ещё какое-то время возился со ступицей, тихо матерясь.

— Сработало, — прошептал Гринька.

Мать тут же посмотрела на него.

— Тише.

Старик устроился на прежнем месте.

— Спасибо, — сказал Лекс.

— За что?

— Без тебя они бы не посмотрели.

Старик потёр колено.

— Мне под клеткой лежать тоже не хотелось.

Лекс усмехнулся и тут же поморщился: разбитая губа отозвалась болью.

— Всё равно.

Старик помедлил.

— Корней.

— Что?

— Имя.

— Лекс.

Корней кивнул. На этом знакомство закончилось. Женщина у стены дождалась, пока охранники отойдут к голове колонны, достала глиняную флягу и поднесла её к губам Гриньки. Подросток сделал несколько глотков и отстранился.

— Допивай.

— Мам, а ты?

— Мне хватит.

— Ты ещё не ходила.

Женщина нахмурилась.

— Много ты стал считать.

— Мам...

— Пей, пока дают.

Гринька неохотно сделал ещё глоток. Корней пошарил за пазухой и достал плоскую кожаную флягу.

— Возьми.

Женщина посмотрела на него.

— Не надо.

— Марфа.

Значит, Марфа. Она перевела взгляд с Корнея на флягу.

— Я милостыню не прошу.

— А я её не предлагаю.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Марфа первой отвела глаза, взяла флягу и сделала один короткий глоток.

— Верну.

— Вернёшь.

Она отдала флягу и сразу повернулась к сыну, словно ничего не произошло.

— Ты лучше скажи, что теперь с колесом будет. Если оно снова разболтается.

Корней пожал плечами.

— Доедем или нет.

— Утешил.

Ещё утром они были для Лекса просто людьми в одной клетке, а теперь у троих появились имена. Через некоторое время колонна снова тронулась, и скрип правого колеса исчез. Корней какое-то время молчал, потом спросил:

— Ты с механизмами работал?

— Работал. Инженером.

— Мосты строишь?

— Нет. Автоматика, оборудование. Чинил машины.

Корней принял ответ без удивления.

— Это пригодится.

— Где?

— Скоро узнаешь.

Лекс нахмурился.

— Мы куда едем?

Корней помолчал.

— На рынок.

Сначала Лекс решил, что не понял последнее слово.

— Какой рынок?

Старик встретил его взгляд.

— Рабский.

Лекс медленно опустил глаза на кандалы.

— Нас будут продавать?

— Да.

Он ответил настолько буднично, что именно это и не укладывалось в голове. До этой минуты Лекс всё ещё воспринимал происходящее как задачу, пусть и совершенно безумную: неизвестное место, чужая речь, странные существа, непонятная цепочка. Всё можно было наблюдать, сравнивать, пытаться объяснить. Слово «раб» объяснения не требовало.

— Если скажу, что инженер, это что-нибудь изменит?

— Скажешь, когда спросят. Не раньше.

— Почему?

Корней посмотрел на него устало.

— Потому что ты пока никого здесь не знаешь.

Лекс хотел спросить ещё что-нибудь, но старик прикрыл глаза. Разговор закончился. Дорога постепенно пошла вверх.

Свет в щелях стал ярче, ветер забирался под доски и гонял по полу пыль. Тягловые животные за стеной тяжело фыркали, а возницы время от времени перекрикивались.

Лекса несколько раз клонило в сон. Это были короткие провалы: очередной толчок выдёргивал его обратно, и первые секунды он не понимал, где находится. Однажды ему почудился знакомый запах озона.

Лекс резко открыл глаза. Перед ним была деревянная стена фургона. Никакой лаборатории и руки Романа на пульте — только дым от жаровни, который ветер затягивал через щель.

Он провёл ладонью по лицу и несколько секунд просто сидел, приходя в себя.

Корней ничего не спросил. Когда на очередном повороте Лекса повело в сторону, старик лишь выставил ногу, не дав ему удариться виском о железный прут. Ближе к полудню за щелью показались горы.

Дорога была прорублена прямо в склоне. С одной стороны над фургоном нависала тёмная каменная стена, с другой открывался обрыв, заполненный белым туманом. Где-то далеко внизу шумела вода.

По краю дороги через равные промежутки стояли чёрные столбы, одинаковые по форме и размеру. Возраст выдавали только детали: некоторые почти ушли основанием в камень, вокруг других выросли искривлённые деревья. На вершине каждого мерцала синяя полоса.

— Что это? — спросил Лекс.

Корней прищурился на чёрные столбы за щелью.

— Древнее.

— Это я вижу.

— Тогда знаешь не меньше меня.

Под футболкой неожиданно потеплела цепочка. Лекс прижал ладонь к груди, но через мгновение металл снова остыл.

— Кто такие Древние?

Корней пожал плечами.

— Те, кто всё это оставил.

— Люди?

— Не знаю.

Гринька тут же подался вперёд.

— Дед Семён говорил, у них были железные люди.

Марфа устало посмотрела на сына.

— Дед Семён много чего говорил.

— Но про железных людей все знают.

Корней не стал спорить.

— Рассказывают.

Лекс снова повернулся к щели. Очередной столб промелькнул снаружи. Синяя полоса на вершине чуть изменила яркость именно тогда, когда мимо проходил фургон. Лекс проводил его взглядом, но делать выводы не стал.

Мост появился неожиданно: широкое серое полотно легло над пропастью, а массивные опоры уходили вниз, в белый туман. Противоположный берег отсюда почти не различался.

Когда фургон въехал на мост, привычная тряска неожиданно исчезла, и колёса зашуршали по поверхности почти бесшумно.

Лекс придвинулся ближе к стене и прислушался. Под гулом ветра тянулась низкая вибрация, менявшаяся всякий раз, когда на мост въезжал очередной фургон. Он прикрыл глаза, стараясь отделить шум колёс от того, что шло снизу.

Если изменение звука действительно было связано с нагрузкой, внутри могла работать система, каким-то образом распределявшая её между опорами. На Земле для этого использовали датчики деформации, автоматику и активные элементы, но здесь сравнение могло оказаться совершенно неверным. Лекс понятия не имел, из чего сделан мост, сколько ему лет и что вообще заставляет его работать. Он знал только одно: вибрация менялась. Очередной фургон въехал на плиты, и в затылке резко кольнуло. Лекс дёрнулся.

Сквозь серые плиты вдруг проступили тонкие голубые линии. Они сходились, расходились и переплетались, образуя сложную решётку, которая уходила вниз, к невидимым опорам; несколько из них пульсировали в такт движению колонны. На несколько мгновений Лекс забыл вдохнуть.

Он не понимал, что именно видит и видит ли вообще. В голове успела мелькнуть мысль о последствиях удара, но боль тут же усилилась, заставив зажмуриться.

Когда Лекс снова открыл глаза, голубых линий уже не было. Остались только щель между досками, серый мост, туман над пропастью и тупая пульсация в затылке.

— Эй, — сказал Корней. — Ты чего?

— Голова.

Лекс осторожно коснулся затылка. Пальцы остались чистыми, но Корней всё равно поморщился.

— Тебя сюда без сознания приволокли, а ты ещё удивляешься. Если после такого начнёт всякое мерещиться, другим не рассказывай.

Лекс сразу вспомнил голубые линии на мосту.

— Почему?

— Потому что здесь и без этого найдутся желающие решить, что с тобой делать.

Сказав это, Корней отвернулся к щели. Лекс ещё некоторое время смотрел на мост, но голубых линий больше не было — только серые плиты и туман.

Если это действительно было последствием удара по голове, радоваться точно нечему. Если нет — тем более. Мост закончился. Дорога пошла вниз, и отремонтированное колесо продолжало держаться.

Во второй половине дня ветер стих, а воздух постепенно стал теплее. К запаху пыли примешались дым, мокрое железо и незнакомые специи. Фургон двигался всё медленнее.

Снаружи становилось всё больше голосов, и вскоре обнаружилась странность: одних людей он понимал так же легко, как Корнея и Марфу, речь других оставалась бессмысленным набором звуков.

— Я до сих пор не понимаю, почему могу с тобой разговаривать.

Корней открыл глаза.

— Я тоже.

— И всё?

— А что ещё сказать?

Лекс невольно усмехнулся. Пожалуй, ничего.

— Ты не хочешь узнать, откуда я?

— Хочу.

Корней снова прикрыл глаза.

— Потом.

— Почему потом?

— Потому что сейчас вокруг слишком много ушей.

На этот раз Лекс спорить не стал. Разговор закончился сам собой. Гринька сидел рядом с матерью и украдкой пытался заглядывать в каждую щель. Стоило снаружи раздаться необычному звуку, любопытство побеждало страх, и мальчишка снова вытягивал шею. Один раз Корней поймал его за плечо.

— Не высовывайся.

Гринька нехотя отодвинулся. Марфа бросила на старика короткий взгляд.

— Сам такой же был?

— Хуже.

— Верю.

Корней хмыкнул, а Лекс едва заметно улыбнулся. Пожалуй, впервые за всё время в клетке прозвучал обычный разговор. Фургон резко свернул, и свет в щелях исчез.

Над колонной сомкнулся каменный тоннель. Под колёсами загудела металлическая решётка, снаружи раздался резкий приказ, после чего повозки начали останавливаться одна за другой. Корней выпрямился.

— Ворота.

Он придвинулся к Лексу.

— Сейчас слушай. Глаза на охране не задерживай. Не отвечай, пока не спросят. Про цепочку молчи.

— А про работу?

— Спросят — скажешь.

— Откуда я?

— Не помнишь.

Лекс поморщился.

— Я помню.

Корней посмотрел на него.

— Им это знать необязательно.

За дверью звякнули ключи, а по щелям прошёл синий свет. Снаружи кто-то монотонно перечислял:

— Двадцать один человек. Одиннадцать мужчин, шесть женщин, четверо несовершеннолетних. Видимых мутаций нет. Заявленных одарённых нет. Потери в пути — две единицы.

— Причина?

— Лихорадка и повреждение при задержании.

— Утилизация подтверждена?

— Подтверждена.

Лекс почувствовал, как пальцы сами сжимаются в кулак.

Утилизация.

О мёртвых говорили тем же тоном, каким на Земле кладовщик списывал бракованную деталь. Корней положил два пальца ему на руку, просто напоминая, где они находятся. Лекс медленно разжал кулак. Дверь не открыли.

На решётке что-то щёлкнуло, затем по металлу пробежала голубая искра. Цепочка на шее мгновенно стала ледяной, и Лекс едва не дёрнулся. Пальцы Корнея чуть сильнее сжали его запястье.

— Чисто, — сообщил другой голос. — На нижний рынок. Партия сто восемнадцать.

Что-то тяжело загрохотало. Тоннель наполнился дневным светом, и фургон снова тронулся. За воротами начинался город.

Сначала Лекс увидел стены, настолько высокие, что верхний край терялся в дымке. Чёрный металл чередовался с белым камнем, а по поверхности медленно перемещались светящиеся знаки.

В одном месте кладка треснула, открывая под собой гладкий перламутровый слой. Возникало странное ощущение, будто привычную каменную стену возвели поверх чего-то гораздо более старого. Дальше появились дома.

Низкие строения теснились у подножий башен из металла и стекла. Между верхними этажами тянулись переходы. Под некоторыми горели голубые полосы света, окрашивая стены домов. А потом над крышами показалась башня.

Лекс сначала решил, что видит продолжение городской стены, однако сооружение всё росло, пока не стало ясно: оно стоит далеко впереди и просто настолько огромно, что расстояние обманывает взгляд.

Верх башни исчезал в облаках. Вокруг неё медленно вращались гигантские кольца, на поверхности которых время от времени вспыхивали огни. Лекс долго смотрел на них.

— Что это за башня?

— Стальной Шпиль, — ответил Корней.

Колонна въехала на широкую улицу. Здесь пахло углём, горячим маслом, специями и чем-то сладким. Снаружи торговались, ругались, звонили молотки; совсем рядом кто-то рассмеялся. Обычный человеческий смех заставил Лекса вздрогнуть сильнее, чем крик охранника. Он выглянул наружу.

Город жил своей жизнью: кто-то нёс корзины, кто-то спорил с торговцем, женщина тащила за руку упирающегося ребёнка, по соседней улице проехала телега с бочками. И среди всего этого спокойно двигались клетки, не заставляя прохожих даже останавливаться. Пленники были частью обычного городского движения. Фургон замедлился на краю площади.

Через щель Лекс увидел высокие фонари, внутри прозрачных колб которых горел густой красный свет. Возле одного стояла женщина с корзиной; она поправила ребёнку воротник, взяла его за руку и пошла дальше. Лекс уже собирался отвернуться, когда услышал едва различимый стон. Он замер и снова посмотрел на фонарь.

Стон повторился отчётливее. Теперь сомнений не осталось: звук шёл из самой колбы. Красное свечение дрогнуло.

На мгновение внутри проступило человеческое лицо — открытый в беззвучном крике рот, запрокинутая голова, ладони, прижатые к прозрачной поверхности. Лекс невольно отшатнулся и ударился спиной о прут решётки. Через секунду лицо исчезло, и перед ним снова был только красный огонь.

— Что за хрень?

Марфа сразу обняла Гриньку за плечи и отвернула от щели. Корней опустил глаза.

— Корней.

Тот молчал.

— Там человек.

— Был человек.

Лекс снова посмотрел наружу.

— Он жив?

Корней ответил не сразу.

— Не знаю.

— Что значит «не знаешь»?

— То и значит.

Корней впервые оборвал его по-настоящему резко:

— Не сейчас, Лекс.

Он впервые назвал его по имени. Лекс уже хотел продолжить, но остановился, и вскоре колонна снова тронулась.

Красные фонари остались позади, но Лексу ещё долго слышался слабый хор голосов. Что стало с Романом после белой вспышки, он не знал.

Мысль вернулась к тем семнадцати секундам, к протоколу и красной рукояти, до которой Лекс добрался слишком поздно. Последним он помнил Романа у пульта. Здесь ничего проверить было уже нельзя.

Если человек действительно находился внутри фонаря, Лекс пока не мог сделать для него ни хрена. На руках оставались кандалы.

Он отвёл взгляд от исчезающих вдали красных огней и занялся замком. Запомнил форму корпуса, расстояние между клёпками, положение общего прута, потом изучил петли двери и то, с какой стороны к фургону подходили охранники.

Пока он мог только наблюдать и запоминать.

— Что высматриваешь? — спросил Корней.

— Всё, что получится.

— Зачем?

Лекс помедлил с ответом.

— Пока не знаю.

Корней кивнул и больше не спрашивал. До нижнего рынка добирались ещё около часа.

Улицы становились уже, запахи — тяжелее. В щелях всё чаще мелькали решётки, навесы и деревянные помосты, а крики торговцев смешивались с рёвом животных и звоном металла.

Несколько раз к фургону подходили люди. Они заглядывали внутрь, о чём-то спрашивали охранников и уходили дальше. Лекс не всегда понимал слова, но смысл происходящего был очевиден. Товар осматривали ещё до разгрузки. Гринька держался за руку матери. Пальцы у него дрожали.

— Мам.

Марфа сразу накрыла ладонь сына своей.

— Что?

— Нас вместе купят?

Она ответила не сразу.

— Я тебя не отдам.

— А если захотят?

Марфа сжала его ладонь.

— Не отдам.

— Но если...

— Хватит.

Сказано было резко, но через секунду Марфа притянула сына ближе. Гринька замолчал, Корней отвернулся к стене, а Лекс тоже не нашёл, что сказать: любое обещание сейчас прозвучало бы ложью. Фургон въехал под огромный навес и остановился.

Один за другим затихли остальные колёса. Снаружи захлопали двери, зазвенели цепи, началась переключка.

— Сто восемнадцатая партия! — выкрикнул кто-то. — Готовить к осмотру! Нулевых в третий ряд! С искрой — отдельно!

Корней медленно поднялся. Марфа помогла Гриньке встать, затем торопливо пригладила ему волосы, будто это ещё могло что-то изменить. Лекс тоже поднялся.

Под правыми рёбрами ныло там, куда его ударили палкой, затылок отзывался тупой болью, а натёртые запястья неприятно жгло под кандалами. Он коснулся спрятанной под футболкой цепочки. Металл был холодным и безмолвным. В замке повернулся ключ.

Дверь открылась.

Глава 2. Рынок плоти

Месяц Аэрилон, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

В проёме появился эльф с коротким жезлом и, не заглядывая пленникам в лица, провёл наверху вдоль прута под лавками. Замки один за другим щёлкнули, освобождая прикреплённые к нему цепи.

Лекс ещё не успел подойти к выходу, когда железный крюк зацепил перемычку между его кандалами и дёрнул наружу.

— По одному! Живее там!

Он ухватился за край двери; под правыми рёбрами резануло, и на мгновение пришлось повиснуть на левой руке, пока босые ступни не нащупали камень. Сзади теснились люди. Кто-то наступил ему на пятку, выругался, но Лекс едва это заметил: он ждал, не потянут ли крюком снова.

Корней выбрался следом, постоял, распрямляя спину, и протянул Марфе скованные руки. Та спустилась боком, всё время оглядываясь на Гриньку, который зацепился штаниной за торчащий гвоздь.

— Не рви, — торопливо сказала она. — Стой, я сниму. Да стой же ты!

Подросток замер, пока мать высвобождала ткань. Когда охранник шагнул к ним, оба уже стояли на камне.

Под огромным навесом разгружали остальные фургоны. Из соседней клетки вывели низкорослых бородачей и погнали к другому проходу; возле опустевшей повозки двое служащих пересчитывали цепи. Между ними протиснулся мальчишка с ведром и щёткой, чтобы смыть с камня грязь, пока не подвели следующую партию.

Пахло щёлоком и мокрой соломой. С площади тянуло жареным мясом. Лекс сглотнул: от этого запаха желудок свело сильнее, чем за всю дорогу.

Человек с красной повязкой, тот самый, что прижимал его к корыту, загородил выход на площадь.

— Сто восемнадцатая! За синюю линию!

По полу тянулись цветные полосы. Служащий продел длинную цепь через кольца на кандалах, соединяя пленников, и повёл вдоль стены.

— Цепочку убери, — выдохнул Корней, почти не разжимая губ.

Лекс непроизвольно прижал локти к бокам.

— Она под футболкой.

— Раздевать будут. Ну же, пока не подошли.

Прикрывшись плечом старика, Лекс поддел звенья пальцем и потянул цепочку через голову. На затылке саднило, руки дрожали; металл зацепился за ухо, и он едва не рванул сильнее. Пришлось наклонить голову и медленно высвободить звенья, прежде чем удалось спрятать их в ладони.

В полотняных штанах карманов не оказалось, зато пояс был сложен вдвое и прострочен толстой ниткой, а возле завязки шов разошёлся. Лекс нащупал отверстие и протолкнул звенья внутрь, распределяя их вдоль ткани. Когда охранник оглянулся, он торопливо затянул завязку, словно только ради этого и опускал руки. Корней уже смотрел перед собой.

Синяя полоса привела к каменному столу. За ним сидел тощий эльф в зелёной накидке. Перед ним стояла рама с тонкими дощечками; рядом лежали глиняные бирки и костяная палочка.

— Двадцать один при воротах, — доложил сопровождающий. — После проверки без потерь.

Писарь нашёл нужную дощечку.

— Отправлено двадцать три.

— Две дорожные потери внесены.

— Внесены. С перевозчика удержать шесть серебряных.

Человек с повязкой поджал губы, но спорить не стал. Писарь поставил отметку и кивнул первому в цепи.

Первый пленник назвался Семёном, плотником из Крутого Лога. Эльф осмотрел его ладони и зубы, к названному возрасту прибавил восемь лет; когда Семён попытался возразить, служащий снова взял его за подбородок. Пленник замолчал.

С трёх шагов Лекс различал на дощечке углы, короткие дуги и перечёркнутые черты, но не узнавал ни одной буквы. Короткие вопросы писаря были понятны, хотя в быстрой

речи сопровождающих он по-прежнему терял отдельные слова. Письмо оставалось совершенно непонятным: сколько Лекс ни всматривался, ни один знак не становился понятнее.

Марфа подошла к столу, всё ещё держа сына за руку.

— Имя. Возраст. Что умеешь?

— Марфа. Тридцать восемь. Прясть, шить. Скот держала. Травы знаю.

Эльф осмотрел её лицо.

— Сорок два. Родственные связи?

— Сын. Ему нет пятнадцати.

— Есть, — торопливо поправил Гринька. — Прошлой зимой исполнилось. Я могу работать.

Марфа так стиснула его пальцы, что он повернулся к ней. Она смотрела прямо на него, и Лекс увидел, как старательно взрослое выражение на лице мальчишки исчезло.

Писарь потянулся за второй биркой.

— Пятнадцать. Взрослая норма.

— Погодите, он же ещё... — Марфа запнулась. — Он с такой работой не справится. Посмотрите на него.

— Покупатель посмотрит. Рот открой.

Гринька медлил, пока служащий не взял его за подбородок. Когда чужие пальцы оттянули губу, он резко дёрнулся.

— Стоять!

Человек с повязкой уже поднимал дубинку, и Марфа сама повернула сына к осматрщику.

— Гринь, потерпи. Слышишь? Ещё немного.

Голос у неё стал непривычно тонким. Подросток послушался, только глаза отвёл к потолку, а после осмотра вытер рот плечом.

Корней назвал только имя. Писарь окинул его взглядом и отложил бирку к остальным.

— Навыки?

— На земле работал.

— В полевую группу. Дальше.

Лекс оказался перед столом.

— Имя.

— Лекс.

— Возраст?

— Тридцать два.

— Откуда?

Он вспомнил слова Корнея у городских ворот. Название своей страны вызвало бы новые вопросы, а ответить на них он здесь всё равно не смог бы.

— Не знаю, как здесь называют мой край.

Писарь поднял глаза.

— Где тебя взяли?

— Этого не помню.

За спиной заговорил охранник:

— Последним добавили. Без сознания привезли на стоянку. Так в передаточной и написано.

Эльф перелистнул дощечку.

— Происхождение не установлено. Навыки?

— Инженер. Чиню механизмы, системы управления.

— Гильдия?

— Не состою.

— Кто подтвердит обучение?

Лекс покачал головой.

Писарь уже начал что-то писать, когда человек с повязкой добавил:

— Колесо на дороге услышал. Правое заднее. Штифт выходил, возница потом забил.

— Сам исправлял?

— Нет. Из клетки орал.

Эльф сделал короткую приписку.

— Механик без подтверждения.

Лекс посмотрел на бирки, отложенные к полевой группе. Рядом с ними уже лежала бирка Корнея. Он мог дожидаться покупателя, как советовал старик, только покупатель, прочитав «без подтверждения», мог и не подойти. Охранник стоял в шаге, и Лекс всё же решился.

— Дайте мне что-нибудь сломанное, — попросил он. — Я покажу. Если получится... эту работу можно будет в счёт выкупа?

Писарь перестал двигать палочкой.

— Чьего выкупа?

— Моего. Я мог бы...

Удар пришёл сбоку. Дубинка попала по правому плечу, и Лекс вскрикнул прежде, чем успел стиснуть зубы. Короткая цепь натянулась, кто-то сзади выругался; он вцепился левой рукой в край стола, чтобы не упасть.

— Мог бы помолчать, — сказал охранник возле самого уха. — Ещё раз начнёшь торговаться — другую руку отобью. Понял?

Лекс видел только край дощечки и лежавшую рядом костяную палочку. Поднять её, ткнуть назад, в лицо, которое сейчас так близко... Пальцы соскользнули по гладкому камню. Правая рука висела, и от каждого вдоха боль расходилась до локтя.

— Понял, — выдавил он.

Охранник выждал, словно давая возможность добавить что-нибудь ещё. Лекс молчал.

Писарь повесил ему на шею бирку. Один знак напоминал сломанную шестерню; рядом появился ещё один, нанесённый быстрым движением.

— На осмотр.

За столом стояли тканевые ширмы. Здесь Лекса отвели от общей цепи, открыли одну дужку кандалов и велели раздеться. Второй конец короткой цепи служащий защёлкнул в кольцо на скамье, оставив достаточно слабины, чтобы можно было поднять руку.

Футболку пришлось стягивать осторожно. Когда он поднял правую руку, плечо прострелило так, что перед глазами пошли пятна. Осмотрщик дождался, затем помог высвободить локоть. Футболка осталась висеть на цепи возле скамьи.

— Штаны тоже.

Лекс развязал пояс. Цепочка лежала внутри сгиба, холодная полоска прижалась к пальцу. Он сложил штаны на скамью поясом вниз. Помощник поднял их за штанины, встряхнул и бросил обратно. На камень посыпалась дорожная пыль. Звенья остались между двумя слоями ткани.

Его заставили присесть, повернуться, раскрыть рот, а когда потребовали поднять руки, правую удалось отвести лишь немного. Осмотрщик надавил возле присохшей крови на затылке. Лекс дёрнулся и втянул воздух сквозь зубы.

— Не трогайте там.

— Замри. Ещё чуть-чуть.

Пальцы отступили от раны, но почти сразу надавили под рёбрами. Лекс согнулся, насколько позволяла цепь.

— Рана свежая. Ушибы справа, плечо тоже, — диктовал осмотрщик, уже разворачивая его ладони. — Старые ожоги. Зубы целы. Два дня без тяжёлой работы. Отдых. Если голова будет болеть — повторный осмотр.

— Категорию снижать? — Помощник поднял палочку над записью.

— Ты запиши сначала. Категорией у стола займутся.

Его облили холодной водой и позволили одеться. Пока он стягивал на поясе завязку, служащий снял цепь с кольца и снова замкнул кандалы на обеих руках. Мокрая футболка липла к спине. Разошедшийся шов Лекс нащупал, лишь отвернувшись от служащего: металл был на месте.

В следующем проходе стоял кристаллический столб, зажатый между тремя медными кольцами. От нижнего кольца уходил под стол толстый провод. На шкале светилась узкая синяя черта.

Молодой эльф с чернильным пятном на щеке повертел бирку Лекса.

— Ладони на кольца.

Медь была холодной. Внутри столба поднялся голубой свет, задержался возле нижней отметки и погас. Одновременно потемнела синяя черта на шкале.

Эльф посмотрел под стол.

— Да что ж ты опять...

Он присел, пошевелил провод, и свет вернулся.

— Ладони верни. И не дёргайся, а то до вечера провозимся.

Лекс приложил ладони. Цепочка в поясе стала ледяной.

В глубине столба дрогнули тонкие линии. На миг возникла такая же сетка, как под плитами моста, но увидеть её целиком не удалось: линии съехали, наложились друг на друга. Затылок кольнуло болью. Лекс моргнул и убрал руки.

Шкала опять не светилась.

— Я тебе что сказал? — Молодой эльф раздражённо стукнул пальцем по кольцу.

Лекс удержал руки возле стола. Голову ещё простреливало, а на нижней грани кристалла, прямо над медью, виднелась мутная полоска. Он наклонился, пытаясь понять, осталась ли она от видения, однако полоска не исчезла.

— Там трещина, что ли?

Эльф провёл ногтем по стекловидной поверхности.

— Старая. Отойди пока. И никуда не уходи.

Прибор удалось включить только с третьей попытки. Эльф велел помощнику позвать инспектора, а Лекса отвёл к решётчатой перегородке.

В соседнем проходе девушка в разорванной серой рубаше удерживала пожилую пленницу, которая обмякла у неё на руках. Охранник тянул старшую за локоть, однако та только представляла ноги на месте и никак не могла выпрямиться.

— Отпусти её! Сама пойдёт.

— Да куда она пойдёт? — Девушка с усилием перехватила обмякшее тело. — Не тяните, ей больно!

— Тебя не спрашивают.

Охранник потянул снова. У пожилой пленницы запрокинулась голова, и девушка переставила ногу, принимая на себя её вес. На мгновение Лексу показалось, что обе сейчас упадут.

— Дайте хоть сесть! Голову разобьёт — с вас удержат. У вас же написано!

Охранник остановился, не отпуская локтя.

— Где это написано?

— У входа. За повреждения при передаче.

Она говорила быстро, срываясь на вдохе. Охранник оглянулся на служащего за столом, но тот лишь раздражённо махнул рукой:

— Посади уже. Видишь, проход загородили? И воды пусть принесут.

Когда девушка стала опускать пленницу на пол, охранник перехватил её за плечо и дёрнул к себе.

— Ещё мне правила читать будешь?

Она не успела ответить. От пощёчины она ударилась виском о решётку; пожилая женщина едва не выскользнула из рук, но девушка удержала её, присев вместе с ней на корточки. Подоспевший служащий помог усадить больную у стены.

Лекс подался вперёд и только по звону кандалов понял, что шагнул. Он хотел крикнуть, чтобы тот убрал руки, но охранник уже обернулся.

Дубинка коснулась решётки возле лица Лекса.

— Тебе тоже помочь?

Плечо свело от попытки поднять руку. Он отступил, ненавидя и стоявшего по ту сторону решётки, и собственное облегчение, когда дубинка опустилась.

Девушка отвела волосы от лица. Неровно обрезанные пепельно-русые пряди прилипли к щеке, в углу рта показалась кровь. Рукав сполз, открыв на правом запястье тонкие серебряные линии; она торопливо натянула ткань обратно и, не поднимая головы, поправила ворот больной.

— Повернулся, я сказал.

Лекс подчинился.

По проходу шёл высокий эльф в чёрной мантии. Серебряные нити на ткани мерцали, складываясь в незнакомые рисунки. Светлые волосы были стянуты на затылке. В руке он держал тонкий посох с потемневшим металлическим навершием.

Инспектор торопился следом, на ходу объясняя:

— Магистр Вэл'Шан, прошу вас. Третий измеритель: на одном человеке два срыва подряд. Я велел его задержать.

Служащие выпрямились. Молодой эльф провёл ладонью по щеке и размазал чернила до уха; заметив пятно на пальцах, спрятал руку за спину.

Вэл'Шан остановился возле стола.

— А контрольное свечение?

— Гаснет вместе со шкалой, господин.

— Покажи.

Молодой эльф сам взялся за кольца. Голубой столб поднялся выше середины, дрогнул. Эльф передвинул ногу; под столом что-то щёлкнуло, и столб погас.

Магистр посмотрел на провод.

— Давно это у вас?

— Утром всё работало, господин. Я сам проверял.

— Я вижу, как ты проверяешь. Когда впервые погас контроль?

Молодой эльф перестал теревить край накидки и опустил глаза.

— Со вчерашнего вечера. После замены накопителя.

Инспектор отвернулся к помощнику. Тот сразу принялся искать дощечку в своей сумке.

— Прибор снять, — велел Вэл'Шан. — Всю смену проверить заново. А ты останешься после торгов и объяснишь инспектору, почему молчал со вчерашнего вечера.

— Господин, мне сказали, что...

Магистр повернул голову, и служащий осёкся.

Лекса пробрал холод: теперь Вэл'Шан смотрел на него.

В золотых глазах магистра темнели узкие зрачки. Лекс приготовился ответить или снова протянуть руки, но нового приказа не было. Эльф разглядывал его с той сосредоточенностью, с какой сам Лекс изучал неисправный блок перед разборкой, и от этого молчания всё труднее становилось стоять спокойно. Он заметил, что втягивает голову в плечи, как Гринька перед осмотром, и заставил себя выпрямиться.

— Имя?

— Лекс.

— Что ты здесь нашёл?

Лекс облизнул пересохшую губу.

— Полоску возле кольца. Мутную. Сбоку видно.

Вэл'Шан чуть наклонился. Посмотрел с того места, где стоял Лекс, и выпрямился.

— Что ещё заметил?

Затылок пульсировал. Линии внутри кристалла он видел всего мгновение; одного слова о них могло хватить, чтобы его увели за магистром. Лекс не знал, что там с ним сделают, и от этого незнания во рту стало совсем сухо.

— Шкала гаснет вместе со столбом. Не только на мне.

Магистр протянул посох помощнику и вынул из рукава узкий прозрачный камень. В его глубине горела золотая искра. Стоило камню оказаться в пальцах Вэл'Шана, как свет чуть вытянулся вдоль прозрачной грани.

— Держи за нижнюю грань.

Лекс взял камень и, ожидая, что снова появятся линии, вглядывался в прозрачную глубину, пока к горлу не подступила тошнота. Однако видел он только неподвижную жёлтую точку и отражение собственных пальцев.

— Не сжимай. Пальцы распрями.

Лекс попытался распрямить пальцы, но они слушались плохо. Вэл'Шан подождал, после чего забрал камень и передал молодому служащему. В его руке искра вытянулась вверх коротким язычком. Когда кристалл снова оказался у Лекса, точка почти не изменилась.

— Нулевой фон, — поспешил сказать измеритель.

— Ниже шкалы, — поправил магистр. — Это ты и запишешь. Показания неисправного прибора не учитывать.

Инспектор сделал пометку.

— Биографическая запись?

Ему подали дощечку. Вэл'Шан прочитал её, задержал палец у последней строки.

— С механизмами работаешь?

— Работал.

— Как нашёл неисправность колеса?

— Услышал стук на каждом обороте. Оси из клетки не видел, попросил проверить крепление. Там могло быть и другое.

Магистр посмотрел на его плечо. Мокрая ткань уже не скрывала припухлость.

— Голова болит после дороги?

— Да.

— До прибора болела?

— Да.

Вэл'Шан вернул дощечку инспектору.

— В нулевую категорию. Продажу не задерживать. В приложение внесите оба показания и состояние прибора. После сделки — имя владельца, адрес, место работы. Секретарю передать сегодня.

— Повторное измерение?

— В течение десяти дней на исправном приборе. Владельца ознакомить. Если отклонение повторится, докладывать сразу.

Магистр убрал камень. Лекс уже было выдохнул, когда тот снова заговорил:

— Вспомни, где тебя учили.

— Я помню, где... Только это далеко.

Лекс пожалел об ответе ещё до того, как закончил. Вэл'Шан чуть склонил голову.

— Тогда у тебя будет время подобрать понятное мне название. На осмотре расскажешь.

Магистр забрал посох. Возразить Лекс не посмел: пока эльф шёл по проходу, ему всё казалось, что сейчас тот остановится и велит увести его следом.

Молодой измеритель отсоединил провод. Из-под нижнего кольца посыпалась чёрная крошка. Лекс не стал наклоняться, чтобы посмотреть ближе.

Когда его вернули в цепь, Корней прежде всего взглянул на плечо, потом — в сторону удалявшегося магистра.

— Что ему понадобилось?

— Не знаю. Велел ещё раз проверить.

Старик помолчал, подбирая свисающий конец цепи, чтобы она не тянула Лекса за запястья.

— Про колесо-то прочли?

— Прочли.

— Уже ладно. Идти можешь?

— Смогу, — ответил Лекс, хотя несколько шагов держался рядом со стариком так близко, что они задевали друг друга локтями.

* * *

Их загнали в каменный загон под сетчатой крышей. Косой свет ложился на дальнюю стену. В углу стояла бочка с водой, на краю которой висел жестяной ковш.

Пленники столпились возле бочки. Охрана отступила к воротам. Теперь цепь между людьми расстегнули, и Лекс впервые за день мог отойти от Корнея больше чем на два шага.

Он не отошёл. Сел возле стены, поддерживая правый локоть левой рукой. Плечо распирало под тканью, натёртые запястья горели. Хотелось лечь на прохладные плиты, но он боялся, что потом не встанет.

Корней вернулся с ковшом.

— Снизу возьми.левой, правую не мучай.

Корней подождал, пока Лекс перехватит ковш, и только тогда отпустил. Вода пахла нагретым железом. После нескольких глотков дрожь в пальцах немного унялась; он вернул посудину, придерживая за край, чтобы не расплескать остаток.

В загон привели людей из соседнего прохода. Пепельноволосая девушка помогла пожилой пленнице сесть, прислонила её к стене. Та никак не могла уложить ноги поудобнее и всё пыталась подтянуть одну к себе.

Марфа опустилась рядом.

— Дай-ка.

Она коснулась женского лба, провела ладонью по мокрой шее.

— Давно жар?

— Со вчерашнего дня, — ответила девушка. — Ночью ещё разговаривала.

Гринька принёс воды. Марфа намочила край своего подола и стала вытирать женщине лицо. Девушка держала её за руку, пока та пила.

Лекс осторожно отвёл локоть, проверяя, насколько поднимается плечо.

— Не верти так, — негромко сказала девушка. — Разболится ещё сильнее.

Лекс замер, не доведя движение до конца.

— Думаешь, вывихнул?

— Не знаю. У меня после удара к вечеру распухло. Я тоже всё проверяла.

Она ненадолго коснулась собственного плеча и снова повернулась к больной. Лекс устроил локоть на колене.

Через решётку просматривался край площади. Покупатели переходили от помоста к помосту. Одни несли свёртки ткани, другие вели за собой людей. У прилавка напротив торговец резал длинную полосу кожи и спорил с заказчиком о ширине. Оттуда доносились вполне обычные слова: дорого, вчера обещал, разве это работа.

— Корней, — тихо позвал Лекс. — Этот магистр. Он здесь главный?

Прежде чем ответить, старик посмотрел к воротам загона.

— Здесь — не знаю. Его людей видел на обысках. Забирали тех, у кого искра объявилась.

— Всех, кого находили?

— При мне — всех. Я на двух улицах был, за остальной город не скажу.

— А потом? Они возвращались?

Корней медленно покачал головой, не глядя на Лекса.

Девушка подняла глаза.

— В Магистериум могли увезти, — сказала она. — Вэл'Шан и одарёнными занимается, и старыми устройствами.

— Ты его встречала?

— Нет. Про него слышала. На севере тоже знают это имя.

Лекс хотел спросить, где именно на севере, но она уже отвернулась. Гринька присел возле матери, поднял с пола край её подола, чтобы не наступили проходящие.

У ворот лязгнул засов.

— По биркам! На продажу!

Пожилая женщина попыталась подняться, но ладони разъехались по камню. Девушка успела подхватить её под мышки, прежде чем служащий остановился перед ними и сверился с дощечкой.

— Семьдесят четвёртая. В лекарский ряд.

— Её к лекарю? — Девушка чуть подалась к служащему. — Жар со вчерашнего дня. Сейчас хуже стало.

— Там разберутся.

— Ей пить надо. Понемногу, слышите? Она сама уже не просит.

Служащий кивнул двум помощникам. Один взял женщину под плечи, другой — под колени, и её рука стала выскользывать из пальцев девушки.

— Погодите. Я донесу с вами.

— Ты здесь остаёшься.

Она ещё держалась за чужую кисть, пока помощник не потянул на себя. Тогда пальцы разжались; к ладони прилипла серая нитка, вылезшая из рукава больной. Девушка отступила, прижав руку к животу.

— Лечить будут? — спросила Марфа.

— Если лечение окупится.

Помощники понесли женщину к боковой двери. Её ступня задела косяк, и девушка дёрнулась следом. Охранник встал поперёк прохода. Она остановилась.

Девушка всё смотрела на закрытую дверь. Серую нитку она заметила не сразу; сняла её с ладони и долго перекатывала между пальцами, прежде чем стряхнуть.

— Давно вы вместе? — осторожно спросил Лекс.

— С позавчера.

Он не нашёлся с ответом. Девушка вытерла ладони о рубаху, словно собиралась снова кого-то подхватить, хотя возле стены уже никого не было.

Когда им приказали встать в ряд, Лекс придержал натянувшуюся цепь, пока она переступала через неё больной ногой. Девушка на миг опёрлась на перекладину и едва слышно поблагодарила.

* * *

К помосту вели пять широких ступеней. Людей из фургона Лекса выстроили вдоль задней перекладины лицом к площади. Девушку и ещё нескольких пленников из другой партии вывели с боковой лестницы, ближе к столу продавца; их записи писарь положил отдельно.

Продавцом оказался невысокий эльф в жёлтом кафтане. Он кивнул знакомому в первом ряду, поправил рукав и заговорил так громко, что Лекс невольно отодвинулся.

— Сто восемнадцатая партия! Двадцать один человек с северо-восточного тракта. Рабочие руки для поля, шахты и дома. Осмотрены городской службой!

— Сколько больных? — крикнули снизу.

— Заключение перед вами. Подходите, читайте. Скрытых пороков не держим.

Лекс посмотрел на стол. Рядом с бирками лежали дощечки, и покупатели действительно брали их в руки, сравнивали записи, передавали друг другу. На обороте его дощечки был чёрный знак, которого не было до прихода магистра.

Первыми продали двух крепких мужчин шахтному приказчику. Тот отсчитал восемь серебряных и затянул кошель; остальные двадцать пообещал довести перед отправкой. Мужчин увели в огороженный проход справа от помоста; приказчик получил узкую полоску кожи с оттиском и пошёл смотреть следующую партию. Писарь продолжал наносить отметки, не поднимая головы.

Ещё одного человека купил драконид с медными кольцами в рогах. Он осмотрел старый шрам на предплечье, спросил, умеет ли пленник держать копьё. Тот ответил, что умеет. Драконид велел показать хват, один раз поправил ему руки и кивнул продавцу.

Гринька следил за уходящими. Марфа притянула его поближе. Он попробовал убрать руку, но она не отпустила.

Их вызвали вместе.

— Женщина, домашние работы, прядение, уход за скотом. Сын пятнадцати лет. Можно парой, можно отдельно.

— Как отдельно? — Марфа повернулась к продавцу. — Вы же записали. Это мой сын!

— Так и стоит в записи. Покупатель прочтёт.

— Двенадцать за женщину, — отозвался покупатель в сером плаще. — Парень не нужен.

Служащий взял Гриньку за локоть, собираясь вернуть его к остальным, и Марфа вцепилась в руку сына.

— Не трогай его!

Крик оборвался, когда служащий перехватил дубинку. Марфа отшатнулась, но Гриньку не отпустила.

— Господин, нас вместе возьмите, — быстро заговорила она уже вниз, к покупателю. — Я за двоих сделаю. Он вам мешать не будет, только вместе...

— Восемнадцать за женщину, — перебил продавец.

— Четырнадцать. Мне во двор, а не в спальню.

Продавец окинул взглядом площадь. Покупатель поднял два пальца, показывая, что больше не даст; за его спиной кто-то нетерпеливо окликнул торговца, требуя перейти к следующему.

Корней шагнул вперёд.

— Вместе берите, господин. Она со скотом, он на подхвате. Мать без него...

Служащий упёр дубинку ему в грудь и отгеснил к перекладине.

— Тебя выставят — будешь говорить.

Корней смолк, втянув воздух сквозь нос. Марфа держала Гриньку обеими руками; подрасток перестал смотреть на покупателей и прижался к ней плечом.

— Мам, не надо, — прошептал он. — Он сейчас ударит.

— Молчи, Гринь. Молчи.

Она произносила это почти беззвучно, словно успокаивала его перед сном, и от этого Лексу стало страшнее, чем от её крика. Он хотел вмешаться, сказать что-нибудь, что заставит покупателя передумать, но за спиной уже скрипнули доски под ногами охранника. Лекс прижал больную руку к животу и остался у перекладины.

Писарь за столом наклонился к продавцу и что-то сказал. Тот раздражённо поморщился.

— Полевое управление даёт восемнадцать за обоих, — объявил он покупателю. — Двадцать — забирайте пару.

— Я сказал: парень мне не нужен.

— Тогда другие есть. Подождёте следующую партию.

Покупатель в плаще опустил руку и отошёл.

Служащий велел Марфе вернуться в ряд, но она не двинулась, пока Гринька не потянул её за рукав. Лекс выдохнул: всё это время он стоял, задержав дыхание. На дальней стороне помоста уже спрашивали цену другой женщины.

— Я же сказала, что не отдам, — прошептала Марфа возле Корнея. — А он бы взял и...

Старик подвинулся, заслоняя их от площади. Когда Марфа наконец разжала пальцы, на запястье сына остались белые полосы.

— Прости, Гринь. Больно тебе?

Подросток мотнул головой. Она принялась поправлять ему ворот, но со второй попытки бросила и просто прижала его к себе.

Пепельноволосую девушку вывели отдельно. Продавец забрал у писаря другую дощечку.

— Грамотная. Общее письмо, счёт, два северных наречия. Для лавки и дома.

— Имя? — спросила пожилая эльфийка в первом ряду.

Девушка посмотрела на неё.

— Айрин.

— Род?

Айрин молчала, глядя куда-то за плечо покупательницы. Продавец коснулся её локтя; она резко отвела руку, и он взял её крепче.

— Род спрашивают. Отвечай.

— Без рода.

Первое слово прозвучало хрипло, зато второе она выговорила отчётливо. Ногти впились в ладонь её свободной руки.

Эльфийка ещё несколько мгновений разглядывала её лицо, потом опустила дощечку на стол. Ставки не последовало.

Другой покупатель попросил показать руки. Айрин протянула ладони, стараясь удержать рукава у запястий. Эльф перевернул одну кисть, посмотрел на пальцы. Лекс видел, как напряглась её шея, но серебристые линии остались под тканью.

— Тяжёлой работы не знает, — сказал покупатель.

— Для тяжёлой у меня другие. Эту к письму можно посадить.

— Мне сейчас в прачечную нужна.

Айрин вернули к столу. Она опустила руки и осторожно переставила левую ногу. Опираясь на неё, похоже, становилось всё труднее.

Солнце уже не попадало под навес, когда вызвали Лекса. На площади стало меньше людей. Торговцы говорили громче, пытаясь остановить проходящих.

— Тридцать два года. Механик. В дороге обнаружил неисправность колеса.

— В записи — без гильдии, — отозвался бородатый дворф.

— Проверите в работе, почтенный мастер.

— А пометка Магистериума?

Продавец повернул дощечку.

— Повторное измерение. Первый прибор неисправен. Категория нулевая.

Дворф прочитал приложение, покачал головой и вернул записку. Лекс проводил его взглядом. Вскоре в толпе уже нельзя было различить ни бороды, ни высокого воротника.

— Подними, — велел служащий.

У ног лежал каменный груз с двумя углублениями по бокам. Лекс присел, поддел его пальцами. Стоило потянуть, как в плече вспыхнула боль.

Он сумел оторвать груз от досок, но выше колен не поднял. Поставил обратно и медленно распрямился.

— Выше подними. Ещё раз.

Лекс устался на камень. Кисть дрожала, и он с ужасом понял, что больше не удержит груз, даже если сейчас ударят.

— Не могу, — сказал он слишком громко и сразу понизил голос. — Лекарь два дня отдыха велел. Там записано.

Служащий повернулся к продавцу, не опуская дубинки. Лекс ждал, чувствуя, как пот стекает по спине.

— Хватит с него, — досадливо бросил продавец. — Двадцать пять серебряных! Механик, рабочие руки, голова на месте!

— Пятнадцать, — предложили снизу.

— За пятнадцать берите в следующем ряду.

Никто не ответил. Лекс стоял возле камня, чувствуя под поясом холод цепочки. Футболка успела подсохнуть, но на спине и под мышками всё ещё липла к коже. Он не знал, много здесь пятнадцать монет или мало; люди внизу знали и, видимо, уже решили, что тратить их не стоит.

Следующего пленника заставили открыть рот и показать зубы. Покупатель нажал большим пальцем на дёсну, потом велел мужчине присесть и выпрямиться, проверяя колени, как у тяглогового животного. У другого ощупывали старый перелом на ключице и вслух спорили, сколько он снижает цену. Здесь шрамы не были памятью о прожитой жизни — их читали как износ товара, а целые пальцы, крепкая спина и отсутствие кашля превращались в строки невидимой ведомости.

— Двадцать, — сказал низкий голос.

К помосту подошёл коренастый дворф в потёртом кожаном фартуке. Рыжая борода была заплетена в две короткие косы; на кончиках волос остались подпалины. От скулы к уху тянулся белёсый шрам. За поясом висел молот, а на груди — маленькая фигурка такого же молота на кожаном шнурке.

Дворф взял дощечку, прочёл её с обеих сторон и поднял глаза.

— Ладони покажи.

Лекс протянул руки. Покупатель ощупал подушечки пальцев, задержался у старого ожога, проверил большой палец. Когда он взял правую кисть, Лекс невольно отдёргнулся.

— За плечо не тяну, — негромко сказал дворф. — Пальцы мне нужны. Вот так.

Он подставил свою ладонь под чужое запястье и дождался, пока Лекс перестанет напрягать руку.

— Инструмент держал. Кузнецом не был?

— Нет.

— А чем занимался?

— Приводами. Управлением... — Лекс сбился и сглотнул. — Машинами, в общем. Чтобы делали то, что нужно, и останавливались вовремя.

Дворф отпустил его руку и несколько мгновений молча рассматривал лицо.

— Паровой молот после десятого удара теряет силу. Давление в котле не падает. Где искать?

Лекс посмотрел на него внимательнее.

— Давление мерили только в котле? Перед цилиндром тоже?

— В котле.

— Тогда надо проверить, что доходит до цилиндра. Может, клапан не открывается до конца. Может, в подводе скапливается вода. Когда остынет, снова нормально бьёт?

Дворф потёр бороду.

— Допустим.

— Начал бы с подвода и клапана. Потом посмотрел бы уплотнения. Но я вашей машины не видел.

— Кристаллы менять не предложишь?

— Не знаю, зачем они в ней стоят.

Продавец быстро подался вперёд.

— Господин Кор-Дум, вы сами слышите. Сорок серебряных. Такого на поле отправлять жалко.

— Я предложил двадцать.

Лекс запомнил имя. Кор-Дум ещё раз взглянул на его плечо и на запись осмотрщика.

— Двадцать пять, — сказал он. — С отметкой магистра, без подтверждённого ремесла. Больше не дам.

— За тридцать пять отдам.

— Нет.

Дворф положил дощечку на стол. Продавец удержал её пальцем.

— Пятьдесят за двоих. Механик и грамотная девушка. Для склада, для заказов. Вы же прошлый раз спрашивали, нет ли кого к книгам посадить.

Кор-Дум посмотрел на Айрин.

— С книгами работала?

Айрин подняла на него глаза.

— Дайте прочесть. Сами услышите.

Продавец развернул лежавшую на столе ведомость к дворфу. Айрин наклонилась ближе и повела пальцем по строкам. На одной задержалась, вернулась к началу и лишь потом указала на отметку в конце.

— За двух шахтных рабочих... Здесь написано, что расчёт закончен.

Писарь вскинул голову.

— И что с того?

Айрин убрала руку с края ведомости. На мгновение показалось, что она сейчас промолчит, но затем повернулась к Кор-Думу:

— Всего двадцать восемь. Он отдал восемь — задаток. Ещё двадцать обещал принести.

— Ты в моих записях считаешь? — Писарь потянул ведомость к себе.

Кор-Дум прижал край пальцем.

— Дай ей договорить.

— При мне считали, — уже тише сказала Айрин. — Он ведь ещё здесь, можно спросить.

Продавец нагнулся над столом. Писарь полез за кожаным лоскутом с оттиском, уронил палочку и несколько мгновений не мог поднять её с пола. Пока он сверял записи, на соседнем помосте успели дважды выкрикнуть новую цену.

— Людей не выдавать, пока не внесёт всё, — тихо сказал продавец. — И отметку убери. Сейчас же.

Писарь зачеркнул запись, не глядя на Айрин. Она отступила от стола и спрятала руки в складках рубахи.

Кор-Дум подвинул ведомость обратно.

— Пятьдесят серебряных за обоих. Сбор в этой сумме.

— Сбор платит покупатель.

— Тогда сорок восемь и две за сбор.

Продавец посмотрел на пустующую площадь.

— Пятьдесят вместе со сбором, — сказал он. — Последнее слово.

Кор-Дум снял кошель с пояса, но развязывать не спешил.

— Приложение магистра сюда.

Писарь передал вторую дощечку. Дворф прочёл её, провёл ногтем по строке.

— Повторная проверка за мой счёт?

— Проверка городская. С вас — доставить человека и не скрывать отклонений.

— А если прибор опять сгниёт?

Писарь промолчал.

Кор-Дум буркнул что-то в бороду и высыпал деньги в деревянную чашу. Продавец пересчитал пятьдесят серебряных монет, потёр самые тёмные и взвесил их по нескольку штук. Две отодвинул к писарю, остальные сгреб в ящик.

Пока считали деньги, Лекс обернулся к задней перекладине. Корней стоял там же, рядом с Марфой и Гринькой. Мальчишка смотрел на кошель дворфа так пристально, что Лекс опустил глаза.

— Подождите, — вырвалось у Лекса. — А тех троих вы не могли бы...

Кор-Дум повернулся к нему, всё ещё держа раскрытый кошель.

— Из твоего фургона?

— Да. Они помогли мне в дороге. Корней...

Он запнулся. Хотелось приписать старику какое-нибудь ремесло, назвать его механиком, лишь бы дворф согласился взять и его. Но проверять сказанное будут уже на Корнее.

— Он сумел уговорить охрану остановиться, — закончил Лекс. — Без него колесо бы не проверили. Марфа шить умеет, со скотом работала.

Дворф посмотрел на них, прежде чем затянуть кошель.

— Нет, парень. Ещё троих не потяну.

Лекс открыл рот, и дворф устало потёр переносицу.

— Я за одним пришёл, а беру двоих. Завтра за уголь платить, потом мастерам. То, что осталось, уже расписано.

— Они на поля попадут.

— Вижу.

Кор-Дум затянул кошель. Лекс ещё несколько мгновений смотрел на его руки, прежде чем заставил себя отступить. Крикнуть бы, потребовать, чтобы тот хотя бы попробовал... Но расплачиваться ему было нечем, и про чужое мастерство он тоже уже не мог соврать.

Служащий разъединил их с общей цепью. Снял глиняные бирки, открыл транспортные кандалы. Когда с запястий убрали железо, Лекс не сразу опустил руки: коже стало больно от одного воздуха.

На левое запястье ему надели узкий железный браслет. Кор-Дум подал писарю металлическую печать с молотом; служащий установил её в маленький винтовой пресс и выдавил знак на застёжке. Такой же браслет получила Айрин.

Дворф заметил, как Айрин попыталась повернуть браслет на руке, и проверил, проходит ли палец между железом и кожей.

— Ослабь застёжку.

— По размеру, господин.

— На руку посмотри. К вечеру распухнет. Переделывай.

Он не повысил голоса, но служащий сразу взялся за инструмент. Кор-Дум дождался, пока застёжку переставят, проверил её ещё раз и только тогда забрал печать. Лекс смотрел, как человек, только что купивший их за серебро, проверяет, не режет ли железо кожу, и не понимал, что делать с этой мелочью. Браслет от этого не переставал быть знаком владельца.

— Владелец — Кор-Дум, клан Стального Молота, — произнёс писарь. — Адрес тот же?

— Тот же.

Он вписал ещё несколько знаков, отделил копию приложения и протянул дворфу.

— Сведения магистру отправим сегодня.

По ступеням поднялся служащий в синем плаще. Продавец сразу повернулся к нему.

— Остаток сто восемнадцатой, — сказал тот. — Семнадцать человек. Полевое управление берёт по ведомости. Седьмой участок.

Продавец попробовал возразить о цене, но служащий уже собирал записи. Торг занял меньше времени, чем осмотр ладоней Лекса.

Марфе, Гриньке и Корнею надели на шеи синие керамические метки, после чего служащий поставил их в одну цепь с остальными.

Гринька потянулся к Лексу. Гриньке мешали кандалы, а у Лекса руки были свободны. Они неловко сцепились пальцами.

— Ты теперь к машинам? — спросил мальчишка.

— Наверное.

— Ну... хорошо.

Гринька кивнул несколько раз подряд, но пальцев не разжал. Когда с лестницы крикнули, чтобы не задерживали цепь, он вздрогнул всем телом.

— Если узнаешь, где мы...

Он не договорил. Марфа положила ему ладонь на плечо.

— Не держи его, Гринь. Нам идти.

Лекс сжал узкую ладонь, чувствуя, что теперь уже сам не хочет отпускать.

— Седьмой участок, — сказал он, обращаясь и к мальчишке, и к Корнею. — Я запомнил.

Старик осторожно коснулся его здорового плеча.

— Знаю. Ты за рукой следи. Если жар пойдёт, не молчи.

— Корней...

— Всё, ступай.

Голос старика дрогнул; он кашлянул и повернулся к лестнице, подбирая цепь. Гринька наконец разжал пальцы. Марфа оглянулась один раз, потом согнулась, освобождая звено, которое зацепилось у сына за край ступени.

Лекс смотрел, пока они не исчезли за решёткой прохода.

— Пойдём, — сказал Кор-Дум.

Айрин уже спускалась с помоста. На последней ступени она остановилась, и Лекс подал ей здоровую руку. Она оперлась на неё, сошла на камень и сразу отпустила.

* * *

У ворот рынка Кор-Дум купил два куса тёмного хлеба и небольшую флягу воды. Хлеб, завернутый в грубую бумагу, он протянул им. Флягу открыл сам, сделал глоток и передал Айрин.

— Поешьте. До дома ещё идти.

Лекс откусил слишком много. Хлеб застрял в пересохшем горле; он остановился и закашлялся, хватаясь за бок. Айрин тут же протянула ему воду, хотя сама едва успела сделать глоток.

— На. Маленькими, а то опять... Вот так.

Он отпил, прикрыл глаза и дождался, пока отпустит горло. На благодарность хватило только кивка.

Кор-Дум оглянулся и остановился у стены. Дождавшись их, он пошёл медленнее.

Рынок оставался за спиной. На узкой улице люди убирали товар с прилавков, закрывали ставни. Из открытой двери пахло жареным луком. Лекс посмотрел внутрь: за столом сидели двое рабочих и ели из большой миски. Один придерживал кусок хлеба ладонью, чтобы тот не упал на пол.

Лекс смотрел на обычный ужин в обычной жизни: можно встать, налить себе воды, закрыть за собой дверь. Потом отвернулся и прикрыл новый браслет ладонью.

Айрин прихрамывала сильнее. У перекрёстка она задержалась, пропуская телегу, и осторожно пошевелила ступнёй.

Кор-Дум заметил хромоту ещё до следующего перекрёстка.

— Когда повредила?

— В дороге. Подвернула.

— Осматривали?

— Сказали, заживёт.

Кор-Дум остановился, разглядывая её стоптанную обувь.

— А ходить-то можешь?

— Могу, — слишком быстро ответила Айрин и переступила на здоровую ногу. — Дойду.

— Ещё два переулка. Потом сразу снимешь башмак, пока совсем не отекло.

Улица пошла вверх. Над крышами тянулись трубы, из неплотного стыка вырывался пар. Где-то стучал молот. Лекс прислушался, но звук отражался от стен, и понять ритм не удавалось.

— Молот действительно сломан? — спросил он.

— Тот — нет, — ответил Кор-Дум. — Сын прошлой зимой его перебрал. Ты на вопрос ответил, этого пока хватит.

— А что сломалось?

Дворф некоторое время шёл молча.

— Погрузочная машина. Руду поднимает, тяжёлые заготовки переносит. Правое плечо встало. Котёл держит, привод не идёт.

— Можно посмотреть?

— Посмотришь. Сначала поправишься и разберёшься, с чем у нас работают.

— Только я предупреждал... — Лекс невольно замедлил шаг. — В кристаллах я не понимаю. Вообще. Если там дело в них, то не знаю, смогу ли.

— Помню, — ответил Кор-Дум. — С кристаллами у меня есть кому разбираться. Сын в приводах разбирается, а тут четвёртый день бьётся. Может, ты заметишь, что мы пропустили.

От одной мысли о верстаке, инструменте и снятом кожухе Лексу стало легче. Он уже прикидывал, с какой стороны подойдёт к машине, хотя ещё даже не видел её.

Мастерская стояла в конце переулка: двухэтажный каменный дом с широкими воротами и закопчёнными окнами. Над входом висел молот с наковальней, а из высокой трубы поднимался густой дым.

Кор-Дум открыл калитку и подождал, пока они войдут.

Горячий воздух пах углём, маслом и раскалённым железом. Лекс остановился на пороге. За перегородкой лязгнул металл, кто-то потребовал клещи. Он почти повернул туда, прежде чем Кор-Дум тронул его за локоть.

— Сейчас не в цех.

Их провели вдоль стены к столу под лестницей. Кор-Дум зажёл лампу, разложил бумаги с рынка и, пока Лекс с Айрин устраивались на лавке, достал из ящика потёртую дощечку.

— Завтра на рассвете отвезу тебя на Кристаллические поля. Седьмой участок.

Лекс так и остался сидеть, не отпуская край стола.

— На поля? — Лекс услышал, как сорвался собственный голос. — Вы же механика искали!

Кор-Дум поднял глаза от дощечки.

— Механика и посылаю. Подводка воды там наша. Жалоба уже третья: к дальним рядам то идёт, то перестаёт. Мастер приедет — работает, уедет — опять сухо. А деньги с меня удерживают.

— Насос стоит?

— Вода из верхнего канала. Трубы, заслонки — наши. Пульт древний, давно мёртвый; подачу пустили в обход, открывают вручную. Вот и посмотришь, где заедает и что перед этим делают.

Лекс провёл ладонью по лицу. При коротком осмотре такая неисправность действительно могла не повториться: менялся расход в соседних рядах, нагревалась какая-нибудь деталь или работник поворачивал не тот рычаг. Пока можно было придумать десяток причин и ни одной не проверить.

— И сколько я там пробуду?

— Семь полных дней, если раньше не разберёшься. На восьмой привезу заказ и заберу тебя, после полудня. Раньше найдёшь причину — передашь со складской подводой. Она каждый вечер сюда возвращается.

— Там людей к кристаллам ставят, — вмешалась Айрин.

Недоеденный хлеб остался лежать перед ней. Кор-Дум обернулся:

— А его я к воде отправляю.

— Там это услышат?

Дворф нахмурился. Айрин отвела глаза к его рукам, но не замолчала.

— На рынке лекарь тоже сказал, что ему нельзя тяжести. А потом заставили камень поднимать. Все слышали, и всё равно...

Она провела большим пальцем по хлебной корке, кроша её на стол. Лекс ждал окрика; Кор-Дум же протянул руку к заключению осматривающего.

Он перечитал запись, помолчал и положил рядом чистый лист.

— Сам передам управляющему, при надсмотрщике. Хрыч там за людьми смотрит. Оставлю им поручение с печатью.

— Что делают с кристаллами? — спросил Лекс.

Кор-Дум удивился самому вопросу:

— Руки держат на гранях. Камень силу тянет, так его и растят. Тебя к отдаче ставить не велю.

— Из человека? — Лекс не сразу смог произнести следующее. — Жизнь, что ли?

— Силу, — повторил Кор-Дум, уже тише. — Без неё кристалл не растёт.

Лекс отодвинулся от стола. Так вот для чего писарю хватило двух слов Корнея о работе на земле. Он-то представлял лопату, канаву, старческие руки, которые ещё сумеют что-нибудь удержать. А Корней знал. Когда его уводили, уже знал.

За перегородкой лязгнула тяжёлая заготовка. Лекс вздрогнул; лишь через мгновение сообразил, что звук идёт из цеха: ему всё ещё слышался голос Гриньки с помоста.

— Слушай меня, — сказал Кор-Дум и подождал, пока Лекс поднимет голову. — Первые два дня никаких тяжестей. Ходишь, смотришь, рисуешь. Потом, если поправишься, поможешь с подводкой. К отдаче тебя вообще не ставить. Так и запишу.

Он обмакнул перо, но не стал писать сразу.

— Голова не пройдёт — возвращайся с подводой. Возницу сам предупрежу, чтобы взял. Если потребуется мастер, тоже передай. Только объясни, куда смотреть, иначе опять съездит зря.

— Разбирать можно?

— Только когда поймёшь, как остановить воду. И с тем, кто знает участок. Инструмент получишь у надсмотрщика. Древний пульт не трогай: он стоит отдельно, наша подводка должна работать и без него.

Лекс наклонился к листу, но снова увидел только незнакомые знаки. Вozить отсюда мастера при каждой остановке воды было бессмысленно; отправить наблюдения с подводой — разумно, если найдётся способ их передать.

— Я вашего письма не знаю.

Перо остановилось.

— Как не знаешь? — Кор-Дум нахмурился. — Ты ведь с чертежами работал?

— С другими. Там иначе пишут. Здесь я и собственную бирку прочитать не смог.

Кор-Дум посмотрел на рыночную запись о происхождении, потом вынул из ящика короткий уголёк и подвинул обрезок бумаги.

— Нарисуй, как объяснял бы про трубу.

Лекс изобразил основной ход, боковой отвод и обвёл соединение. Кор-Дум ткнул в кружок, и ему пришлось пояснить, что так он отмечает место проверки; после этого дворф повернул лист к лампе, проверяя линии ещё раз.

— Такое пойму. Только рисуй всё, от канала до ряда, чтобы я не гадал, в каком месте смотреть.

Он дописал поручение, прочёл вслух и прижал к воску печать с молотом. Айрин следила за строками, а когда Кор-Дум отложил перо, сразу повернулась к Лексу.

— Да, — сказала она, встретив взгляд Лекса. — Про отдых есть. И что к кристаллам нельзя.

Дворф завернул несколько листов вместе с угольком в лоскут плотной ткани и положил на письмо.

— Это утром возьмёшь. И зарисовывай, пока помнишь. Если не найдёшь причину, скажешь, что проверил. Мне нужно знать, что там на самом деле.

— Мне бы сначала увидеть всё, — ответил Лекс. — Сейчас я только гадать могу.

Кор-Дум без возражений сложил письмо вместе с листами.

Лекс всё ещё видел синие метки на шеях Корнея, Марфы и Гриньки. Завтра его повезут туда же, с письмом, которое Айрин только что проверила. У тех троих такой бумаги не было, а он успел обрадоваться, что их оставили вместе.

Кор-Дум повернулся к Айрин.

— Ты пока здесь. На складе сверишь записи с тем, что осталось. Ключ у меня, утром открою. И по дому работа найдётся.

— Только готовить я не умею, — сказала она после паузы и выпрямилась, будто заранее ждала удара.

Кор-Дум остановился, собирая рыночные бумаги.

— Совсем?

— Я никогда этого не делала.

Кор-Дум поскрёб большим пальцем шрам над бровью.

— Ладно, покажем. Начнёшь с простого. В цеху без спросу ничего не трогайте. И если кто велит делать то, чего не умеете, зовите меня, не пробуйте наугад.

Он уже поднялся, когда Лекс спросил:

— А магистр?

Кор-Дум помедлил, держа в руке приложение с чёрным знаком.

— На повторный осмотр отвезу сам. Если его люди придут раньше, пусть сперва зовут меня. Это тоже в поручение внесу.

— А если он всё равно заберёт? — спросил Лекс.

Кор-Дум не отвёл глаз.

— Без приказа не отдам.

— А с приказом?

— С приказом Магистериума труднее, парень. Не стану обещать того, чего сам не знаю.

Он снова сел, сделал приписку внизу листа и убрал бумаги в ящик. Лекс стиснул край лавки, но нового вопроса не задал.

* * *

В кладовой под лестницей два соломенных тюфяка лежали у противоположных стен; между ними едва поместилась низкая скамья. Под потолком темнело зарешечённое окно.

Кор-Дум принёс таз, кувшин воды и две полосы чистой ткани, а возле двери поставил ведро с крышкой. Айрин взяла со стола недоеденный хлеб и флягу, которую дворф оставил им до утра.

— Здесь переночуете. Если воды не хватит — постучите. Утром разберёмся с остальным.

Он снял с гвоздя второе одеяло, бросил на свободный тюфяк и вышел. Ключ повернулся снаружи.

Лекс уже собирался поблагодарить, но так и остался сидеть с приоткрытым ртом. После хлеба, разговора о машине и обещанной работы он успел забыть об этом звуке. Айрин тоже повернулась к двери, затем медленно поставила кувшин на пол.

Тело отреагировало быстрее мысли. После щелчка замка Лекс непроизвольно выпрямился и убрал руки с колен, будто сейчас из-за двери снова прозвучит команда. На столе стояла вода, рядом лежал хлеб, Кор-Дум сам сказал пользоваться всем этим, но несколько вдохов Лекс всё равно ждал разрешения, которого уже некому было отдавать. Айрин тоже прислушивалась к удаляющимся шагам и только потом потянулась к кувшину. Один день в цепях не успевал сделать из человека раба, зато вполне успевал научить тело бояться раньше, чем разум успеет возразить.

Айрин налила воды в таз. Сначала умыла лицо, осторожно снимая засохшую кровь с губы. Затем повернула таз к нему.

— Тебе на голове надо смочить. Иначе с волосами отдерёшь.

Он взял вторую полосу ткани. Потянулся к затылку левой рукой и поморщился: после дня в кандалах не слушалась даже она.

Айрин некоторое время смотрела, потом протянула ладонь.

— Дай сюда. Я сзади достану.

Лекс отдал тряпицу и повернулся спиной. Когда мокрая ткань коснулась волос возле раны, он резко втянул воздух.

— Прости, — шепнула Айрин и убрала руку. — Сильно?

— Не ждал просто. Давай, нормально.

— Скажи, если больно. Я же не вижу, где у тебя...

— Скажу.

Она приложила ткань снова, теперь осторожнее. Лекс перестал упираться ладонью в край тюфяка и чуть наклонил голову.

Он сидел, глядя на собственные ладони: под ногтями осталась грязь с пола фургона, а рядом с натёртым запястьем темнел молот на застёжке. Теперь железо не врезалось в кожу, но снять его самому он по-прежнему не мог.

Айрин убрала ткань.

— Пока хватит. Тут ещё присохло, не буду отдирать.

— Спасибо.

Она вернулась на свой тюфяк и принялась стягивать левый башмак. Кисти дрожали от усталости; когда пятка наконец вышла, Айрин зашипела от боли и закрыла глаза.

— Помочь? — Лекс приподнялся.

— Уже сняла. Посиди, не надо.

Щиколотка припухла. Айрин попыталась опустить ступню на пол, передумала и подложила под неё сложенный край одеяла. Лекс подтолкнул таз поближе к её тюфяку, после чего откинулся к стене.

Лекс отвернулся, развязал пояс и вытащил цепочку из разошедшегося шва.

— На осмотре спрятал? — спросила Айрин.

— До него. Корней предупредил.

Лекс надел цепочку через голову.

Айрин отвела глаза. Рукав она держала натянутым почти до пальцев; Лекс убрал цепочку под футболку и не стал спрашивать про узор.

— Спасибо, что про поля спросила, — сказал он.

Айрин повела плечом.

— Ты сам как услышал, так замолчал. Я подумала, сейчас он договорит — и всё, утром увезут.

— А если бы разозлился?

Она коснулась разбитой губы и сразу убрала руку.

— Я боялась.

Лекс поднял глаза. Айрин смотрела на дверь, из-под которой пробивалась полоска света.

— До сих пор боюсь, — добавила она тише. — Но он ведь дал мне прочесть. Не выгнал, не ударил. Хоть спросить можно было.

Отвечать ей было нечем: когда Кор-Дум нахмурился, Лекс и сам ждал, что сейчас начнётся.

За стеной переговаривались мастера. Кто-то проволоком по полу тяжёлый предмет, потом хлопнула дверь.

— Может, я их завтра увижу, — сказал он после долгого молчания. — наших троих. Участок ведь тот же.

Айрин придвинула недоеденный хлеб. От своего куска Лекс ничего не оставил; она разломила корку и положила половину на скамью.

— Возьми им.

— Ты сама голодная.

— Остальное съем. Этого на троих хоть по кусочку.

Рука Лекса задержалась над хлебом.

— Если найдёшь их, — добавила Айрин.

— Найду, если смогу, — сказал Лекс и придвинул хлеб к себе.

— Как думаешь, ей воды дадут? — вдруг спросила Айрин.

Только через мгновение он понял, о ком говорит Айрин.

— Той женщине. Я сказала, что понемногу надо. Он вроде слышал.

— Слышал, — ответил Лекс. — Только я не знаю, что там дальше.

Айрин долго разглаживала край одеяла, пока складка совсем не исчезла.

— Ночью она сестру звала. Всё руку искала. Я рядом села, а она меня уже не узнаёт...

Голос оборвался. Лекс ждал, но она больше не заговорила; только осторожно прижала ткань к лицу, чтобы не задеть разбитую губу.

Он хотел сказать, что девушка сделала всё, что могла, и не смог. После рынка от этих слов самому стало бы тошно. Вместо этого Лекс потянулся к фляге, взболтал оставшиеся несколько глотков и поставил её рядом с Айрин.

— Тут ещё есть.

Она помедлила, затем взяла воду. Пока она пила, Лекс отвернулся, чтобы она могла вытереть лицо.

Он завернул оставленный ему хлеб в бумажную обёртку и положил у изголовья, чтобы не забыть утром. Потом снял футболку, всё ещё влажную в складках, и повесил на край скамьи.

Айрин уже лежала лицом к стене, накрыв одеялом плечи.

— Если раньше проснёшься, разбуди меня, ладно?

— Разбужу.

Он лёг на левый бок, устроив правую руку так, чтобы плечо не тянуло. За стеной ещё работали, и каждый удар глухо отдавался в затылке; заснуть, казалось, не получится. Лекс проверил, рядом ли свёрток с хлебом, и оставил возле него ладонь.

Айрин что-то негромко сказала. Он хотел переспросить, но не успел: за стеной раздался ещё один удар молота, а следующего он уже не услышал.

Глава 3. Рабский труд и первая искра

Месяц Тирион, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

Айрин тронула его за левое плечо.

— Лекс. Вставай, уже идут.

Он открыл глаза и несколько мгновений смотрел на её руку, не понимая, где находится. Потом за дверью звякнули ключи, и он вспомнил кладовую, рынок, бумагу с печатью. Когда он попытался сесть, боль потянулась от правого плеча к рёбрам. Лекс замер, переждал и только тогда спустил ноги с тюфяка.

Айрин уже была одета. Левый башмак она зашнуровала свободнее правого и, когда отходила к скамье, старалась не опираться на больную ступню.

— Хлеб, — напомнила она.

Свёрток лежал там, где Лекс оставил его перед сном. Он взял его, провёл ладонью по бумаге и спрятал за пояс. Цепочка оставалась на шее; холодный металл скользнул по груди, когда он натягивал футболку.

Кор-Дум открыл дверь и поставил у порога пару стоптанных кожаных башмаков.

— Примерь. В этих по канавам ходили, подошва ещё держит.

Один башмак оказался велик, зато другой не давил на сбитую пятку. Пока Лекс подтягивал ремешки, дворф смотрел, как он двигает правой рукой.

— Голова?

— Когда встаю, кружится. Потом проходит.

— В повозку сядешь впереди. За борт не цепляйся, я подсажу.

Они поели в той же тесной комнате за цехом. Каша успела остыть, но Лекс выскреб свою миску до дна. Кор-Дум положил перед ним письмо и завернутые в ткань листы с угольком, долил воды во флягу, оставленную с вечера, и велел взять её с собой.

Айрин проводила их до ворот. Здесь она остановилась, держась за косяк, пока дворф укладывал бумаги между ящиками.

— Скажи им, что я...

Лекс обернулся. Айрин потёрла пальцем край косяка и покачала головой.

— Просто передай хлеб. А то ещё забудешь, кому он.

— Не забуду.

Она коротко коснулась его локтя и отпустила, когда Кор-Дум позвал с повозки.

За городскими воротами колёса пошли по разбитой дороге. При каждом толчке Лекс стискивал зубы; вскоре пришлось обхватить правое предплечье левой рукой, чтобы оно меньше дёргалось. Кор-Дум заметил и сбавил ход.

Поля показались за низким холмом. Издали Лекс принял голубые полосы за воду: они дрожали в утреннем свете, уходя далеко к каменной стене. Потом повозка спустилась ниже, и полосы распались на ряды угловатых столбов. Между ними стояли люди.

Большинство держали руки перед собой. Кто-то полз вдоль канавы с длинным ковшом; двое тащили через междурядье третьего, у которого волочились ноги. Лекс повернулся вслед им, но ящики заслонили край поля.

У ворот висела синяя досочка с незнакомыми знаками. Кор-Дум назвал Седьмой участок, показал накладную, и их пропустили во двор между складом и белёной конторой. Рабочий с метлой поспешно отступил с дороги. За ним шагнул человек в короткой кожаной куртке и ударил рукоятью кнута по черенку.

— Колеи вычисти. Я тебе куда велел мусор стонять?

Рабочий нагнулся ниже. Человек уже отвернулся: он узнал дворфа и убрал кнут за пояс.

— Господин Кор-Дум. Рано вы.

— Хрыч, позови управляющего. И сам останься.

В конторе пахло мокрой известью и чернилами. Эльф за столом не поднялся; сперва он сверил накладную, затем пересчитал деревянные бирки, принесённые Хрычом.

— Вчера опять не закрыли дальний ряд.

— Вода стояла, господин.

— Подачу я проверял. Вода была.

Хрыч замолчал. Управляющий отложил одну бирку отдельно.

— Недобор за тобой. Ещё раз — удержу из жалованья.

Кор-Дум положил письмо поверх накладной.

— Для этого и привёз человека. Будет смотреть подводку. Это Лекс.

Управляющий скользнул взглядом по браслету с молотом, потом развернул лист. Лекс стоял рядом со столом и видел печать, которую вчера поставили при нём.

— Здесь условия, — продолжил Кор-Дум. — Первые два дня только осмотр. Никаких тяжестей. К отдаче не ставить вообще. Нужен ему здешний работник, который знает воду. Инструмент выдадите.

— И кормить, и место в бараке. — Управляющий перелистнул бумаги. — За ваш счёт?

— В расчёт включите. Если голова не пройдёт, вернёте с подводой. Вознице я скажу сам. Эльф дочитал и подтолкнул письмо к Хрычу.

— Слышал?

— Слышал, господин. Будет смотреть.

Управляющий поставил подпись, Хрыч — свой короткий знак. Кор-Дум дождался, пока ему отделят копию, и спрятал её за пазуху.

— На восьмой день приеду с заказом. После полудня. До тех пор его рисунки передавайте каждый вечер, даже если ничего не нашли.

Во дворе дворф повторил это вознице складской подводой. Тот придержал ремень на пустом ящике и кивнул Лексу.

— До вечернего колокола подайте на склад. Заберу.

Лекс хотел спросить, куда именно идти, но Хрыч уже взял его выше локтя. Правая рука отозвалась болью; он невольно дёрнулся.

— За другую, — резко сказал Кор-Дум.

Хрыч сразу отпустил.

Пока повозка разворачивалась, Лекс смотрел на копию письма, торчавшую из-за отворота куртки дворфа. Потом колёса скрылись за воротами. Хрыч выждал, когда стихнет их стук, и протянул руку за свёртком с бумагой.

— Что там у тебя?

— Листы. Рисовать.

Надсмотрщик перебрал их, растёр между пальцами край уголька и вернул.

— Пойдём, рисовальщик.

* * *

Через двор проходила внутренняя ограда. Контора стояла вплотную к ней, задними окнами к баракам и навесу возле инструментального сарая. Складская подвода осталась по другую сторону; Лекса повели в калитку, от которой тянулся длинный проход между канавами. Охранник открыл небольшой ящик с ножными оковами.

— Он для воды, — сказал Хрыч. — Длинную дай, чтобы дотягивался.

Лекс отступил на полшага.

— Мне ходить нужно. Он же сказал...

— А ты и будешь ходить. Нogu подними.

За спиной встали ближе. Лекс посмотрел на кнут, потом на раскрытый обруч и поднял ногу. Цепь между щиколотками позволяла шагнуть, но не давала широко переступить канаву. Первые несколько шагов он то и дело наступал на неё.

Хрыч остановился возле общего водовода. Вдоль верхнего края поля тянулся канал; от него вниз уходила толстая труба, раздваивавшаяся перед дальними рядами. Одна ветка проходила через низкую каменную будку, вторая, заметно новее, огибала её снаружи.

— Вот ваша подводка. То течёт, то не течёт. Смотри.

Из ближайшего отвода лилась вода. На соединениях темнели мокрые полосы, но заметной течи Лекс не увидел. Он присел возле трубы, положил рядом свёрток и потянулся к ржавому кольцу на крышке.

— Погоди!

Чужая ладонь легла поверх его пальцев.

Рядом стоял широкоплечий мужчина со стянутой ожогом щекой. Рукава рубахи он подвернул до локтей; на левом предплечье белели старые отметины, а на шее висела синяя метка — такая же, какую вчера надели Корнею.

— Не трогай крышку. Сначала сверху перекрывают.

Лекс убрал руку.

— Она на защёлке?

— Прижимная. Кольцо потянешь — вода её тебе в лицо и выкинет.

Лекс взглянул ещё раз. Под грязью он не заметил ни скобы, удерживавшей крышку, ни тонкой струйки у прокладки. Замок действительно был другим, чем ему показалось.

Хрыч фыркнул.

— Хорош мастер. Сразу себя топить полез.

— Мне нужен кто-нибудь, кто знает, где перекрывать, — сказал Лекс, поднимаясь. — И как здесь воду делят.

— Зураб, покажешь. До обхода. Потом на место.

Мужчина ничего не ответил. Дождался, пока надсмотрщик отойдёт, и указал через канал на помост с большим воротом.

— Оттуда общий ход закрывают. Нам туда нельзя, зовём верхнего. А это на дальние ряды.

Он взялся за длинную рукоять на новой трубе и слегка пошевелил её. Вода в отводе задрожала.

— Заслонка внутри. Поднимешь — идёт. Вот палец держит рычаг.

Лекс наклонился. Поперёк прорези лежал короткий металлический стержень, возле которого блестела свежая потёртость.

— Его недавно меняли?

— Луну назад. Я этот ставил.

— Сам сделал?

— Из того, что дали. Кузнец я.

Он произнёс это без вызова, но на последнее слово Хрыч, уже отошедший к рядам, оглянулся. Зураб опустил руку с рукояти.

Лекс отложил вопросы и развернул бумагу. Нужно было понять хотя бы путь воды. Он рисовал канал, помост, развилку, а Зураб поправлял: один боковой отвод питал не соседний ряд, как казалось сверху, а канаву за двумя следующими.

У каменной будки Лекс задержался. На её стене была укреплена металлическая коробка с потемневшим стеклом и утопленными в грязь кнопками. Под коробкой уходила в камень массивная тяга; чуть дальше виднелись зубья колеса, покрытые сухим налётом.

— Пульт?

— Древний. Старый затвор открывал. Теперь мёртвый.

— Давно?

— До меня. Сколько ему — не знаю. Вода в старом ходе есть, а открыть некому. Потому вашу трубу и пустили рядом.

Лекс посмотрел на стекло, но не прикоснулся к нему. Кор-Дум велел оставить пульт в покое; пока и с обычной подводкой было достаточно непонятного.

Они дошли до конца канавы. Зураб показал следы вчерашнего уровня на камне, затем места, где приходилось носить воду ковшами. Лекс решил было, что трубу забивает ил, но Зураб покачал головой:

— Чистили. При мне. Пойдём, покажу, куда вывалили.

Куча ещё не успела просохнуть. В ней лежали мелкие камни, корни, клочья водорослей. Лекс присел на корточки и растёр ил между пальцами. Засор по-прежнему был возможен, только прежней уверенности уже не осталось.

— А вода после чистки пропадала?

— На другой день.

— Когда? После обеда, с утра?

— Меня тогда в нижние ряды поставили. Не видел.

Впервые Лекс не смог ничего добавить к рисунку. Он провёл короткую черту на полях и свернул лист, услышав возвращавшегося надсмотрщика.

— Нашёл? — спросил Хрыч.

— Пока нет. Надо дожидаться, когда перестанет идти, и посмотреть наверху. Сейчас течёт.

— Это я и без тебя вижу.

— Тогда дайте остаться у рычага. Если он сдвинется...

— Стоять будешь вон там.

Хрыч указал на незанятый кристалл возле трубы. Лекс посмотрел на Зураба, но тот уже подбирал цепь у ног.

— Мне к воде велено, — сказал Лекс. — Вы при хозяине...

— Воду отсюда видно. Как пропадёт, скажешь.

— Мне нельзя к кристаллам!

Последние слова прозвучали слишком громко. Несколько человек подняли головы; Хрыч шагнул вплотную, заслонив ряд.

— Ты мне ещё покричи. Пол-утра двоих держу возле исправной трубы. Ряд за вас кто закроет?

— В письме написано...

Хрыч схватил его за больное плечо. Лекс вскрикнул и согнулся, пытаясь вывернуться из пальцев.

— Письмо в конторе, — сказал надсмотрщик ему в ухо. — А ты здесь. Понял?

Он отпустил только возле грани. Лекс стоял, прижимая локоть к боку, и не мог выровнять дыхание. Ещё утром дворф заставил этого человека убрать руку; теперь Хрыч даже не пытался скрыть, что делает.

Лекс положил на кристалл левую ладонь. Вспомнился прозрачный камень магистра и неподвижная искра: ниже шкалы. Может быть, здесь тоже ничего не получится. Может быть, брать у него просто нечего.

Холод прошёл от пальцев к запястью. Лекс вздрогнул, но сперва это было почти приятно после нагретого воздуха. Потом руку потянуло изнутри, под рёбрами образовалась пустота, и он невольно подался вперёд.

— Вторую, — велел Хрыч.

Правую ладонь пришлось поднять, помогая себе всем корпусом. Плечо заныло, однако вскоре холод заглушил и эту боль. За прозрачной гранью разгоралась синяя полоса. Лекс смотрел, как она становится шире, и пробовал понять, где заканчивается отражение его руки.

— Отвернись от него.

Зураб стоял у соседнего кристалла.

— Слышишь? На канаву смотри.

— Я вижу...

Лекс не договорил. Синяя полоса распалась на пятна; в следующее мгновение он обнаружил, что опирается на обе ладони и не может выпрямить локти.

— Да не наваливайся ты! Пальцы разогни. По одному.

Он попытался. Безымянный не послушался. Лекс испугался, дёрнул всю кисть и чуть не упал: камень его не держал, он сам прижимался к нему, стараясь устоять. Зураб подхватил его под локоть.

— Ноги расставь. Цепь под пятку не загоняй.

— Отпустите меня, — выдохнул Лекс, не понимая, кому говорит.

Зураб переставил его ступню чуть в сторону и отступил к своему месту. Хрыч смотрел с другого конца ряда. Лекс торопливо вернул левую ладонь на грань, хотя всё внутри сжалось от этого движения.

Кристалл тянул силу и теперь. Ни вчерашние показания, ни отсутствие отклика в камне магистра от этого не защищали. Когда Лекс попытался сосчитать вдохи, на шестом забыл число и начал снова.

Рядом звякнуло железо. Зураб прижал звено своей цепи к опоре трубы, затем носком подтолкнул цепь Лекса туда же.

— Подержи так.

Лекс сперва решил, что тот помогает закрепить на скользкой земле. Но дрожь в пальцах стала слабее, хотя ноги стояли так же. Он успел сделать несколько ровных вдохов, прежде чем Зураб тихо велел убрать цепь: надсмотрщик возвращался.

Лекс хотел спросить про железо, но Хрыч остановился перед ним. Пришлось снова прижать обе ладони и смотреть в землю, пока тот не разрешил перейти к следующему кристаллу.

К обеду пояс мокрой полосой прилип к спине. Бумаги и хлеб Лекс переложил в тканевый свёрток; перед каждым переходом он проверял, не остались ли они в канаве. На трубу теперь удавалось смотреть только издали. Вода продолжала идти, рычаг стоял на месте, а сам Лекс, которого прислали следить за подводкой, боялся, что не дотянет до колокола.

На обед выдали жидкую кашу. Лекс сел у стены и долго не мог донести миску до рта. Зураб опустился рядом, подложил ему под запястье свёрнутый край собственной рубахи.

— Локоть на колено. Так не трясёт.

Лекс попробовал и сделал глоток. Каша была почти безвкусной; он проглотил её и вдруг почувствовал, как сильно хочет ещё.

— Ты давно здесь?

— Скоро два года.

Лекс посмотрел на его руки. После одного утра собственные пальцы казались чужими; представить себе два года не получалось.

— Как ты...

— Понемногу ем. Как дают.

Зураб подвинул ногой свою миску подальше от стекавшей со стены воды. Продолжать этот разговор Зураб явно не хотел.

— Я Лекс.

Кузнец кивнул и потянулся за своей миской.

Они помолчали. От главной калитки донёсся скрип колеса. Лекс сразу повернул голову, но это тащили пустую бочку.

— Мне к вознице надо. В мастерскую.

— Он за оградой разгружается.

— Знаю. Хозяин ему сказал: если голова не пройдёт, взять обратно.

Зураб перестал есть и посмотрел на него внимательнее.

— Ты Хрычу скажи сейчас. Пока подвода не ушла.

Надсмотрщик нашёлся возле раздаточного навеса. Лекс показал рисунок водовода и попросил пропустить на склад. Хрыч взял лист, повертел его, затем сложил вчетверо.

— Передам.

— Мне самому нужно. Голова болит. Он велел вернуться, если...

— Я слышал, что он велел.

— Тогда пустите к подводе.

Хрыч продолжал смотреть на него, не убирая сложенного листа. Лекс почувствовал, как снова начинает дрожать левая рука. Он спрятал её за спину, но надсмотрщик заметил.

— До вечера поживёшь. Сначала смену закончи.

Когда ударили в колокол, Лекс пошёл не к баракам, а к внутренней калитке. Он видел над оградой верх пустых ящиков и человека, который затягивал ремни. До них было несколько десятков шагов.

Охранник выставил поперёк прохода древко.

— Пропуск.

Лекс показал браслет.

— Кор-Дума. Он утром привёз. Мне к его вознице.

— На выход пропуск. От старшего.

— Он знает! Спросите его, он...

Лекс попытался поднять руку, чтобы возница заметил его над оградой. Древко упёрлось в грудь, и он отступил. Из-за склада уже выходил Хрыч.

— Я кому сказал в барак?

— Вы сказали после смены!

— Я сказал смену закончить. На выход тебя никто не отпускал.

Лекс рванулся было обойти охранника, но цепь натянулась между ногами. Его поймали за ворот и развернули так резко, что потемнело в глазах. Из-за ограды раздался окрик возницы, скрипнули колёса. Когда Лексу позволили выпрямиться, повозка с ящиками уже катилась к внешним воротам.

— Хозяину я передал, — сказал Хрыч. — Теперь ты меня послушай. Ещё раз к калитке полезешь — после работы будешь у меня под замком сидеть. Рисовать там тоже удобно.

Он убрал руку с ворота. Лекс стоял, ловя воздух, и смотрел, как надсмотрщик вкладывает его лист за отворот куртки. Хрыч заметил этот взгляд, прижал бумагу ладонью и пошёл к рядам.

У барачков Лекс нашёл Гриньку.

Он искал их весь день: всматривался в людей у дальних канав, пробовал задержаться возле раздачи, спрашивал Зураба о вчерашней партии. Теперь мальчишка сам окликнул его из очереди за водой.

— Лекс!

Гринька сделал шаг, увидел цепь у его ног и остановился. Потом посмотрел выше, на руку, которую Лекс снова прижимал к боку.

— Ты тоже здесь?

— По воде прислали.

Мальчишка посмотрел на его мокрые штаны, на грязь между ремешками башмаков, но больше ничего не спросил. Он выбрался из очереди и позвал мать.

Марфа сидела возле Корнея, придерживая миску у него на коленях. Увидев Лекса, она начала подниматься, однако тот торопливо опустил её рядом.

— Сиди. Я сам.

Корней отвёл ладонь от глаз.

— Плечо опять?

— И к кристаллам поставили, — выговорил Лекс.

Рассказывать про калитку сейчас не получалось: стоило открыть рот, и в горле вставал ком. Он развязал ткань, вытащил хлеб и протянул Марфе.

— Айрин вам оставила. Та девушка, с рынка.

Марфа приняла свёрток обеими руками. Разломила хлеб, задержалась над третьим кусочком, потом посмотрела на Лекса.

— Ты ел?

— Ел. Это вам.

Гринька взял свою долю и сперва только держал её на ладони. Лекс смотрел на узкую полоску мякиша и жалел, что сам съел вчера весь свой кусок.

— Мы у нижней канавы, — сказала Марфа. — Гриня воду подносит. Корнея сегодня после обеда тоже к воде пустили.

— Старого на тяжёлое не ставят, — пробормотал Корней и попробовал улыбнуться.

Пальцы у него дрожали так, что улыбка получилась страшнее жалобы. Лекс накрыл их ладонью. Старик чуть сжал её и больше ничего не сказал.

Их разогнали, когда пошли пересчитывать бараки. Марфа забрала у Лекса пустую хлебную обёртку: пригодится закрывать миску. Гринька помог ему подняться, хотя сам едва держался ровно.

— Ты завтра тут будешь?

Лекс взглянул на внутренние ворота.

— Буду.

Место ему досталось на нижних нарах, рядом с долговязым пареньком с тёмными, спутанными волосами. Тот придерживал колено ладонью и старался уложить ногу так, чтобы не касаться доски.

— К стене не двигайся, — сказал он. — Оттуда на голову каплет.

Лекс сел ближе к краю.

— Спасибо.

— Ты у Хрыча новый?

— Сегодня привезли.

— А я вторую неделю. Митя.

Он был старше Гриньки, но сейчас говорил тонко, почти по-детски. Лекс назвал себя и поставил флягу между нарами.

Когда погасили свет, Митя долго ворочался, затем затих. Лекс уже решил, что сосед уснул, когда почувствовал прикосновение к рукаву.

— Тебя тоже тянет после? Когда руки убрал, а всё ещё будто...

— Да.

— Я думал, одному мне так. — Митя помолчал. — Мать говорила, крепкий я. Выдержу.

Лекс повернулся к нему, но в темноте различил только острый подбородок.

— Пить будешь?

Паренёк взял флягу и сделал один глоток.

— А завтра опять.

Лекс хотел сказать, что завтра будет легче. Вместо этого дождался, пока ему вернут воду, и поставил её так, чтобы Митя мог дотянуться.

Засыпая, он прислушивался к дыханию за спиной. Хрыч не забрал оставшиеся листы; они лежали под его рубахой, прижатые к животу. Утром нужно было попробовать передать хотя бы один.

* * *

На второй день Лекс дошёл до калитки ещё до раздачи еды. Охранник позвал Хрыча, не дав ему закончить просьбу. После этого надсмотрщик велел выводить Лекса вместе с нижним рядом и возвращать вместе с ним; за бумагами, если они понадобятся, обещал прийти сам.

Теперь между полем и бараком его проводили мимо закрытого прохода. Складская подвода появлялась по вечерам, но останавливалась за оградой, куда без разрешения старшего не выпускали. Услышав удаляющийся стук колёс, Лекс всё-таки крикнул вознице. Хрыч отвёл его за угол и ударил в живот; до барака его довёл Зураб.

Удар пришёлся чуть выше пупка. На несколько секунд тело забыло, как дышать: Лекс согнулся, раскрыл рот, но вместо вдоха из горла вырвался сухой хрип. Когда воздух наконец вернулся, вместе с ним подступила желчь; пришлось упереться ладонью в стену и переждать спазм, пока Зураб не подхватил его под здоровую руку. До ночи живот сводило всякий раз, когда Лекс пытался выпрямиться полностью.

В тот вечер Лекс долго сидел на нарах, не расстёгивая башмаков. Он злился на себя за то, что боялся даже посмотреть в сторону двери. Когда Зураб подал воду, Лекс оттолкнул флягу, едва не выбив её из руки.

Кузнец удержал её и поставил рядом.

— Потом выпьешь.

— Я не на тебя...

— Вижу.

Лекс поднял флягу лишь через несколько минут. Пить пришлось понемногу: от полного глотка сводило живот. Утром он наполнил её у колодца в барачном дворе; потом старался делать это при каждой раздаче еды, прежде чем их снова выгоняли на поле.

Ряды меняли, а вода пропадала всякий раз, когда Лекс оказывался далеко от развилки. Ему удавалось увидеть только последствия: канава мелела, люди подхватывали ковши, Хрыч начинал кричать громче. Потом кто-нибудь возвращался к подводке, двигал рычаг — и вода снова шла.

На третий день связь проявилась отчётливо: это случилось сразу после закрытия ближних отводов. Поток в верхнем канале не ослаб, зато новая труба вздрогнула, и рукоять возле будки опустилась на ширину пальца.

Он закричал, зовя надсмотрщика, но тот сперва решил, что Лекс просится отойти. Пришлось повторить и показать подбородком: обе ладони ещё лежали на кристалле.

Хрыч сам подошёл к трубе, рывком поднял рукоять. В дальнюю канаву хлынула вода.

— Вот! — Лекс отнял руки, не дожидаясь команды. — Вы её подняли. До этого она сама села!

— И чего орёшь?

— Надо соединение посмотреть. Без воды. Сейчас опять сдвинется.

Хрыч оглянулся на залитую канаву и нехотя позвал работника с верхнего помоста. Пока тот перекрывал общий ход, Лекс стоял, прислонившись к будке. Зураб подошёл с ящиком инструмента, который надсмотрщик наконец вынес из запертого сарая.

Когда вода перестала течь и из открытого отвода вытекли остатки, они сняли небольшую боковую крышку. Лекс придерживал её левой рукой, а Зураб вынул стопор и повернул рычаг.

Металлический палец вышел из гнезда не сразу. На одной стороне его расплющило, другую прорезала глубокая борозда. Рычаг из-за этого стоял с перекосом.

— Нужно такой же толщины, только из железа, — сказал Зураб. — Этот мягкий.

— А почему такой поставил? — спросил Лекс.

Зураб посмотрел на Хрыча.

— Какой дали.

— Ты мне месяц назад сказал, держать будет, — огрызнулся надсмотрщик.

— До замены. Я сказал: до замены. И два раза потом просил железный.

Хрыч дёрнул ящик носком сапога.

— Ищи. Там ещё есть.

Зураб перебрал несколько стержней. Один оказался тоньше, второй — слишком коротким; третий он поскрёб краем напильника и положил обратно.

— Такой же. Снова сомнёт.

Лекс провёл пальцем вдоль борозды. Он мог объяснить, что происходит с рычагом, но по цвету не отличил бы этот металл от подходящего. Зурабу хватило нескольких движений напильником, чтобы отложить негодный стержень.

— Когда ближние отводы закрывают, сюда давит сильнее, — сказал Лекс. — Из-за этого пальца рычаг перекашивает. Заслонка опускается. Похоже на то, что я видел.

— Может быть, — отозвался Зураб. — Внутри бы ещё глянуть, не разбило ли проушину. Но это весь узел снимать.

Хрыч тут же приказал закрывать крышку.

Вместо ремонта им позволили подпереть рычаг. Зураб взял обрезок бруса из кучи возле сарая и ножовкой сделал выемку, чтобы дерево не соскальзывало с трубы. Лекс подал ему снятую крышку и придержал брус, пока тот подгонял высоту. Получилась распорка, которую приходилось вынимать всякий раз, когда нужно было закрыть воду на дальние ряды.

— Это ненадолго, — сказал Зураб, возвращая ножовку в ящик. — Палец менять всё равно надо.

Лекс нарисовал изношенную деталь, рычаг и место, где стояла подпорка. Отдельно показал движение заслонки. Когда Хрыч протянул руку, он задержал лист.

— Передайте именно это. Кор-Дум поймёт. Нужен его мастер с железом.

— Давай сюда.

— Вы прошлый не передали.

Кузнец перестал собирать инструмент. Хрыч шагнул ближе и вырвал бумагу.

— Тебе про прошлый хозяин сказал?

Лекс молчал.

— Вот когда скажет, тогда и рот открывай. По местам оба.

После этого он уже не выдавал им инструмент, пока вода продолжала идти. Подпорку ставили и снимали другие работники, а Лекс из своего ряда следил, вернули ли её на место. Когда дерево сползало, он звал Хрыча; сперва тот ругался, потом посылал кого-нибудь поправить.

К четвёртому дню Лекс научился замечать, когда перестаёт чувствовать мизинец. Оказалось, это происходило раньше, чем кружилась голова. Он убирал одну ладонь, пока надсмотрщик смотрел в другую сторону, и ждал покалывания в пальцах. Вторую руку потом приходилось отнимать почти сразу: она холодела быстрее.

Зураб показывал ему, возле каких опор можно прижать цепь к железу. Иногда становилось легче; иногда Лекс не замечал никакой разницы. Однажды он слишком долго искал звеном край скобы и пропустил момент, когда начали подгибаться колени. Зурабу пришлось удерживать его за рубашу.

— Всё, хватит. Убери руки!

— Я ещё...

— Сейчас упадёшь. Убирай, кому говорят!

Хрыч заметил их, и Лекс получил кнутом по бедру. Зураб дождался, пока надсмотрщик уйдёт, потом зло выдохнул:

Край ремня рассёк ткань и кожу сбоку, не глубоко, но длинно. Первые шаги Лекс почти не чувствовал раны — ногу жгло целиком, — зато потом мокрая штанина начала цепляться за разрез при каждом движении. Он не остановился: остановка на поле означала бы ещё один вопрос Хрыча, а вопрос у того слишком часто заканчивался новым ударом.

— Железо тебе сил не вернёт. Смотри, что с тобой делается.

Лекс хотел возразить, но не смог разогнуть пальцы. Пришлось кивнуть.

Позже, когда они стояли у другого ряда, он попробовал считать соединения на видимой части трубы. Это помогло не смотреть в сияющую глубину кристалла, однако через несколько минут холод снова добрался до локтей. Чертежи отвлекали, но тело от этого не переставало слабеть.

Цепочка под футболкой иногда становилась тёплой. Лекс нащупывал её ладонью во время переходов, но не понимал, греется ли сам металл или его разгорячённая кожа. Доводить себя до обморока ради проверки он не решался.

Вечером Зураб долго возился с ремешком башмака. Лекс подвинулся к краю нар и придержал пряжку, чтобы тот мог продеть распушившийся конец. Кузнец работал медленно; большой палец несколько раз соскальзывал.

— Раньше и не глядел бы, — пробормотал он.

— На что?

— На руки.

Лекс поднял пряжку ближе к свету. За оградой кто-то смеялся, выкрикивал ставки. В бараке Митя пытался снять с распухшего колена прилипшую ткань.

— Кузница у тебя где была? — спросил Лекс.

— В Трёх Дубравах. За лесом, если от города на север.

— Большая?

— Два горна. Один отец ещё складывал. Подержи повыше... Вот.

Ремешок наконец прошёл. Зураб затянул его и не убрал ногу сразу.

— Осталась там кузница? — спросил Лекс.

— Сожгли.

Он сказал это так тихо, что Лекс сперва решил, будто ослышался. Зураб отвёл ногу и лёг, повернувшись спиной к проходу. Больше в тот вечер они не разговаривали.

На пятый день Митя не смог дойти до раздачи. Лекс принёс ему миску, оставив свою у Зураба. Вернувшись, он обнаружил, что кузнец прикрыл её доской от разбитого ящика, а сам всё ещё сидит рядом.

— Думал, ушёл уже, — сказал Лекс.

— Твою бы унесли.

Они доели, прислушиваясь к кашлю за стеной. Когда Хрыч прошёл мимо, Лекс попросил поставить Митю к канаве: у того распухла нога, и на месте он едва держался. Надсмотрщик ответил, что у канавы своих хватает. Во время следующего обхода Зураб всё-таки добился для паренька другой работы, взяв его кристалл на себя.

Лекс потом помог Зурабу донести ковш до сарая. Кузнец отпустил рукоять только после второго напоминания, будто пальцы уже не умели разжиматься вовремя.

В ту ночь Лекс проснулся от тихого скребущего звука. Зураб сидел на своих нарах и тёр большим пальцем маленькую деревянную вещицу. Когда свет от фонаря за окном лёг на его ладонь, Лекс различил небольшую вырезанную из дерева куколку в обгоревшем наряде. Край деревянной одежды почернел, по боку игрушки шла трещина.

Зураб сразу сжал пальцы.

— Я не трогаю, — сказал Лекс.

Кузнец подержал кулак закрытым, потом осторожно развернул его снова.

— Сам вырезал. Дочери.

Он провёл ногтем вдоль трещины на дереве, проверяя, не отходит ли щепка.

— Она маленькая была?

— Пять лет. Любава.

Лекс сел, прислонившись к стене. Зураб по-прежнему смотрел на игрушку.

— Я в город уехал. Дарина ещё просила к вечеру вернуться. Это жена моя.

Он замолчал. Лекс слышал, как Митя за его спиной переворачивается на другой бок и задерживает дыхание, пока укладывает больную ногу поудобнее.

— Когда вернулся, уже догорало, — сказал Зураб. — Эльфы у дороги стояли. Я их и не заметил сперва. Полез в дом, стал разгребать... Этого нашёл.

Он накрыл куколку второй ладонью.

— Оттуда тебя забрали?

Зураб не стал поправлять.

— Утром погнали с остальными. Кто в живых остался.

Лекс прижал затылок к стене. В памяти вспыхнули красная рукоять и лицо Романа за белым светом. Хотелось сказать, что и у него остался человек по ту сторону вспышки и он не знает, выбрался ли тот. Но Зураб уже прятал куколку, и Лекс промолчал.

— Свет мешает? — спросил он, когда кузнец лёг.

— Нет. Пусть.

Лекс не стал заслонять щель.

* * *

На шестой день подпорка дважды выскальзывала из-под рычага. Её ставили на мокрую трубу боком, выемкой наружу; Лекс увидел это, когда их переводили в соседний ряд, и попросил разрешения поправить. Хрыч велел ему быстрее.

Дерево уже продавило у края выемки. Лекс показал след Зурабу, но тот только потянул рычаг вверх и прислушался к стуку внутри.

— Там хуже стало. Дерево хоть новое поставь, палец оно не заменит.

Лекс достал последний чистый оборот листа и нарисовал положение рычага. Теперь он отмечал не только место, но и время: до обеда, после закрытия ближней ветки, после вечернего спуска воды. Местных букв он не знал, поэтому пользовался условными чертами и рисунком тени от будки. Пока работал, заслонка дважды стукнула о корпус, хотя рукоять оставалась поднятой.

Надсмотрщик позвал его к кристаллам. Лекс завернул лист вместе с остальными и спрятал за пояс.

К вечеру седьмого дня на сгибах пальцев появились трещины. Плечо уже позволяло поднять руку чуть выше груди, но долго держать её так Лекс не мог. Усталость стала привычной: он заранее знал, где придётся остановиться, прежде чем сесть, и как наклониться к миске, чтобы меньше дрожали руки.

Гриньку он увидел у колодца. Мальчишка придерживал ведро, пока Марфа наполняла чужие кружки. Лекс дождался, когда очередь поредеет, и подошёл.

— Завтра хозяин приедет, — сказал он.

Гринька кивнул, затем посмотрел за его плечо.

— Тебя заберёт?

— Так обещал.

Марфа поставила кружку на сруб. По её щеке стекала вода; вытереть её она не пыталась.

— Скажи ему, что ты с самого первого дня у кристаллов. Не смягчай. И про голову.

— Скажу.

— А рисунки у тебя?

Лекс тронул свёрток за поясом.

— Часть. Остальное Хрыч забрал.

Марфа посмотрела на него, потом потянулась за следующей кружкой.

— Эти береги.

Корней в тот вечер лежал на нарах. Он выслушал новость, подвинулся, освобождая Лексу место, но тот остался стоять: если сядет, снова придётся просить помочь подняться.

— Я про вас спрошу, — сказал он.

— Спрашивай, — ответил старик. — Только сам сначала выберись отсюда.

Лекс кивнул. Ему так хотелось возразить, пообещать больше, что он прикусил щёку и несколько мгновений молчал.

Митя лежал поперёк своих нар и смотрел на проход. Когда Лекс вернулся, паренёк попытался сесть, но не смог подтянуть ногу.

— Помоги чуть-чуть.

Лекс подхватил его под спину. Митя оказался неожиданно лёгким; это испугало сильнее, чем опухшее колено.

— Вода есть? — спросил он.

Лекс подал флягу. Зураб, проходивший мимо, задержался, посмотрел на лицо паренька и вышел обратно во двор. Вернулся он нескоро.

— Лекаря звал, — сказал он Лексу у самых нар. — Хрыч велел утром показать. Сейчас ворота не откроет.

Митя услышал и медленно закрыл глаза.

— Завтра Кор-Дум будет, — сказал Лекс. — Я скажу ему про тебя. Может, сумеет к лекарю отправить.

— Только не забудь.

— Не забуду.

Он поставил воду возле Митиной руки и остался сидеть рядом, пока Зураб расстилал подстилку на своих досках. В мастерской завтра снова будут гореть лампы, кто-нибудь подвинет миску к краю стола, Айрин спросит, как прошла неделя. Лекс попытался представить, что ответит ей, и не нашёл ни одной фразы, с которой можно было бы начать.

Ночью ему приснился рынок.

Он стоял у измерителя, но за спиной вместо каменного прохода тянулись ряды кристаллов. Магистр ждал, протянув прозрачный камень. Лекс знал, что нужно взять его снизу, только пальцы почему-то не разжимались.

— Руку сюда, — сказал Вэл'Шан.

Лекс спрятал кисть за спину. Камень уже лежал у него в ладони. В золотом свете было видно что-то тёмное, тонкое; оно шевелилось под кожей, и магистр наклонился рассмотреть поближе.

— Держи ровно. Посмотрим, что там у тебя.

Лекс попытался отступить, но ступни увязли в тёплой грязи. Он открыл рот, собираясь позвать Кор-Дума, и вместо этого услышал собственный сиплый вдох.

Зураб держал его за запястье.

— Проснись. Ну, проснись же.

Лекс сел так резко, что ударился головой о верхнюю доску. Несколько мгновений он ждал, когда из темноты снова протянется рука. Потом увидел фонарь за окном и узнал кашель человека в дальнем углу.

— Что снилось?

— Эльф. С рынка.

Зураб отпустил запястье и подвинул воду. Лекс посмотрел на ладонь: на ней были только засохшие полосы грязи и трещина возле большого пальца.

Он помнил, как Вэл'Шан ждал у настоящего измерителя, как поправлял ему пальцы. Во сне всё вернулось, только теперь спрятаться не получалось даже за спины других пленников.

До повторного осмотра оставалось мало времени. Лекс мог сосчитать дни, но так и не придумал, что отвечать магистру про место, где его учили.

Он лёг, оставив глаза открытыми. С соседних нар доносилось неровное Митино дыхание. Зураб ещё немного посидел рядом, потом вернулся на своё место.

* * *

На восьмое утро Митя поднялся вместе со всеми.

Лекс увидел его у выхода: паренёк держался за дверной косяк и пропускал людей, стараясь никому не попасть под ноги. Зураб подошёл с другой стороны и предложил плечо. До площадки для пересчёта они добрались втроём.

Когда передние двинулись к калитке, Митя вдруг остановился и больше не смог сделать ни шага. Его колени подломились; Лекс не смог удержать его под мышкой, и пришлось опускать паренька на землю, пока Зураб поддерживал голову.

— Митя. Слышишь?

Лекс похлопал его по щеке. Паренёк смотрел куда-то мимо, разомкнув губы. Несколько человек остановились возле них, затем Хрыч заорал, чтобы не задерживали строй.

— Он не встанет! — крикнул Лекс. — Лекаря позовите!

Надсмотрщик подошёл, ткнул носком сапога в Митину подошву. Зураб отвёл его ногу рукой.

— Не трогай.

Хрыч потянул кнут из-за пояса, но кузнец уже склонился ниже. Он долго держал пальцы у шеи паренька. Лекс следил за грудью под тонкой рубахой, ждал следующего вдоха и не мог понять, сколько времени прошло с предыдущего.

— Зураб...

Кузнец посмотрел на него и медленно покачал головой.

— Умер.

Лекс снова коснулся Митиной щеки. Она ещё была тёплой.

— Ты проверь. Ещё раз.

Зураб не ответил. Хрыч велел двоим принести тележку от сарая, остальных погнал в калитку. Лекс остался на коленях; только когда Зураб взял его за здоровое плечо, он сумел подняться.

Тележку повезли к рву за дальними рядами. Там уже лежала куча выкопанной земли и стояли ящики с маленькими, мутными кристаллами. У самого края два человека снимали доски, которыми прикрыли яму.

Лекс хотел пойти следом. Зураб удержал его за локоть, не произнеся ни слова.

Когда они дошли до будки, свёрток с рисунками съехал за поясом и стал резать живот. Лекс поправил его. Вчера он обещал Мите поговорить с дворфом. Кор-Дум приедет после полудня, как договаривались, и Митя уже не услышит, что тот ответит. Лекс не забыл. От этого было только хуже.

Сперва вода шла ровно. Лекс видел подпорку под рычагом; её поставили правильно, выемкой на трубу. Кристалл перед ним светился слабее соседних; несколько раз Лекс успевал обрадоваться этому и тут же вспоминал тележку.

Ближе к полудню на верхнем помосте закрыли одну из ближних веток. По трубе прошла дрожь. Лекс поднял голову, ожидая знакомого стука, но внутри трубы ударило резко, с металлическим хрустом.

Рукоять осталась на подпорке. Вода в канаве пошла слабее, обнажая тёмные камни.

Зураб убрал руки первым.

— Хрыч! Подводка!

Надсмотрщик обернулся. Пока он шёл к ним, вода перестала течь совсем.

— Подними, — велел он кузнецу.

Зураб вынул брус, взялся за рукоять и потянул. Она поднялась слишком легко. Внутри ничего не сдвинулось; при обратном движении снова хрустнуло.

— Всё, — сказал Зураб. — Палец срезало. Рычаг отдельно ходит.

Хрыч оттолкнул его и попробовал сам. Потом ещё раз, налегая всем весом.

— Открой верхний!

— Он открыт, — отозвался работник с помоста.

— Тогда чего у меня сухо?!

Лекс хотел отнять ладони, но надсмотрщик повернулся к ряду и рывкнул, чтобы все оставались на местах. Несколько человек поспешно вернули руки к граням.

Синий свет под пальцами Лекса собрался в яркую полосу. Тянуло короткими толчками, от которых перехватывало дыхание. Он попробовал отвернуться к канаве, сосчитать вдохи, но уже на третьем потерял счёт. Холод поднимался выше локтей.

Зураб опять дёрнул рукоять, затем опустил возле крышки.

— Верхнюю воду закрывать надо! Пока давит, не подлезем!

Человек на помосте не услышал. Хрыч послал к нему одного из водоносов, других погнал за ковшами. Возле Лекса женщина осела на колени. Она дёрнулась назад, но руки остались на

камне; скрюченные пальцы не разгибались. Её соседка оторвала одну руку от грани и закричала.

Лекс отшатнулся от собственного кристалла. Звенья цепи задели край канавы; он едва не упал и ухватился за угол будки.

— Руки! — заорал Хрыч. — Я кому сказал!

— Отпустите их! Воды нет!

Голос Лекса сорвался. Он видел раскрытый рот женщины, её запрокинутое лицо и не мог отвести взгляд. Соседка уже тащила её за ворот, пока надсмотрщик замахивался кнутом.

Зураб вскочил, перехватил женщину под мышками. Хрыч выругался и махнул двум водоносам на кристаллы. Они плеснули из ковшей, но до дальнего ряда вода не дошла.

Лекс прижался лбом к прохладному камню будки. Общий ход сейчас закроют; тогда можно будет снять крышку. Только новый палец взять всё равно негде, а рядом продолжали стоять люди, которых не отпускали от граней.

Над его плечом темнело стекло старого пульты.

Лекс поднял голову. От канала к будке шла старая труба, минуя сломанную подводку. В ней была вода — Зураб говорил об этом в первый день. Нужно было открыть затвор.

Он пошарил вдоль края коробки, пытаясь найти ручной спуск. Под ладонь попала неглубокая скоба. Лекс потянул её, и она не сдвинулась. Правая рука тут же отозвалась болью; пришлось упереться левой, но даже весом собственного тела он ничего не добился.

— Лекс, отойди от него!

Он услышал Зураба и хотел обернуться. Тут под тёмным стеклом проступила тонкая светлая черта.

Лекс замер.

Черта дрожала, расходилась на короткие отрезки. Он моргнул, но она осталась; на мгновение показалось, будто он смотрит сквозь стекло, внутрь коробки. Внутри что-то слабо пульсировало. Свет добегал до одного места и гас, оставляя узкий разрыв.

Такое уже было у измерителя. Только сейчас Лекс различал ещё и смутный изгиб за разрывом, уходивший вниз, туда, где из корпуса выходила тяга.

Соединение?

Он не видел ни понятных обозначений, ни целой схемы. Когда попробовал проследить изгиб дальше, голову пронзило так, что пришлось зажмуриться. Но светлая черта осталась перед закрытыми глазами, а из ряда снова закричали.

Лекс открыл глаза. Ему нужно было дотянуться до этого места. Он провёл пальцами по стеклу, понимая, что через него ничего не соединит, и всё равно потянулся ещё раз — туда, где два светлых конца почти сходились.

На миг они сомкнулись.

Лекс даже не понял, что сделал. Казалось, вместе с этим движением из груди разом выдернули что-то тяжёлое; он попытался вдохнуть и не смог.

В коробке сухо щёлкнуло. Стекло вспыхнуло тусклым светом, в котором мелькнуло несколько незнакомых знаков. За стенкой будки с грохотом пошла вниз старая тяга. Зубчатое колесо повернулось, металлический упор перескочил через зубец и встал в новую выемку.

Из нижнего отвода ударила вода.

— Не закрывай! — заорал Хрыч водоносу, который ещё бежал к помосту. — Назад! Пусть идёт!

Стекло сразу погасло, но упор не дал колесу повернуться в обратную сторону. Старый затвор остался открыт; поток продолжал бежать по канаве, сбивая с краёв комья земли. Несколько струй попали на кристалл, возле которого только что стоял Лекс. Свет в нём перестал биться толчками.

Лекс успел убрать руку с коробки, прежде чем боль ударила изнутри.

Она собралась за глазами и сразу разошлась по всему черепу. Он схватился за лицо, уронил на землю свёрток и осел возле будки. Во рту стало солоно. Лекс провёл ладонью по губам и увидел кровь, но испугаться не успел: его вырвало, а потом под ладонями исчезла земля.

Очнулся он от того, что кто-то звал его по имени.

Лекс попытался поднять голову. Боль вернулась прежде, чем он понял, где лежит.

— Не дёргайся. Я держу.

Зураб сидел рядом, подложив ему под щеку свёрнутую рубаху. Сам он остался в короткой нижней; плечи и спина были покрыты следами старых и свежих ударов.

Лекс облизнул губы и закашлялся.

— Вода...

— Есть. Погоди.

— В канаве.

Кузнец повернул голову, затем снова посмотрел на него.

— Идёт. Течёт твоя вода.

Лекс попробовал опереться на локоть, но рука подломилась.

Хрыч стоял над ними. Кнут он держал в кулаке, прижимая к бедру.

— Что ты нажал?

Лекс видел только его сапоги и полоску грязи на куртке.

— Не знаю.

— Ты у ящика стоял. Что нажал, спрашиваю!

— Я... рукой...

Надсмотрщик нагнулся, ухватился за край футболки. Зураб накрыл его пальцы своей ладонью.

— Не поднимай. Он только очнулся.

Хрыч дёрнул руку, освобождаясь.

— Отойди.

— Ты его сейчас поставишь — он опять свалится. Кор-Дум сегодня приедет. Что покажешь?

Надсмотрщик посмотрел на браслет Лекса. Затем убрал кнут за пояс.

— Под навес унеси. И при нём останься. Пока не узнаю, что он тут натворил, никуда не отходить.

Зураб позвал ещё одного работника. Лекса перенесли на сухие доски возле сарая; каждый шаг так отдавался в голове, что приходилось сжимать зубы, чтобы не кричать. Кузнец подобрал его бумаги и флягу. Один лист успел намокнуть, край рисунка расплылся.

Когда Лекс смог сидеть, Зураб дал ему воды и вытер лицо смоченным лоскутом, оторванным от края своей рубахи. Прикосновение к верхней губе заставило Лекса вздрогнуть. Он перехватил запястье кузнеца, подождал и отпустил.

— Прости.

— Ничего. Сам попробуй.

Удержать лоскут удалось не сразу.

Из-под навеса была видна будка. Стекло на коробке оставалось тёмным, а у нижнего отвода плескалась вода. Хрыч ходил от него к новой трубе, трогал рукоять и всё время оглядывался на сарай.

— Пульт же погас, — проговорил Лекс.

— Он затвор отпустил, — сказал Зураб. — Вон тяга внизу теперь. А упор в зуб встал, назад не пускает. Я посмотрел, пока за тобой людей звал.

Лекс следил за его пальцем, но смотреть вдаль было больно.

— Самоёдом...

— Из верхнего канала. Чего ей останавливаться, раз открыто.

Значит, коробке не нужно было работать всё время. Она успела сдвинуть запор; старый ход остался открыт, и вода шла по нему в обход сломанной заслонки. Лекс понимал это, но того места, где сомкнулась светлая черта, представить заново не мог. От попытки за глазами начинало жечь.

— Ты зачем в него полез? — спросил Зураб.

Лекс посмотрел на ряд. Женщину, которая упала возле него, вели к баракам двое водоносов.

— Я видел там... Разрыв какой-то. Думал, если соединить...

Кузнец придвинулся ближе.

— Ты это кому-нибудь ещё сказал?

Лекс покачал головой и тут же пожалел об этом движении.

— Не рассказывай пока, — прошептал Зураб. — Про свет, про то, что в голове было. Видел ты его или в обморок уже падал — кто разберёт? А слушать станут.

— Я сам не понимаю.

— Вот и не спеши.

Он взял у Лекса окровавленный лоскут, сполоснул и положил рядом. За сараем надсмотрщик велел вернуть водоносов в строй. Те, кто оставался на поле, снова прижимали ладони к граням; вода ничего не изменила в порядке смены.

Лекс смотрел на них, пока лица не начали расплываться. Потом закрыл глаза.

* * *

Колёса он слышал раньше голоса.

Лекс открыл глаза. Солнце уже ушло за край навеса, по двору разворачивалась знакомая повозка с ящиками. Кор-Дум спустился с передка, что-то спросил у охранника и быстро пошёл к сараю.

— Лекс.

Тот попробовал подняться.

— Сиди. Куда ты... Сиди, говорю.

Дворф опустился перед ним на одно колено. Посмотрел на окровавленный лоскут, на пятна под носом, затем перевёл взгляд на Зураба.

— Когда?

— До полудня. У пульта упал.

— Бился головой?

— Когда падал — я не успел поймать. Потом на доски перенесли.

Подошёл Хрыч, на ходу заправляя кнут за пояс.

— Сам полез, господин. Я же велел древнее не трогать. А он у ящика крутился, потом вода пошла...

Кор-Дум приподнял руку Лекса, разглядывая ладонь. Пальцы свело; сразу разогнуть их не удалось.

— Почему он у кристаллов был?

Надсмотрщик замолчал.

— Воду смотрел, — ответил Хрыч. — Рядом там всё.

— Он с первого дня в ряду стоял, — сказал Зураб.

Хрыч повернул голову.

— Тебя спросили?

— Я спросил, — перебил Кор-Дум. — Лекс. Ты стоял у кристаллов?

Ответить было труднее, чем он ожидал. Хрыч был рядом; за спиной у него виднелась калитка, через которую Лекс дважды пытался пройти. Он посмотрел на Зураба, потом заставил себя поднять глаза на дворфа.

— С первого дня.

— А письмо?

— Он слышал. В конторе. Всё слышал.

Голос задрожал, и Лекс остановился, сглотнул. Кор-Дум подождал.

— Я просил к подводе. Он не пустил. Рисунки забрал. Потом опять не пустил.

Дворф медленно выпрямился.

— Управляющего сюда. Сейчас.

Хрыч открыл рот, но Кор-Дум уже повернулся к охраннику:

— Ты сходи.

Пока тот шёл к конторе, дворф принёс с повозки сложенную попону и подложил её Лексу за спину. Зураб помог устроиться удобнее. Кор-Дум заметил цепь у ног и велел Хрычу открыть оковы.

Ключи звякнули о металл. Лекс смотрел на руки надсмотрщика, пока тот возился с замком. Когда обруч разошёлся, на щиколотке осталась белая полоса между ссадинами.

Управляющий появился с бумагами. За ним торопился человек с сумкой лекаря, которого теперь всё-таки удалось позвать.

Лекс сидел неподвижно, пока ему вытирали лицо и осматривали голову. На вопросы отвечал не сразу; дважды Зурабу пришлось повторить, о чём его спрашивают. Лекарь велел пока не поднимать его на ноги и обратился к дворфу, понизив голос.

Кор-Дум дослушал, затем развернул копию поручения перед управляющим.

— Здесь ваша подпись. Здесь знак надсмотрщика. Ни одного дня у кристаллов. Прочтите ему ещё раз.

— Нужно выяснить, что случилось с пультом, — сказал эльф. — Он не имел права...

— Выясним. Сперва — кто поставил его к отдаче.

Управляющий посмотрел на Хрыча.

— Я велел за подводкой смотреть, — повторил тот. — Он и смотрел. Кристалл рядом, рукой держался, пока...

— Восемь дней? — Кор-Дум говорил негромко. — А семь вечеров подряд я получал ваши записи: работает по поручению, лекарь не требуется. Где его рисунки?

Лекс осторожно протянул оставшиеся листы. Дворф взял их и разложил на крышке ящика.

— Это не все, — сказал Лекс. — Два у него.

Хрыч пошарил за отворотом куртки. Бумаги оказались там, смятые, заляпанные жиром. Он положил их рядом и поспешил прижать ладонью, чтобы не унесло ветром.

Кор-Дум отвёл его руку.

На первом листе был водовод. На втором — изношенный палец и перекошенный рычаг. Лекс указал на рисунок, чувствуя, как снова дрожит кисть.

— Это в третий день. Мы просили железный. Зураб сказал, этот не выдержит. Сегодня сломался совсем.

Дворф наклонился к листу, потом повернулся к полю.

— Покажи.

Зураб остался на месте, глядя на Хрыча. Кор-Дум проследил за его взглядом.

— Со мной пойдёшь.

Они вернулись нескоро. Лекс успел выпить воды и съесть несколько ложек каши, принесённой по распоряжению лекаря. От еды мутило, но после долгой паузы он смог проглотить ещё немного.

Кор-Дум положил на ящик обломок металлического пальца. За ним шли управляющий и Хрыч.

— Проушину тоже разбило, — сказал дворф. — Подпоркой это не вылечить. Почему мастер не получил вызов?

— Вода ведь шла, — ответил надсмотрщик.

Кор-Дум посмотрел на него. Хрыч опустил глаза к обломку.

— Разбор подводки оформите отдельно, — сказал дворф управляющему. — И травмы моего работника. Счёт лекаря получите вместе с остальным.

— О цене ремонта ещё поговорим.

— Поговорим. Но эти листы останутся у меня. И копию записи о пульте дайте до отъезда.

Управляющий хотел что-то добавить, однако взглянул на подпись под поручением и убрал его в свою папку. Хрыча он отправил в контору. Надсмотрщик прошёл мимо Лекса, ни разу не повернув головы.

Кор-Дум снова присел рядом.

— Древний затвор открывался при тебе?

— Да.

— Ты что-нибудь сдвигал руками?

Лекс посмотрел на свои пальцы. Светлую черту вспоминать не хотелось: вместе с ней возвращалось ощущение, будто из груди выдёргивают воздух.

— За скобу тянул. Не подалась. Потом стекло засветилось, и... всё. Я больше не помню.

Зураб стоял в двух шагах и ничего не сказал.

— Сам пульт сейчас мёртвый, — произнёс Кор-Дум. — Затвор держится на упоре. Ходить возле него без ограждения я им запретил. Пусть сперва разбираются, что там осталось целым.

— Вода ведь идёт?

— Идёт.

Лекс закрыл глаза. Дворф подождал немного, затем продолжил:

— В записи будет, что был короткий запуск. Врать про это нельзя: весь участок видел. А чего не помнишь, того не придумывай. В том числе для магистра.

От последнего слова Лекс открыл глаза снова.

— Когда к нему?

— Срок ещё есть. Сначала домой довезу, дам отлежаться. Потом на осмотр. Сам с тобой пойду.

В стороне грохнули доски: рабочие выгружали привезённый заказ. Кор-Дум обернулся, убедился, что повозка освобождается, и потянул попону повыше под плечо Лекса.

— Я думал, бумаги хватит, — сказал он. — При мне ведь оба согласились.

Лекс смотрел на него и молчал. Печать была настоящей, подписи — тоже. В первый день он так уверенно показывал браслет охраннику, будто тот мог открыть калитку.

— Не хватило, — произнёс дворф. — Больше здесь не оставлю.

Лекс поймал его за рукав, когда тот начал подниматься.

— Зураба можно с нами?

Кузнец вскинул голову.

— Лекс...

— Подожди.

Лекс не посмотрел на него. Сейчас нужно было договорить, пока Кор-Дум не ушёл к повозке.

— Он мне помогал. В первый день я бы свалился, если бы не он. Сегодня тоже вытащил. И про палец — он говорил, что мягкий. Я такого металла не знаю.

— Вижу, что в железе понимает, — отозвался дворф.

— Он кузнец. У него своя кузница была. Вы возьмите его... хоть посмотрите, как работает.

Голос к концу фразы совсем сел. Лекс разжал пальцы на рукаве, испугавшись, что держит слишком крепко.

Кор-Дум повернулся к Зурабу.

— Что ковал?

— Скобы, подковы, оси к телегам. Замки делал. Большие механизмы не собирал.

— Проушину такую исправишь?

— Надо снять и промерить. Если только край разбило, можно втулку посадить. Если трещина дальше пошла — новую делать.

Дворф кивнул на его руки.

— Молот удержишь?

Зураб посмотрел на ладони. Несколько раз медленно согнул пальцы.

— Сейчас долго не смогу.

Кор-Дум помолчал.

— Сейчас и не прошу.

Он поднялся и пошёл к конторе. Зураб проводил его взглядом, затем сел на край досок возле Лекса.

— Ты бы хоть предупредил, — сказал он тихо.

— О чём?

— Что просить будешь.

Лекс хотел ответить, что сам не знал, получится ли, но Зураб уже отвернулся. Он сидел, зажав руки между коленями, и смотрел на дверь конторы.

Управляющий сначала отказал. Лекс слышал его через открытое окно: Зураб числится за полевым управлением, мастер берёт его с действующего участка, за это придётся платить. Кор-Дум ответил, что платить будет из суммы, которую управление должно ему за прежний заказ.

Дальше голоса стали тише. Разобрать удалось только несколько слов о цене и подписи. Зураб всё это время сидел неподвижно; один раз он потянулся к рубашке, под которой была спрятана куколка Любавы, и сразу опустил руку.

Когда дверь открылась, оба подняли головы.

Кор-Дум вышел с листом, на котором ещё блестел свежий оттиск.

— Пойдёшь со мной, — сказал он Зурабу. — Документы на двоих оформляют. Цепь сейчас снимут.

Кузнец посмотрел на него, затем вниз, на свои щиколотки. Он не встал даже тогда, когда подошёл охранник с ключами; только выставил ногу из-под края досок.

Лекс следил за замком. На этот раз обруч разошёлся быстро, а Зураб всё равно ещё несколько мгновений придерживал цепь, прежде чем позволить охраннику её забрать. Лекс не торопил его: он и сам всё ещё ждал, что охранник снова возьмётся за замок.

Кор-Дум вернул Лексу рисунки, завернув их в прежний лоскут. Зураб поставил рядом флягу и помог затянуть узел.

Перед отъездом Лекс попросил позвать Корнея, Марфу и Гриньку. Сам идти к баракам он не смог: стоило подняться, как пришлось снова сесть. Кор-Дум послал за ними охранника и велел освободить место между пустыми ящиками, куда уже положили попону.

Марфа увидела кровь на футболке и остановилась.

— Что случилось?

— Плохо стало, — сказал Лекс. — У воды. Лекарь смотрел.

Она подошла ближе, коснулась тыльной стороной пальцев его лба. Корней стоял рядом и разглядывал Зураба, у которого больше не было цепи на ногах.

— Вас обоих?

Лекс кивнул.

— Хорошо, — сказал старик. Потом повторил тише: — Хорошо.

Гринька полез было помогать ему подняться, но Зураб уже подхватил Лекса слева. Мальчишка придержал свёрток с рисунками, пока их усаживали в повозку.

— Это тебе куда?

— Сюда положи. Спасибо.

Гринька протянул бумаги и задержал ладонь на борту. Лекс накрыл её своей.

— Я буду узнавать про вас, — сказал он. — У хозяина спрошу, как передать что-нибудь сюда. Так, чтобы дошло.

Мальчишка кивнул, не поднимая глаз.

— Айрин спасибо скажи, — попросила Марфа. — За хлеб.

— Скажу.

Корней поправил попону у Лекса за спиной. Под синей меткой на его шее темнела натёртая полоса. Лекс смотрел на неё, пока старик не отступил от повозки.

Кор-Дум взял поводья. На внешних воротах охранник сверил два имени в бумаге, посмотрел на браслет Лекса и на метку Зураба. Кузнец сидел рядом, уже в своей рубахе; у её края не хватало полосы ткани.

Телега тронулась. За внутренней оградой Марфа повела Гриньку обратно к баракам. Корней шёл следом, осторожно подбирая цепь.

Лекс хотел обернуться ещё раз, но повозку качнуло, и боль прострелила от виска к затылку. Он невольно вцепился в край борта.

Зураб подложил руку ему под локоть.

— На меня опирайся.

Лекс медленно разжал пальцы и позволил ему придержать себя на следующем толчке.

Глава 4. Кузница

Месяцы Тирион — Лазриэль, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры
У городских ворот пришлось остановиться.

Пока Кор-Дум показывал бумаги, Лекс сидел с закрытыми глазами. В неподвижной повозке боль понемногу отпускала, но стоило открыть глаза, и свет с мостовой снова бил в виски. Зураб придерживал его за локоть. На ладони кузнеца остался красноватый след от края борта.

— Отпусти, — сказал Лекс. — Сейчас не трясёт.

Зураб убрал руку, медленно разогнул пальцы и спрятал их между коленями.

За повозкой спорили о пошлине. Кто-то предлагал горячие лепёшки; мальчишка с корзиной пробежал совсем близко, и Лекс успел заметить на его подбородке полоску муки. Он проводил мальчишку взглядом, пока тот не свернул за угол. Потом сел глубже, упираясь затылком в попону.

Когда их пропустили, Кор-Дум повёл лошадь шагом. Всё равно на стыках плит приходилось задерживать дыхание.

— Ещё два поворота, — сказал дворф, не оборачиваясь.

Лекс не спрашивал, сколько осталось. Кор-Дум, похоже, и так слышал, как тяжело ему даётся дорога.

Мастерскую он узнал по воротам, возле которых восемь дней назад стоял босой. Теперь на ногах были башмаки; один ремешок врезался в припухшую щиколотку. Под футболкой прилипла к коже засохшая кровь.

За открытой створкой опускали на деревянные подкладки тяжёлое зубчатое колесо. Молодой дворф стоял возле ручной лебёдки, следя за цепью. Борода у него была коротко подстрижена, на щеке темнело масляное пятно.

— Стой! — крикнул он человеку у рукояти. — Назад пол-оборота. Видишь, звено боком пошло?

Цепь ослабла. Дворф повернул её крюком, отступил и только тогда махнул рукой. Колесо с глухим стуком легло на брусья.

— Грым, подойди, — позвал Кор-Дум.

Молодой дворф проверил, не качается ли груз, и направился к повозке.

— Отец, с правым плечом опять то же самое. Холодный ещё двигается, а потом...

Он остановился, увидев Лекса.

— Что с ним?

— На полях довели. Это Лекс, механик. Помоги снять.

Лекс хотел перебраться к краю сам, но рука не удержала. Он скользнул по доскам, и Грым выругался, успев подставить плечо под здоровый бок.

— погоди ты! Ногу сначала переставь. Куда торопишься?

Зураб спустился следом. Когда ступни Лекса коснулись земли, колени подогнулись; пришлось постоять, зажав пальцами рукав Грыма. От ткани пахло железом и прогорклым маслом.

— Дойдёшь до людской? — спросил Кор-Дум.

— Дойду, — ответил Лекс, хотя ещё не знал, где она.

Через цех шли медленно. Грым держал его под левую руку, Зураб нёс свёрток с рисунками и флягу. Лекс смотрел под ноги, переступая через шланг, потом через порог. Справа глухо бил паровой молот; каждый удар отдавался в затылке.

Зураб замешкался у горна. Лекс оглянулся и увидел, как тот смотрит на клещи в руках работника. Работник перевернул раскалённую полосу, Зураб чуть подался вперёд — и остановился, прижав свёрток к животу.

— Дальше, — буркнул Кор-Дум. — Насмотришься ещё. Сегодня оба лежите. И чтоб без геройства.

В людской вдоль стены тянулись нары. Свободные места были у двери, подальше от перегородки цеха. Грым помог Лексу сесть и отпустил его рукав.

— Отец, ему бы лекаря.

— Лекарь уже смотрел. Завтра утром ещё раз придёт. А ты воды принеси, не стой столбом.

Грым задержался на пороге.

— И он потом будет разбирать правое плечо погрузчика?

Лекс поднял голову. Кор-Дум ответил раньше, чем он успел открыть рот:

— Сейчас он будет лежать. Про плечо потом.

Молодой дворф ушёл. Лекс смотрел ему вслед, чувствуя, как горят уши. Возразить хотелось, но для этого пришлось бы сказать, что с ним всё в порядке. Даже сидеть ровно не получалось.

Айрин появилась с ключом и складской тетрадью под мышкой. Один палец у неё был в чернилах.

— Там в нижнем ящике не четыре скобы, а...

Она увидела Лекса и замолчала. Тетрадь сползла; Айрин прижала её локтем, не отводя от него глаз.

— Это кровь?

— Уже не идёт, — сказал он.

Айрин положила тетрадь на край нар. Пальцы попали мимо доски, и книгу пришлось ловить второй рукой.

— Где?

Лекс коснулся носа.

— Отсюда. И упал ещё.

Она присела перед ним, подняла руку к его лицу и остановилась, заметив, как он отшатнулся.

— Больно?

— Когда трогают.

Айрин опустила руку. Потом повернулась к Кор-Думу:

— В записях было, что он здоров.

— Знаю.

— Вчера тоже. Я сама читала.

— Мне тоже читала, — отрезал дворф. — Разберёмся. А сейчас его кормить надо, поне-много. Лекарь сказал не поднимать — значит, не поднимать.

Она снова посмотрела на Лекса, на запястье с браслетом, на разорванный ворот футболки.

— Тебя всё-таки ставили к камням?

— Ставили.

Айрин резко встала.

— Так зачем они писали, что...

Голос сорвался. Она отвернулась к стене, несколько раз провела ладонью по фартуку. Кор-Дум молча дождался, пока она повернётся.

— Рисунки Хрыч тоже не передавал, — сказал он. — Теперь они у меня. И их записи тоже.

Лекс пошевелился на нарах.

— Я пытался выйти к вознице. Через калитку не пустили.

Айрин сжала губы. Ключ звякнул о край тетради.

— Я думала, ты просто ещё не нашёл, что там сломалось.

— Нашёл.

Он хотел рассказать про металлический палец в приводе, который срезало утром, но вдруг понял, что опять начнёт с Мити. С его тёплой щеки, с того, как Зураб качнул головой. Слова застряли.

— Потом, — оборвал Кор-Дум. — Сейчас воды дай. Зураб, садись и ешь. Оба еле на ногах, а всё туда же.

Айрин перевела взгляд на кузнеца. Тот всё ещё стоял со свёртком в руках.

— Это Зураб, — проговорил Лекс. — Он со мной был. Помогал.

— Я Айрин.

— Слышал твоё имя. На полях.

Лекс вспомнил Марфину просьбу.

— Марфа спасибо просила передать. Все трое там. Гринька воду носит.

Айрин кивнула. На этот раз она не стала ничего говорить сразу; взяла тетрадь и ушла за едой.

Кор-Дум собрал бумаги в охапку, но Лекс задержал его:

— Можно им ещё передать? Я обещал узнать. Только чтобы дошло.

Дворф посмотрел на свёрнутые рисунки у Зураба в руках.

— Скажешь Айрин, что положить. Завтра со складским возницей отправлю. Ему велю Марфе в руки отдать. Не выведут её к воротам — привезёт назад и мне скажет.

— А Хрыч?

— Хрычу свёрток не отдаст.

Лекс разжал пальцы. Ответ был коротким, и хотелось попросить ещё о многом: забрать Гриньку, Корнея, всех, кто утром остался у канавы. Но Кор-Дум уже убирал полевые бумаги в кожаную папку, а Зураб медленно садился на край нар, будто всё ещё ждал, что его отправят обратно.

К вечеру Лекс смог умыться. Грым поставил таз на скамью и принёс из хозяйственного сундука две выстиранные рубахи.

— Отец велел. Эта тебе, эта ему.

Зураб взял большую. Лекс подождал, пока за дверью стихнут шаги, и попытался снять футболку. Когда ткань зацепилась за правое плечо, он так резко втянул воздух, что кузнец сразу поднялся.

— Руку не тяни. Я снизу подам.

Вдвоём справились. Лекс спрятал цепочку под чистую рубаху, а футболку сложил возле таза. Айрин, вернувшись с кувшином, забрала её стирать.

— Не выбрасывай, — попросил он.

Она посмотрела на выцветшую ткань, на шов, разошедшийся под рукавом.

— Зашью, когда высохнет.

От еды мутило. Айрин поставила перед ним миску каши, дождалась первой ложки и отошла к Зурабу. Кузнец ел медленно, придерживая посуду обеими руками.

— Там ещё есть, — сказала она ему. — Только я пересолила немного.

Зураб поднял глаза.

— Хорошая.

— Ты ещё не попробовал толком.

— Уже попробовал.

Он снова зачерпнул ложкой. Айрин постояла возле него, потом придвинула хлеб.

Когда она вышла, Зураб провёл пальцем по ободу миски.

— Настоящий жир, — сказал он негромко.

Лекс сделал ещё глоток. Во рту всё ещё держался вкус крови, но проглотить получилось.

Из-за перегородки доносились голоса. Кто-то спрашивал, вернулись ли мастера с полей. Кор-Дум велел утром послать туда Бруна с железом и новой проушиной; потом разговор перешёл на разгрузку руды. Лекс слышал отдельные слова, но так и не понял, о каком заказе шла речь.

— Ведро поближе оставить? — спросил Зураб.

— Зачем?

— Если опять затошнит.

Лекс посмотрел на ведро у скамьи.

— Оставь.

Кузнец подвинул его ногой и лёг. Через несколько минут зазвенела пряжка: Зураб пытался снять башмак, придерживая его пяткой другой ноги. Лекс потянулся помочь, но тот остановил его ладонью.

— Лежи. С этим я сам.

В комнате стало темнее. Кто-то из работников вошёл, осторожно прошёл мимо скамьи и улёгся на дальние нары. Лекс лежал на левом боку. В цеху продолжали работать, однако здесь никто не гнал его к следующему ряду. И всё же при каждом громком окрике он вздрагивал.

* * *

Утром лекарь заставил его посидеть, потом пройти от нар до двери и обратно. На последнем шаге Лекс ухватился за косяк.

— Глаза темнеют?

— Если резко встаю.

— Значит, резко не вставай. И наверх никуда не лезь.

Лекарь повернулся к Кор-Думу и повторил уже ему: тяжести нельзя, работу прерывать, если возвращается сильная боль. Правое плечо осмотрел отдельно. Зурабу велел пока беречь кисти.

Лекс сидел, пока они разговаривали. Ему было легче, чем вчера: лица больше не расплывались, воду удавалось пить без тошноты. Но руки дрожали даже тогда, когда он держал их на коленях.

После завтрака он вышел в проход. До двора дошёл, останавливаясь у стены; обратно возвращался уже медленнее.

Возле дальнего верстака Грым проверял тонкие металлические полоски в коробке со стеклянной крышкой. Лекс задержался. За спиной дворфа возвышался каркас машины с местом для человека посередине. Широкие опоры стояли на полу, правая рука лежала на деревянной подпорке. От цилиндров тянулись трубки к баку, дальше — к насосу и паровому котлу. Над соседним горном в медной оправе тускло светился красный кристалл; с каждым ударом молота свет внутри вздрагивал. Никто на это не обращал внимания.

Грым поднял голову.

— Чего?

— Это плечо, про которое ты вчера говорил?

— Оно.

— Что делает?

Молодой дворф посмотрел на него, потом на машину.

— Руду грузит. Вернее, грузило.

Лекс сделал ещё шаг и упёрся ладонью в верстак.

— Экзоскелет?

— Так отец в книге пишет. У нас — погрузчик.

На столе лежал раскрытый альбом. У нарисованной фигуры были те же трубки и сочленения, что у машины, только на листе Лекс впервые увидел их целиком. Он склонился ближе.

— Читаешь? — спросил Грым.

— Здесь — нет. Рисунок смотрю.

Дворф прижал ладонью страницу, прежде чем сквозняк успел её перевернуть.

— Руками не надо. Масло размажешь.

Лекс отдёргнул пальцы и выпрямился. В груди вспыхнула злость, слишком сильная для этих слов. Вчера его сюда привели под руки. Сегодня ему уже объясняли, чего нельзя трогать.

— Я и не собирался.

Грым взглянул на отпечаток его ладони у края верстака, но ничего не сказал.

Кор-Дум подошёл со стороны котельной, вытирая ладони.

— Далеко ушёл.

— Посмотреть можно? Я сяду.

Дворф придвинул табурет. Лекс опустился на него быстрее, чем хотел.

— Сиди. Только ничего не включай.

Кор-Дум постоял возле погрузчика, положив ладонь на край рамы.

— Двадцать лет ему. Каркас сами делали, насос тоже. Управление из старого горного доспека взял, ещё мой отец его принёс. Хорошая машина получилась. До этого месяца почти не стояла.

— Что началось?

— С грузом рука стала останавливаться. Сначала редко. Теперь и пустую толком не поднимает.

Грым снял со стеклянной коробки свой щуп.

— На холодную поднимает. Пока масло не разойдётся. Потом сигнал рвётся, вот здесь полоска гаснет. Я отцу показывал.

Лекс посмотрел на потемневший кристалл под крышкой. Вспомнилась светлая черта в полевой будке; на мгновение захотелось податься ближе, поймать тот же изгиб под стеклом. Он перевёл взгляд на толстую трубку у основания рамы. От одного воспоминания к виску подступила боль.

— А котёл на что работает? На цилиндры?

Грым нахмурился.

— Там масло.

— Вижу бак. Пар тогда куда?

— На насос. Насос масло гонит. Кристалл двигает распределитель, когда человек рукой ведёт. — Он показал короткий рычажок внутри каркаса. — Без команды плечо под весом не должно падать. Для этого и запоры.

Лекс проследил трубку от насоса до сочленения. Несколько соединений скрывались под кожухом.

— Если управление не держит, оно само сбрасывает?

— Да. Потому и смотрю его.

— Значит, может быть оно.

Грым поднял на него глаза, будто ожидал другого ответа.

— Я об этом и говорю.

— А если кристалл гаснет уже после того, как плечо останавливается? Что раньше — рука встаёт или полоска гаснет?

Дворф повернулся к отцу.

— Мы же проверяли.

— Покажи ему, — сказал Кор-Дум. — Только пустой ход. Меня дожись у котла.

Лекс остался на табурете. Грым принёс небольшую доску, положил её ему на колени и подвинул обрезок бумаги с угольком.

— Раз уж рисуешь — держи.

— Спасибо.

Молодой дворф уже отошёл и, кажется, не услышал.

Перед пуском он проверил страховочный упор, затем попросил Кор-Дума отойти от правого сочленения. Котёл зашумел. На шкале возле насоса дрогнула стрелка, а по стеклу управляющей коробки пробежал бледный свет.

— Какая здесь рабочая отметка? — спросил Лекс.

— Между длинными. Выше этой нельзя.

Грым показал пальцем, не касаясь шкалы. Кор-Дум остался у вентиля; никто не полез под поднятую руку машины.

Первое движение получилось ровным. Лекс увидел, как небольшой шток у коробки потянул за рычаг распределителя. Плечо поднялось, остановилось и опустилось на подставку.

На третьем ходе в раме что-то коротко дрогнуло. Плечо приподнялось и встало; управляющая полоска погасла чуть позже, чем перестал двигаться цилиндр.

— Ещё раз, — попросил Лекс.

Грым повторил движение. Лекс смотрел на шток, потом на рычаг и пытался удержать в памяти оба положения сразу. На бумаге появились две черты, но расстояние между ними он уже не помнил.

— Стоп, — сказал он. — Мне надо посмотреть на этот рычаг поближе.

— Под давлением туда не полезешь.

— Я не полезу. Ты сам посмотри. Команду он до конца передаёт?

Грым открыл рот, помолчал и присел с внешней стороны ограждения. На этот раз Кор-Дум управлял рычагом через тягу, пока сын следил за механизмом.

— Доходит, — сказал Грым. — И держится.

— А полоска?

— Потом гаснет.

Лекс выдохнул. Теперь было хотя бы одно наблюдение, которое он не придумал.

— Тогда, может, дело дальше.

Грым не ответил. Он ещё раз проверил ход и жестом попросил отца остановить насос.

Когда шум стих, Лекс показал на тонкую ветвь под сочленением.

— Эта к плечу идёт?

— От плеча, — поправил Грым. — Обратно в бак.

Лекс перечеркнул стрелку на своём рисунке. Ещё утром он был бы готов поклясться, что узкая труба подаёт масло, а широкая возвращает. Здесь они сходились под кожухом иначе, чем ему показалось.

— У неё отдельный клапан?

— Защитный. Если груз слишком тяжёлый или руку чем-нибудь прижало, масло через него уходит. Иначе цилиндр разорвёт.

— Его смотрели?

— Брун вчера разбирал. Я с ним. Шток целый, ходит свободно, грязи нет.

Лекс провёл ладонью по лицу. Грым стоял рядом и ждал.

— Значит, надо проверить, когда он открывается, — сказал Лекс. — Если рано, плечу просто нечем поднять груз.

— Брун его проверял.

— Под давлением или руками?

Грым опустил взгляд на рисунок.

— На столе.

Пауза закончилась, когда Кор-Дум подошёл от котла.

— Разбирать?

— Сперва бы увидеть, идёт ли через него масло в тот момент, когда рука встаёт, — ответил Лекс. — Я трубу перепутал. Не хочу теперь клапан наугад разбирать.

Кор-Дум посмотрел на исправленную стрелку.

— Грым, мерную посудину принеси. Отвод после клапана выведем отдельно.

— И рукав, — сказал сын. — Короткий до пола не дотянется.

Он пошёл в инструментальную, а Лекс отложил уголёк. Он слишком сильно сжал его, и на доску посыпались мелкие чёрные крошки.

Зураб принёс кружку воды. Он был уже в выданной рубаше; вчерашняя висела на верёвке во дворе.

— С утра тут сидишь?

— Недолго.

Кузнец посмотрел на стихший котёл.

— Поешь сначала.

— Мы сейчас увидим, в нём ли...

— Он пока остынет. Успеешь.

Лекс хотел отмахнуться, но Кор-Дум забрал у него доску.

— Иди. После вернёшься.

В людской Айрин раскладывала хлеб по двум мискам. Возле неё стоял небольшой свёрток, перевязанный бечёвкой.

— Марфе? — спросил Лекс.

— Да. Корней и Гринька тоже записаны.

На бумажке были три строчки. Лекс поднёс её ближе к глазам, потом положил обратно.

— Всё ещё не разбираю.

— Хочешь, покажу потом, где чьё имя?

— Хочу.

Айрин подвинула ему еду.

— Сначала это. Потом будешь смотреть свои трубки.

— Грым тебе пожаловался?

— Нет. Ты утром прошёл мимо и даже не заметил, что я звала.

Лекс помедлил с ложкой.

— Прости. Я...

— Слышала, о чём вы. Там и правда клапан?

— Пока не знаю. Клапан может раньше времени открываться. Проверим.

Она села на соседние нары.

— Я вчера так и не поняла, что с тобой случилось.

Лекс смотрел в миску. Вспомнилось, как она стояла у двери с тетрадью, прижимая её к боку.

— Я полез к старому затвору. Хотел воду пустить. Он открылся, а потом меня скрутило. Кровь пошла... Дальше не помню.

Айрин посмотрела в сторону цеха.

— А сегодня опять?

— Здесь всё иначе. И я не один. Только смотреть начали.

Айрин помедлила, выбирая слова.

— Скажи, если опять станет хуже. Не жди, пока тебя принесут.

— Скажу, — пообещал Лекс. Айрин задержалась ещё на секунду, будто проверяя, услышал ли он собственные слова, и поднялась к своему свёртку.

За едой Лекс узнал, что она всю неделю пересчитывала складские остатки. В одной ведомости трижды перенесли из месяца в месяц одну и ту же поставку; Кор-Дум сердился, потом вместе с ней перерыл нижние ящики.

— Нашли?

— Два. Третий давно разобрали на детали. Я теперь отдельно пишу, что осталось.

Она провела пальцем по чернильному пятну и нахмурилась: не оттирается.

Лекс улыбнулся. Айрин взглянула на него, ожидая объяснения.

— У нас тоже так бывало. В списке машина целая, а от неё один корпус.

— И что делали?

— Искали, кто последний разбирал.

— Тут все говорят, что не они.

— Значит, хоть в этом наши миры похожи.

Айрин фыркнула и снова уткнулась в ведомость.

Он коротко рассмеялся и сразу прижал ладонь к виску. Айрин замерла.

— Прошло, — сказал Лекс. — Уже.

Она дождалась, пока он уберёт руку, и только тогда вернулась к бумагам.

* * *

К полудню в цех вошёл пожилой дворф. Седую бороду он убрал под фартук; сапоги были в той же тёмной грязи, из которой Лекс вчера никак не мог выбраться. Кор-Дум окликнул его:

— Брун, с полями закончили?

— Закончили. Ручная подводка работает.

Кор-Дум подвёл мастера к погрузчику.

— Нижний отвод отдельно пустим. Он хочет посмотреть защитный клапан.

Брун перевёл взгляд на Лекса.

— Чистил я его. Вчера утром.

— Грым сказал. Я не про грязь.

— Про что тогда?

Лекс объяснил. На середине пришлось остановиться: он забыл слово, которым Грым назвал распределитель. Показал на рисунке, и старый мастер наклонился ближе.

— А-а. По усилию не мерил, — сказал он. — До этого плечо вообще не отзывалось. Думали, команда пропадает. На столе-то он ходит.

— Команда есть, — подтвердил Грым. — До упора доводит. Мы смотрели.

Брун потянул край фартука, вытер грязь с пальцев.

— Ладно. Давай посудину.

Отвод отсоединили только после того, как стрелка легла на нижний ограничитель и из сливного отверстия перестало капать масло. Грым подвёл запасной рукав к мерному сосуду, Брун закрепил его. Зураб придерживал сосуд за ручку, пока под него ставили поддон.

Лекс сел сбоку от машины. Отсюда одновременно было видно плечо и прозрачную полоску на мерной стенке. Он попросил Грыма дать ему знак, когда тот начнёт движение.

Первые два хода прошли почти без утечки. На следующем плечо замедлилось, и в рукаве забулькало. Уровень в сосуде пополз вверх.

— Держи, — сказал Лекс. — Только рычаг, не добавляй.

Грым не менял положения руки. Масло продолжало уходить через защитный отвод, хотя погрузчик поднимал только собственную лапу.

Кор-Дум остановил насос.

— Теперь видно, — произнёс он.

Только теперь Лекс обнаружил, что крепко сжимает край табурета. На миг ему захотелось обернуться ко всем и сказать: вот, я же говорил. Он вспомнил перечёркнутую стрелку и отпустил доску.

— Открывается раньше, чем надо, — сказал он. — Но почему — ещё надо понять.

Брун без спора пошёл за ящиком.

Инструменты были уложены по гнёздам. Грым подал Лексу короткий ключ, потом забрал его обратно и заменил другим.

— Этот на кожух. На корпус нужен шире.

Лекс провёл пальцем по толстым губкам. Рядом лежал небольшой захват с винтом, которого он прежде не видел.

— А это?

— Корпус удержать, чтобы трубку не свернуть. Рукой там неудобно.

Лекс повернул приспособление, примерил его к снятой крышке и вернул на место. Утром он по виду машины решил, что в неё придётся лезть сверху. На деле правую боковину снимали целиком, и к большей части соединений можно было дотянуться с пола.

За нижней гайкой пришлось наклониться. Лекс успел сделать пол-оборота, прежде чем в голове потемнело. Ключ соскользнул и стукнул по поддону.

— Чтоб тебя...

Он выпрямился слишком резко. Грым поймал его за рукав и усадил обратно на табурет.

— Я снизу откручу. Говори, что держать.

Лекс хотел выдернуть руку, но Грым уже отпустил его и присел возле корпуса. Стыд был такой злой, что хотелось уйти совсем.

Зураб поднял ключ из поддона.

— Мне подай, — сказал он Грымму. — Я корпус придержу.

Вдвоём они сняли клапан. Брун протёр наружную поверхность, положил узел на чистую ткань и подвинул к Лексу.

— Вот. Смотри.

Внутри действительно было чисто. На седле оставалась ровная полоса прилегания, шток проходил через направляющую без заметного заедания. Лекс подвигал его осторожно, прислушиваясь к тихому шороху.

— Втулка целая, — сказал он.

Брун принял вывод без замечаний.

Пружина показалась короткой. Лекс посмотрел на витки, потом на углубление в крышке, куда упирался её конец.

— Какой длины она должна быть без нагрузки?

— В книге есть, — ответил Грым. — Сейчас.

Он принёс альбом и нашёл нужный лист. Возле нарисованного клапана стояли значки и дробные отметки. Лекс узнал изображение пружины, но прочитать размеры не смог.

Грым взял мерную линейку, приложил к детали и показал нужное деление.

— Немного села.

— А усилие пружины чем проверяете?

Брун пошёл к стене за небольшим рычажным приспособлением с чашкой для грузиков.

— Этим. Редко пользуемся, если деталь готовая пришла. Свою всегда проверяем.

При нагрузке, указанной в записи, старая пружина сжалась заметно ниже контрольной риски. Лекс попросил снять груз и повторить. Результат не изменился.

— Ослабла, — сказал Брун. — Руками не почувствовал.

Он повертел пружину у лампы. С наружной стороны один виток был потемневшим, с неглубокой выработкой в месте касания корпуса.

— Служила долго. Тут её прежде перекашивало, — добавил он. — Крышку проверить надо.

Напряжение в плечах понемногу ослабло. Теперь можно было говорить о детали, которую они держали в руках.

— Новая есть?

Грым покачал головой.

— Готовой нет. Заказывали с креплениями для котла, ещё не привезли.

— Сделаем? Проволока подходящая найдётся?

— Смотря какая тебе нужна.

Лекс назвал то, что сумел измерить, затем замолчал. На Земле он бы сразу назвал подходящую марку стали, но здесь эти обозначения ничего не значили; свойства местного металла он не знал.

— Для пружины, которая долго остаётся сжатой, — сказал он наконец. — И в горячем масле работает. У вас для таких что берут?

Грым сверился с Бруном и ответил:

— Синюю связку. От лебёдок.

— Толщину проверь, — ответил старый мастер. — И остаток сперва мне покажи.

Грым вернулся из кладовой с мотком, перевязанным синей тесьмой. К нему была привязана деревянная бирка. Он прочитал Бруну название поставщика и показал конец проволоки.

— Эта же партия на рудных лебёдках стоит. Ты весной брал.

Старый мастер сравнил толщину с вынутой пружиной, согнул небольшой свободный конец и отпустил.

— Годится. Навивать холодной. Потом ко мне принесёте.

Лекс потянулся к мотку, но Грым придержал его.

— Сколько отрезать?

— С запасом. Я сначала оправку подберу.

— Сколько — с запасом?

Раздражение прорвалось раньше, чем Лекс успел его спрятать.

— Сейчас посчитаю. Не унесу я её.

— Я не сказал, что унесёшь. Мне за расход отвечать.

— Так дай померить!

У верстака стало тихо. Зураб перестал складывать ветошь. Грым смотрел прямо на Лекса, не убирая ладони с проволоки.

Лекс слышал собственное дыхание. Перед глазами на миг встала куртка Хрыча с торчавшим из отворота рисунком. Но здесь на столе лежал моток, и его спрашивали, сколько отрезать.

— Прости, — сказал он, опустив голос. — Я посчитаю. Линейку дай, пожалуйста.

Грым подвинул её по столу.

Они определили длину по числу витков и окружности будущей пружины. На концы Зураб предложил оставить больше: так удобнее будет подогнать их к опорам. Грым отметил расход на бирке, отрезал проволоку и убрал моток обратно. Короткий обрезок он тоже не бросил: отнёс в ящик для остатков и только потом вернулся к верстаку.

К ссоре больше не возвращались.

Лекс нарисовал, как должна лечь пружина в крышке. По старой детали уже нельзя было судить о нужной высоте, поэтому Грым сверялся с записью в альбоме и ставил рядом с рисунком местные отметки.

— Это сколько? — Лекс показал на один из знаков.

— Половина малого деления.

— А здесь такое же?

— Здесь целое. Видишь короткую черту снизу?

Лекс придвинул лист ближе. Ещё минуту назад он принял бы оба значка за один.

Подходящую оправку Зураб нашёл в ящике со стержнями. Первый оказался слишком толстым; второй он промерил, покатав по ровной плите и только потом закрепил в приспособлении для навивки.

— Держишь? — спросил Грым.

— Тиски держат, — ответил кузнец. — Крути понемногу. Я поведу.

Первые витки ложились неровно. Лекс потянулся поправить их пальцами.

— Пальцы убери, Лекс. Клещами подправим.

Зураб перехватил проволоку и прижал к направляющей. Грым остановился, дождался его кивка и снова повернул рукоять.

Лекс сидел рядом, сверяя расстояния. Когда уголёк начал выскальзывать, он положил его на доску и смотрел уже без записей.

Снятую с оправки пружину развернуло чуть шире. Грым нахмурился, приложил мерку.

— В корпус войдёт?

— Должна, — сказал Лекс. — Давай примерим.

Они опустили её в гнездо. В свободном состоянии она встала ровно. Лекс прижал крышку и почувствовал сопротивление; когда он ослабил нажим, крышка вернулась вверх.

— Пока так, — сказал он. — Только нагрузку проверить.

Грым взял крышку у него из рук, надавил ещё раз и остановился.

— Погоди.

Он повернул корпус боком. У конца пружины осталась свежая царапина; вытянутый виток при сжатии сдвигался с опоры и цеплялся за стенку.

— Вот. Ты прямо нажал, а в машине её ведёт в сторону.

Лекс потянулся к детали, повторил движение. Теперь он тоже почувствовал короткую задержку перед тем, как крышка вернулась на место.

— Конец не так лёг, — сказал он.

— Если застрянет, этот клапан вообще не откроется.

Грым произнёс это громче, чем нужно. Лекс вскинул голову, готовый ответить, что и сам всё понимает, но дворф уже отвернулся к погрузчику. За рамой кто-то рассыпал по полу мелкие болты, и оба невольно посмотрели туда. Перед глазами всплыл срезанный палец на полевой подводке и Хрыч, который не захотел слушать Зураба. Лекс медленно выдохнул.

— Переделаем, — сказал Лекс.

Грым обернулся к нему:

— Я бы иначе не поставил.

— Правильно.

Слово далось с трудом. Лекс снял пружину и положил рядом с рисунком. На рисунке конец ложился ровно, почти вплотную к опоре. В железе получалось иначе.

Зураб поднёс крышку к свету, провёл ногтем по месту касания.

— Концы посадим ровнее. И вылет уберём. Тут хватит длины, новую резать не надо.

Он показал, где можно подогнуть виток. Грым придерживал приспособление, пока кузнец работал; Лекс следил, не уходит ли общая высота ниже отметки. Поправленную пружину проверили в корпусе несколько раз, поворачивая крышку. Задержка исчезла.

Брун забрал её к малой печи. Здесь он уже не спрашивал Лекса: выбрал режим для знакомой стали, поставил рядом песочные часы и отослал их от жара.

— Остынет — ещё раз померим. Сейчас встала хорошо — ещё не значит, что так и останется.

Спорить хотелось всё меньше. Последние минуты Лекс держался за край верстака, чтобы не сползти с табурета.

Зураб первым увидел, как Лекс побледнел.

— Хватит пока.

— Я посижу.

— Ты уже сидишь.

Лекс закрыл глаза. В левом виске боль пульсировала в такт шуму насоса. Когда он открыл глаза снова, Грым складывал части клапана в мелкий лоток.

— Крышка здесь, шток рядом. Ничего не потеряется, — сказал дворф, не глядя на него. — Иди.

Лекс встал с помощью Зураба. До людской дошли без остановки, но у нар пришлось подождать, пока перестанет кружиться голова.

Он лёг, не снимая башмаков. Кузнец сел рядом и долго растирал пальцы.

— Тебе тоже досталось, — сказал Лекс.

— Отвык. Мелкое держать трудно.

— А я опять на него заорал.

Зураб бросил взгляд на дверь, за которой остался Грым.

— Грым хоть отвечает.

Лекс тихо выдохнул. Вспомнил, как вчера переставлял ноги под рукой этого дворфа и злился, что тот держит слишком крепко.

— Пружину вовремя заметил, — сказал он.

— Заметил.

Они помолчали. Лекс следил за светлым прямоугольником на полу. Здесь было слышно, как кто-то во дворе льёт воду из ведра и хлопает развешанной тканью.

— Я когда в первый раз к горну подошёл, — начал Зураб и остановился.

Лекс приоткрыл глаза.

— Вчера?

— Да. Хотел взять клещи. Просто взять, понимаешь? Посмотреть, как в руке лягут.

— Возьмёшь ещё.

Кузнец медленно согнул большой палец, потом спрятал руки под локтями.

— Возьму.

Больше Лекс его не расспрашивал. Он закрыл глаза; когда на скамье звякнуло железо, ему показалось, что прошло всего несколько минут.

— Остыла? — негромко спросил Зураб.

— Да, — отозвался Грым.

Лекс через силу открыл глаза.

— Я сейчас.

— Лежи ещё, — ответил Грым. — Отец занят. Без него всё равно не пускаем.

* * *

К верстаку Лекс вернулся ближе к вечеру. На этот раз он не пытался нести доску сам: попросил Зураба, а в свободной руке держал кружку.

Брун и Грым проверили остывшую пружину под нагрузкой: она сжалась до отметки из книги и вернулась в исходное положение. При примерке в корпусе больше не заедала; Лекс осмотрел конец витка — новых царапин не было.

— Теперь собираем? — спросил Грым.

— Да. Крышку только не перетяни. Пусть Брун посмотрит.

— Я здесь, — отозвался мастер.

Он сидел с другой стороны стола. Лекс смутился; Брун проверил посадку, повертел крышку и вернул узел Грымму.

Клапан установили вдвоём с Зурабом. Лекс держал схему и сверял, чтобы каждую снятую деталь поставили обратно. Грым подал ему снятую старую прокладку, показал трещину и взял новую из ящика под верстаком. К ней на бумаге был приколот такой же образец.

Последним вернули рукав в сливную линию. Брун протёр сухой тканью все соединения, затем отступил от рамы.

Первый пуск делали на малом давлении. Пока он смотрел, не проступает ли масло, Грым проверял движение без груза. Плечо поднималось плавно; управляющая полоска оставалась светлой до конца хода.

Лекс невольно улыбнулся. Грым посмотрел на него и сразу отвёл глаза к цилиндру.

— Пока пустой, — сказал он.

— Знаю.

Они дождались, пока машина прогреется. Потом повторили движения. На одном из соединений выступила капля масла; насос остановили, сняли давление и подтянули уплотнение. При следующем пуске ткань осталась сухой.

Кор-Дум велел принести пробный груз.

Зураб шагнул было к ящику с чугунными брусками, но остановился сам и позвал работника от соседнего горна. Вдвоём они подвезли ящик на низкой тележке. Грым закрепил стропы

на лапе погрузчика, проверил замки и отошёл к управляющей тяге. Место для человека внутри каркаса осталось пустым.

— Стоп — сразу отпускаешь, — сказал Кор-Дум сыну.

— Знаю, отец.

— Я не тебе одному говорю.

Он оглядел площадку. Лекс сидел за её краем, Зураб держал руки на спинке его табурета. Брун стоял у шкалы.

Груз поднялся над подкладками на ширину ладони и замер.

Лекс считал удары собственного сердца. Ему всё время казалось, что сейчас дрогнет шток, погаснет полоска, а чугун ударит об пол. Но стрелка держалась, и из сливной линии не доносилось прежнего бульканья.

— Опускай, — сказал Брун.

Грым плавно вернул рычаг.

Когда нагрузку довели до рабочей отметки из книги, плечо поднялось так же ровно. Кор-Дум смотрел на опоры, Брун — на соединения. Лекс повернулся к сливной трубке, но Зураб тронул его за левый локоть.

— Не верти головой. Я вижу отсюда. Сухо.

— Держит, — произнёс Грым.

Он сказал это тихо, почти самому себе. Потом обернулся к Лексу, и на мгновение они встретились взглядами — уже без прежней готовности спорить.

Кор-Дум дождался, пока чугун опустят на подкладки, и перекрыл пар.

— На сегодня хватит. Утром ещё погоняем. На разгрузку пойдёт, если после простоя то же самое покажет.

Брун снял рукавицы.

— Старую пружину к записи приложу.

— Приложи. И напиши, что проверяли. Чтобы через год опять только руками не жали.

Брун принял запись без спора; Кор-Дум повернулся к Лексу.

— Ты заметил, куда смотреть. Хорошо.

У Лекса вдруг зашипало глаза. Он опустил взгляд на грязные манжеты выданной рубахи, подождал и ответил:

— Грым увидел, что конец цеплялся. И пружину я сам бы сегодня не сделал.

— Видел я, кто что делал.

Кор-Дум стоял рядом, не торопясь уходить. Потом забрал рисунок с доски и разгладил ладонью.

— Грым, в книгу перенесёте вместе. Лекс рисунок проверит, ты подпишешь. По кристаллу тоже допиши, что команда до отказа доходила.

— Допишу.

— Зураб, завтра Бруну покажешь, какие захваты в своей кузнице делал. Только за большой молот пока не берись.

Кузнец провёл большим пальцем по обожжённой щеке.

— Покажу.

У Лекса сорвался короткий смешок. Зураб посмотрел на него с недоумением.

— Что?

— Ничего. Просто... завтра.

Кузнец задержал на нём взгляд, потом опустил руки со спинки табурета.

Кор-Дум повёл Лекса к дальнему концу коридора. Остановился у двери, снял с гвоздя ключ и открыл.

В каморке стояла узкая лежанка, стол с обломанным углом и два ящика, набитых старой оснасткой. Под потолком белело небольшое окно. Отсюда грохот молота доносился тише.

— Здесь поселишься, — сказал дворф. — Сегодня ящики вынесут. Работать пока будешь за верстаком, сколько лекарь разрешит. Разбирать — со мной или с Бруном. Сам в машину не лезь.

Лекс опустился на край лежанки. Под тюфяком скрипнула доска.

— А Зураб?

— В людской останется. Возле двери ему место оставили.

Лекс посмотрел на стол. На нём помещался бы целый лист, если убрать жестяную коробку и треснувшую кружку.

Кор-Дум уже взялся за дверь, но не вышел.

— Завтра к магистру.

Лекс перестал смотреть на стол.

— Уже?

— Десятый день после рынка. Дальше тянуть нельзя.

В коридоре прошёл работник с охапкой ремней. Лекс дождался, пока тот скроется за поворотом.

— После того, что было на полях, он ведь...

Он не закончил. Кор-Дум прикрыл дверь, оставив узкую щель.

— Копия записи о запуске есть. Потребуется — покажу. То, что случилось на глазах у всего участка, не спрячешь.

— А если заберёт?

Кор-Дум помедлил, перекачивая ключ в ладони.

— Я буду рядом. Бумаги на тебя у меня. Просто так не отдам.

Лекс смотрел на его ладонь с ключом. Ему хотелось услышать что-нибудь определённое.

— Спроси лучше прямо, — сказал он тихо. — Может, он уже решил?

— Завтра и узнаем.

Кор-Дум вернулся к ящику и сел, уперев ладони в колени.

— Про сегодняшнюю работу я запишу, как было. Нашли клапан. Изготовили пружину. Проверили вместе. За это мне перед ним оправдываться не придётся.

— Сегодня ничего такого не было, — сказал Лекс.

— И попробовать пока не надо.

Лекс потёр лоб. Дворф подождал, пока он опустит руку.

— То, что на полях случилось... Я не знаю, отчего. Ты тоже не знаешь. Не пытайся ему объяснить больше, чем помнишь. Но если снова начнётся — скажи мне сразу.

— Скажу, — ответил Лекс. Кор-Дум поднялся и открыл дверь шире.

— Поесть сюда принесут. Лежи. Железо до утра не убежит.

Он ушёл. Лекс ещё немного посидел, слушая шаги в коридоре. Потом осторожно лёг, устроив правую руку на сложенном краю тюфяка. Теперь это была его комната, а браслет на запястье всё так же тёр кожу при каждом движении.

* * *

Ящики вынесли двое подмастерьев. Зураб пришёл следом со свёртком Лекса и поставил флягу на освобождённый стол. Рисунки с полей он положил сверху: один лист всё ещё корчился там, где намок у будки.

— Остальное в людской осталось? — спросил Лекс.

— Только миска. Принесу, если надо.

— Не надо. Спасибо.

Кузнец оглядел комнату, осторожно нажал ладонью на край тюфяка.

— Тут потише.

— Да.

Зураб направился к двери, но Лекс окликнул его.

— Ты заходи. Просто так тоже.

Зураб остановился у двери.

— Завтра зайду. Покажу, про какой захват говорил.

— Ладно. Завтра, — отозвался Лекс. Кузнец провёл ладонью по косяку и вышел.

Айрин постучала, когда за окном уже темнело. В одной руке она держала миску, другой прижимала к боку свёрнутую футболку.

— Можно?

Лекс сел и освободил место на столе.

Она поставила еду, развернула ткань.

— Высохла. Шов ещё не трогала, света не хватило.

— Потом зашьёшь.

— Завтра, если нитки дадут.

Айрин сложила футболку у стены. Лекс провёл ладонью по ткани: пятна не отстирались полностью, но жёсткой корки больше не было.

— Ты сама-то ела?

— Ела.

Он посмотрел на неё. Айрин приподняла бровь.

— Правда ела. Не только пробовала.

Лекс улыбнулся и принялся за суп. На этот раз ложка почти не стучала о край миски.

Айрин оглядела каморку, потом подошла к окну. Подняться к нему можно было только со стола; она посмотрела на расшатанный угол и отошла.

— Днём сюда свет попадает?

— Ещё не видел.

— Попадает, — сказала она, приглядевшись к выцветшей полосе на стене. — Вот отсюда.

Она села на принесённый подмастерьями табурет. Убирая руку со стола, зацепилась манжетой за щепку. Ткань натянулась; под ней показались тёмные линии на запястье.

Айрин сразу придержала рукав. Лекс опустил глаза в миску, пока она высвобождала манжету.

— На рынке ты тоже видел, — сказала она после паузы.

— Видел.

— Почему не спросил?

Лекс пожевал край губы.

— Ты прятала.

Айрин посмотрела на своё запястье. Затем положила руку на стол ладонью вниз и сама отодвинула манжету.

Линии уходили выше, под ткань. Одни были тонкими, другие переплетались в плотные узлы; возле большого пальца оставалось маленькое свободное поле. Лекс чуть наклонился, чтобы лучше рассмотреть узор, но ближе не стал.

— Что они означают?

— Род. У каждой семьи свой узор.

Она провела ногтем по одному из переплетений.

— Здесь родители. Дальше — их родители. Моя бабушка умела читать такие метки, даже незнакомые. Могла полвечера рассказывать, кто кому приходится.

— Тебе тоже рассказывала?

Айрин кивнула. На миг уголок её рта дрогнул.

— Я всё время путала братьев её деда. Она сердилась. Потом начинала сначала.

Лекс помолчал, разглядывая место, на которое она показала.

— Как её звали?

— Хельга.

— При дворе её звали Хельгой-сказительницей, — добавила Айрин. — Она помнила родовые истории и старые песни лучше, чем я тогда считала возможным.

Имя она произнесла чуть громче остальных слов. За дверью кто-то прошёл, и Айрин невольно подвинула локоть к краю стола.

Лекс отставил миску.

— Дверь прикрыть?

— Да, пожалуйста.

Он встал медленно, прошёл несколько шагов и прикрыл створку. Вернувшись, сел на прежнее место. Айрин не убрала руку, хотя манжету подтянула повыше.

— Мы жили в Ингрии, — сказала она. — На севере. Ты знаешь, где это?

— Нет.

— За горами, у моря. Там люди жили в своих домах. У нас были школы, кузницы, пристань. — Она помолчала. — Я всё время это перечисляю, когда кто-нибудь спрашивает. Будто без пристани мне не поверят.

Лекс не нашёл, что ответить.

— В детстве я думала, что везде так, — продолжила Айрин. — Потом отец показал мне людей, которых выкупили с юга. Я спрашивала, почему у них следы на шеях.

Она осеклась, сжала край рукава.

— Что случилось с Ингрией?

— Пришли Высшие. Десять лет назад. Город держался, а потом ворота открыли изнутри.

— Кто?

— Не знаю. Мне называли разные имена. Я не видела.

Айрин придвинулась к столу; ножки табурета скрипнули по полу.

— Меня увели под землю. Я всё спрашивала, где мать. Мне говорили, она придёт следом. Потом наверху так ударило, что в проходе погас свет.

Пальцы Айрин напряглись. Лекс хотел положить ладонь рядом, но остановился. Она смотрела на дверную щель.

— Дальше можно не рассказывать, — сказал он.

— Я знаю.

Она выдохнула и медленно повела плечами, будто они затекли от долгого сидения.

— У выхода уже ждали. Нас увели вместе с другими. Тех, кто стоял у ворот, привели позже. Они сказали, что отец погиб.

Лекс посмотрел на узор, который она показывала первым.

— А мать?

— Её больше никто не видел живой. — Айрин провела пальцем по соседней линии. — Сигрид. Она перед тем, как меня увели, застёгивала мне ворот. Я не давалась. Хотела, чтобы со мной пошла.

На последних словах голос у неё дрогнул и оборвался. Айрин убрала руку со стола и прижала её к животу. Лекс подождал, потом передвинул к ней кружку.

Она взяла воду, но не выпила сразу. Край кружки тихо стукнул о стол.

— Отец — Харальд Снежный Клык, — сказала она наконец. — Из дома Белого Волка.

Лекс повторил про себя имя, стараясь запомнить. Для него оно пока ничего не значило, кроме узла на её запястье.

— Кем он был?

— Королём. Правил Ингрией.

Лекс посмотрел на неё. Айрин встретила его взгляд, сжав кружку обеими руками.

— Только не надо теперь вставать.

Он не сразу понял, потом покачал головой.

— Я и не собирался.

— Хорошо.

Она попыталась отпить, но губы дрогнули. Пришлось поставить кружку и отвернуться к окну.

Лекс молчал. За стеной кто-то позвал Грыма, потом стихли шаги. Айрин провела ладонью под глазами и несколько раз моргнула.

— У нас перед работой просили Кователя сбересть руки, — сказала она. — Сегодня услышала, как вы у машины кричите, и опять вспомнила. Я давно так не...

Она не договорила.

— Кователя?

— Он мастерам покровительствует. И тем, кто только учится. Мать говорила, ему всё равно, умеешь ты ковать или только первый раз нитку в иглоку вдеаешь.

Лекс посмотрел на сложенную футболку. У Айрин на указательном пальце рядом с чернильным пятном была неглубокая царапина.

— Ты молилась?

— Да.

Она ответила коротко, не опуская глаз. Лекс кивнул.

— Спасибо.

Айрин взяла кружку снова. На этот раз смогла выпить.

— До рынка нас несколько ночей держали в бараке, — сказала она после паузы. — Там почти всё время кто-нибудь плакал. Я пела бабушкину колыбельную про метель за окном и утро после неё. Тихо. Не для остальных — чтобы самой слышать хоть что-то другое.

Некоторое время они молчали. Лекс доел несколько ложек супа; Айрин расправила манжету, провела пальцем по зацепке и оставила её в покое.

— А ты где жил? — спросила она.

Он опустил ложку.

Перед глазами возникло окно в кухне, вечерний свет на облупленном подоконнике. После поля, цеха и людской трудно было поверить, что у него когда-то было место, куда он просто приходил с работы, закрывал за собой дверь и оставлял ключи на столе.

— Далеко отсюда, — сказал Лекс. — Очень далеко.

— Тоже человеческое королевство?

— Не королевство. И Высших я до этой дороги не видел.

— Значит, они туда не добрались.

Лекс не ответил. Чтобы рассказать о другом мире, пришлось бы начать с того, чего он и сам не понимал: с белого света, голоса в сирене и дороги, на которой не было ни одного знакомого поворота.

— Можно туда уйти? — спросила Айрин.

— Я не знаю, как вернуться.

Горло сжалось. Пока Лекс рисовал трубы и считал витки, об этом удавалось не думать.

Айрин медленно отставила кружку.

— Ты тоже не знаешь дороги.

— Не знаю.

Она кивнула, словно именно это поняла лучше всего.

Лекс посмотрел на её рукав, на браслет у себя на запястье.

— Я буду искать способ выбраться, — сказал он. — Отсюда. И тебя не хочу оставлять.

Айрин подняла голову.

— Лекс... Не обещай, что освободишь меня. Сейчас не надо.

Он уже собирался возразить, но вспомнил, как накануне утром на полях держал ладонь на Митиной щеке и просил Зураба проверить ещё раз.

— Хорошо, — сказал он. — Обещать не буду.

Айрин подалась вперёд и коснулась его левой руки. Несколько секунд она держала пальцы на его костяшках, потом убрала руку.

— Просто скажи, если придумаешь что-нибудь. Я тоже буду думать.

— Скажу.

За дверью кто-то остановился. Айрин быстро опустила рукав, но снаружи всего лишь поставили ведро; через секунду шаги удалились.

Лекс некоторое время смотрел на щель под створкой. Завтра его опять повезут к магистру. Он знал, что ночь не станет длиннее оттого, что он перестанет считать оставшиеся часы, и всё-таки считал.

— Кор-Дум сказал про осмотр? — спросила Айрин.

— Сказал.

Она помолчала, затем подвинула его миску ближе.

— Доешь. Там немного осталось.

Лекс взял ложку.

Когда Айрин собралась уходить, он вспомнил о бумажке на свёртке для Марфы.

— Ты предлагала показать, как имена пишутся.

Она остановилась с миской в руках.

— Сейчас?

— Если можешь. Моё хотя бы.

Айрин поставила посуду обратно. Нашла на столе чистый оборот рисунка и взяла уголёк. Лекс придвинул лампу.

Она вывела несколько знаков, показала, где начинать и в какую сторону вести линию. Он взял уголёк левой рукой: правую руку пока не удавалось поднять до стола без боли.

Первый знак вышел шире образца, следующий пополз вниз. Лекс остановился.

— Не похоже.

Айрин наклонилась посмотреть.

— Этот уже можно узнать. Здесь только черту доведи. Вот до этого места.

Он попробовал ещё раз. Рука дрожала; пришлось опереть запястье на край листа. Айрин придержала бумагу, чтобы она не скользила.

— Так?

— Да. Теперь следующий.

Лекс перевёл взгляд с её образца на свободное место и начал новую строку. Имя становилось знакомым. Ответ для Вэл'Шана — нет.

Глава 5. Пять дней, или Цена мастерства

Месяц Лаэриэль, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

Погрузчик поднял пробный груз, подержал и плавно опустил на подкладки. Грым заглянул под правое плечо, провёл сухой тряпицей по соединению и показал её отцу. Кор-Дум провёл большим пальцем по чистой ткани.

Лекс стоял у двери. Ему хотелось подойти, посмотреть на шкалу, спросить, как машина повела себя после ночного простоя. Вместо этого он поправил ворот рубахи. Пальцы задели цепочку; он поспешно спрятал её под ткань.

— Проверили и на холодную, и после прогрева, — сказал подошедший Грым. — Держит. Отец велел до вечера оставить погрузчик у этого верстака, далеко не отгонять.

— Хорошо.

Грым помолчал, затем сунул ему сложенный лист.

— Запись вчерашнюю переписал. Потом посмотришь, ничего не пропустил?

Лекс взял лист левой рукой.

— Потом.

У ворот уже запрягали лошадь. Сегодня был десятый день после рынка — именно на этот день магистр назначил повторный осмотр.

Айрин догнала Лекса и Кор-Дума возле повозки. Подала Лексу флягу и свёрток с хлебом, дождалась, пока он устроит их возле ног.

— Возьми. Вдруг задержитесь.

— Мы же ненадолго.

— Всё равно возьми.

Она отступила, освобождая место дворфу. Лекс хотел спросить, что будет, если его не привезут обратно, но увидел, как Айрин стиснула край фартука.

— Вернись, — сказал он тише, чем собирался.

В приёмной Магистериума пахло воском и мокрыми плащами. Вдоль стены сидели два человека с одинаковыми браслетами. Один дремал, уронив подбородок на грудь; второй следил за дверью, за которой время от времени звенело стекло.

Кор-Дум передал служащему бумаги. Тот сверил клеймо на браслете Лекса с записью, задержал взгляд на приложении с рынка и велел ждать.

Лекс сел на скамью и посмотрел на таблички над дверями. Один знак он узнал: Айрин вчера показывала его, когда писала своё имя. Целиком прочесть слово он не смог.

Когда служащий вернулся, Кор-Дум поднялся вместе с Лексом.

— Владельцам оставаться здесь.

— Магистр велел принести сведения с участка. Они у меня.

Служащий протянул руку. Дворф не отдал папку.

— Я объяснить должен. Там две записи расходятся.

Из комнаты донёсся знакомый голос:

— Пусть войдёт.

На этот раз прибор стоял на каменном столе. Шнуры были убраны в прорези вдоль края, под кольцами не лежало ни крошек, ни оборванной оплётки. Вэл'Шан сам проверил прибор на служащем. Голубой свет поднялся по шкале и остановился; отдельная белая точка над ней продолжала гореть.

— Теперь ты.

Лекс положил ладони в кольца. Правое кольцо пришлось придвинуть ближе: тянуться к нему было больно.

Магистр заметил это, но ничего не сказал. Свет у основания шкалы дрогнул и остался внизу. Белая точка не погасла.

Его молчание оказалось неприятнее насмешки. Вэл'Шан смотрел не на лицо Лекса, а на то, насколько высоко поднимается повреждённая рука, как быстро возвращаются пальцы в исходное положение и меняется ли показание прибора вместе с болью. Если бы магистр получал удовольствие от чужого страдания, его было бы проще ненавидеть. Здесь не было ни удовольствия, ни жалости — только точность исследователя, которому важно, не исказит ли повреждённый образец результат опыта.

Вэл'Шан дождался, пока помощник сделает запись, и вынул прозрачный камень. В пальцах эльфа золотая искра внутри камня вытянулась тонкой иглой. Когда камень оказался у Лекса, свет снова сжался почти в неподвижную точку. Ни линий, ни знакомого провала не было.

— Убери руки.

Он послушался не сразу. Магистр уже отвернулся к Кор-Думу.

— Покажи, что принёс.

Дворф разложил бумаги. Вэл'Шан прочитал короткую запись Кор-Дума, затем вынул из своей папки другое донесение и положил рядом.

— Это прислали вчера с Седьмого участка, — сказал он. — Пульт включился, когда человек положил руку на панель. До того не работал. После включения человеку стало плохо.

— Затвор остался открыт, — ответил Кор-Дум. — Вчера Брун поставил новую проушину и палец. Без этого там опять всё сорвало бы.

— О железе я прочитал.

Кор-Дум коснулся второго листа.

— Здесь каждый день записывали, что он здоров. А это заключение лекаря, когда мы вернулись. Я потому сам и пришёл.

— Заключение оставишь мне.

Вэл'Шан отложил донесение и посмотрел на Лекса.

— Что ты сделал?

В приёмной кто-то закашлялся. Лекс успел отметить, что дверь за ним не заперли, и машинально поискал ручку.

— Искал ручной спуск. Там была скоба, я потянул. Она не шла. Потом упёрся ладонью в стекло.

— Зачем?

— Женщина возле камня падала, а руки оторвать не могла.

Магистр подождал продолжения. Лекс сглотнул.

— Надо было воду пустить в обход. Я видел, куда тяга идёт. Решил, что смогу её сдвинуть.

— И смог?

— Пульт загорелся. Что потом было, я плохо помню.

Вэл'Шан посмотрел на его ладони.

— В прошлый раз ты заметил повреждение измерителя.

— На кольцо. Его сбоку было видно.

— Ты уже говорил.

Лекс замолчал. По виску скользнула капля пота, хотя в комнате было прохладно.

Магистр попросил показать рисунки. Кор-Дум вынул их из папки. Несколько минут Вэл'Шан переворачивал листы, время от времени задерживая взгляд на отдельных линиях.

— Где тебя учили?

— Далеко отсюда.

— Я просил тебя назвать город.

— Я его помню. Вы не знаете этого города.

Вэл'Шан дочитал строку до конца и лишь затем поднял взгляд.

— Ты решил за меня?

Живот неприятно свело. В голове мелькнуло родное название, вывеска над проходной, номер автобуса. Как объяснить всё это человеку, перед которым он сидел с клеймом владельца на руке? Начать с другого мира — и уже не выйти из этой комнаты.

— Я не знаю, как отсюда туда добраться, — выговорил он. — Меня везли связанным. Очнулся в фургоне.

Эльф ещё несколько мгновений смотрел на Лекса. Узкие зрачки в золотых глазах почти не двигались; затем Вэл'Шан сделал пометку на полях.

— Хорошо. К этому вернёмся.

Он повернулся к Кор-Думу:

— Пока оставь в мастерской. Истощение ещё не прошло; снова отправишь на поля — будешь объяснять, почему испортил мне наблюдение. Если что-нибудь повторится, известишь в тот же день.

— Извещу. Работать ему можно?

— Смотря что ты называешь работой.

Кор-Дум положил сверху запись о погрузчике.

— Вчера клапан нашли. Он смотрел, мы разбирали. Лекарь тяжести запретил.

Вэл'Шан пробежал глазами страницу.

— Пусть занимается знакомым делом. К старым устройствам без присмотра не подпускать. На следующем осмотре понадобятся эти записи.

Он вернул папку и уже взялся за другую, лежавшую рядом, когда Лекс спросил:

— А сейчас всё?

Магистр посмотрел на него поверх листа.

— Сейчас всё.

На улице Лекс присел на край ступени. Кор-Дум придержал его за локоть, потом убрал руку.

— Воды выпей.

Лекс выпил из фляги, потом развязал свёрток с хлебом. Несколько крошек упало на колени.

— Он меня не отпустил, — сказал Лекс тихо.

Дворф посмотрел на людей у входа.

— Здесь не говори.

Уже в повозке Кор-Дум дождался, пока Магистериум скроется за поворотом.

— Теперь всё такое сразу попадёт ему в отчёт. Обморок, кровь, странная реакция на старое железо — всё.

— Я понял.

— Нет, — мрачно сказал дворф. — Пока ни черта не понял. Ещё раз какая-нибудь железка заговорит — сначала меня зови. А потом уже решай, куда руки совать.

Только на обратной дороге Лекс поймал себя на другом, куда менее удобном выводе: за последние дни он уже начал мысленно делить хозяев на хороших и плохих. От самой формулировки стало мерзко. Кор-Дум кормил их, слушал возражения, спорил с магистром и сам останавливал тех, кто считал рабский браслет разрешением делать с человеком что угодно, но железный браслет на запястье Лекса всё ещё открывался не его рукой. Разница между Кор-Думом и Хрычом была огромной — и всё же не превращала покупку человека в нормальную вещь.

Спорить не хотелось.

Лекс снова достал хлеб. Откусил немного, но жевал долго, запивая каждый кусок водой.

Когда они въехали во двор мастерской, Айрин выглянула из складской двери. Лекс поднял флягу и попытался улыбнуться. Она прислонилась к косяку и провела ладонью по лбу.

* * *

Следующие несколько дней быстро приучили Лекса к простой вещи: после удачного ремонта никто не давал времени порадоваться. Кор-Дум ставил на верстак следующую сломанную деталь ещё до того, как предыдущую успевали убрать. Грым приходил уже без приказа отца, но учеником себя не называл; Лекс, в свою очередь, всё реже пытался объяснять ему то, что дворф и без него знал.

С ручным насосом управились быстро. На третий день застряли с приводом складской лебёдки.

Лекс предложил выправить крышку, из-за которой зажимало вал. Грым унёс её Бруну и вернулся через несколько минут.

— Нельзя греть. Лопнет возле ушка.

— А холодную поджать?

Грым повернул крышку к свету и ткнул ногтем в почти незаметную тёмную черту.

— Вот. Трещина. Вчера под грязью не видно было.

Лекс ещё раз осмотрел металл и отложил деталь.

— Тогда новая.

Грым явно ждал спора, но не дождался.

Кор-Дум велел отлить крышку заново, а Лексу снять размеры. Тот успел перепутать один местный знак меры и начертил деталь втрое длиннее. Грым приложил линейку к рисунку.

— Нам для неё стену разобрать придётся.

Лекс посмотрел на собственную запись и рассмеялся.

— Отцу не показывай.

— Поздно. Он эту книгу мер сюда и принёс.

С тех пор книга лежала рядом с доской, прижатая тяжёлой гайкой.

Зураб работал у Бруна. Первые дни он подгонял небольшие заготовки для захватов, часто откладывая напильник, чтобы дать рукам отдохнуть. Потом показал мастеру, как делал клещи для тонких полос. Брун долго вертел их в руках, несколько раз попросил подправить губки. На третий день новые клещи висели возле горна.

Лекс увидел их, когда пришёл за водой.

— Твои?

— Теперь общие, — ответил Зураб. — Брун сказал ещё одни сделать.

Он отвернулся к огню, но Лекс успел заметить улыбку. На месте зажившего ожога кожа у кузнеца оставалась розовой, борода отрастала неровными ключьями.

Вечером Зураб принёс ему небольшой захват.

— Для твоих мелких деталей. Вчера опять голыми пальцами держал.

— Я только примерял.

Кузнец молча потянулся к забинтованному пальцу Лекса. Тот убрал руку.

— Ладно. Спасибо.

Зураб помог разобрать ящик, а Грым предложил сначала проверить длину новой рукояти на деревянном обрезке, прежде чем портить металл. Лекс уже не пытался решать за них, как именно делать каждую мелочь.

Самому ему становилось лучше. Правое плечо всё ещё ныло к вечеру, а после часа над рисунками буквы начинали двоиться. Раньше он пытался поработать ещё немного. Теперь Грым замечал это раньше, чем сам Лекс, и молча забирал доску.

Айрин по-прежнему приносила лекарский отвар. От одного его запаха Лекс уже морщился, но кружку всё равно выпивал до дна. Сама она большую часть дня сидела над складскими книгами. Однажды вечером она положила перед Лексом черновик с выписанными суммами.

— Посчитаешь?

— Давай.

— Только свои числа сначала научись писать.

— Складывать-то я умею.

— Вот и проверим.

Одна сумма не сошлась. Айрин посмотрела на расчёт, перевернула лист и показала пропуск между двумя записями.

— Два листа не хватает.

— Тогда я всё правильно посчитал.

— На этот раз.

* * *

Складская подвода вернулась к вечеру. Пустая корзина бросилась в глаза раньше, чем возница успел снять её с борта.

— Дошло?

— Дошло. Марфа просила мыло. Корней жив, Гринька воду носит. Больше не знаю — у калитки долго стоять не дали.

Лекс задержал возницу ещё на мгновение. Главное он услышал: они пока живы, а на Седьмом участке ничего не изменилось.

Лекс спросил, можно ли послать записку. Айрин принесла обрезок бумаги.

Он долго сидел над листом. Про новую комнату и про то, как здесь кормят, писать не хотелось. В конце концов Лекс продиктовал, что они с Зурабом работают вместе, что плечу легче и что Марфину просьбу передали.

— Имя сам поставишь? — спросила Айрин.

Лекс взял уголёк. Буквы вышли неровные, но Айрин ничего не поправила. На следующий день она вложила записку в корзину с хлебом и мылом, которую Кор-Дум разрешил отправить с очередной подводой.

Вечером, когда в цеху стало слишком душно, Лекс вышел во двор. Грым сидел у порога и чистил пазы в металлической оправе.

— Тут можно?

Дворф подвинулся. Лекс опустился рядом, осторожно вытянул ноги.

Над узкой полосой крыш горели звёзды. Три стояли почти на одной прямой, и он долго искал возле них знакомое созвездие. Дым из трубы закрывал половину неба. Лекс ждал, пока дым не отнесло в сторону, но, когда звёзды появились снова, всё равно не смог понять, узнаёт их или только хочет узнать.

Грым подул в оправу. Пыль защекотала нос.

— Ты чего улыбаешься?

— Вспомнил кое-что.

— Хорошее?

— Обычное.

Вспомнилась кружка возле раковины, тёмный след на дне. Вечером он постоянно забывал её вымыть и утром наливал кофе, даже не сполоснув кружку. Если открывал форточку, с улицы тянуло сыростью, а по мокрому асфальту шуршали шины.

Теперь Лекс отдал бы многое, чтобы снова услышать этот обычный городской шум.

— У вас там тоже кузницы? — спросил Грым.

— Есть. Только я в другом цеху работал. Там больше трубы, насосы...

Он замолчал. Грым поскоблил оправу и протянул ему.

— Здесь, посмотри, ещё осталось?

Лекс повернул деталь к свету из двери. В углублении блестела тонкая полоска нагара.

— Вот тут.

Грым принялся её вычищать. Они просидели у порога, пока не погасла лампа над складской дверью.

* * *

На восьмой день после ремонта Грым принёс со склада старый накопитель из разобранной шахтной машины. Мутный многогранник был зажат в медном ободке; через одну грань шла старая трещина, а скол возле неё был отмечен чёрной краской.

— Отец сказал: списанное разбирайте. К рабочему без него лапы не тянуть.

Сначала они проверили накопитель в учебной стойке. Белая точка на боковой планке загорелась, сам камень не ответил. Для проверки Грым поставил исправный образец; тот сразу дал слабый синий отблеск.

— Пустой, — сказал дворф. — Его ещё отец лет десять назад проверял.

Трещина позволяла разнять корпус по старому расколу. Брун осмотрел её, разрешил снять ободок под стеклянным щитком и велел после разборки записать осколки отдельно,

чтобы никто потом не принял их за целый накопитель. Снятый ободок он положил в отдельный лоток: даже списанное здесь не смешивали с ломом до отметки мастера.

Грым взял тонкий резец. Лекс остался сидеть и следил за краем трещины. Ободок снялся легко; две половинки удерживала тонкая мутная прослойка, которую сперва приняли за грязь.

— Подожди, — сказал Лекс. — Тут что-то есть.

Грым убрал резец.

В щели блеснула мутная плёнка. Она не рвалась, когда половинки чуть расходились, а тянулась вслед за одной из них. Лекс придвинул лампу. Внутри показалась небольшая полость; в ней лежало что-то белёсое, слоистое, со множеством тонких перемычек.

— Будто паутина, — прошептал Грым.

Из цеха донёсся удар молота. Плёнка дрогнула, и Лексу послышался низкий протяжный звук. Он посмотрел на дверь, потом опять на камень.

— Слышал?

— Молот?

— Нет. Здесь.

Грым нахмурился и потянулся к щитку.

— Руки уברי. Отца позовём.

Лекс уже поднял лупу над краем щитка. Одну половинку он придержал пальцем, чтобы повернуть её внутренней стороной к свету.

Камень был холодным.

Белёсые слои вдруг разошлись в глубину. Верстак исчез, будто Лекс шагнул туда, где только что лежал расколотый многогранник. Перед ним растянулись светящиеся каналы. Одни обрывались, другие уходили так далеко, что их невозможно было проследить. В тесных узлах толкались тёмные сгустки.

Он попробовал отвести глаза, но не смог.

Каналы приблизились, заполнили всё. Лекс больше не чувствовал ни пальца на камне, ни табурета под собой. В висках ударило так сильно, что он попытался закричать. Вместо крика из горла вырвался чужой хрип, а за ним — ещё один.

В тёмных сгустках проступали лица. Открытые рты, стиснутые зубы, чьи-то глаза совсем близко. Лекс не мог понять, смотрят ли на него или он вспоминает то, чего никогда не видел.

Он рванулся назад. Боль усилилась.

Сквозь крик пробились слова:

«Ты коснулся эфирной матрицы».

Лекс пытался вдохнуть. Чужой голос не торопился.

«Разум ещё не готов. Ищи убежище, Наследник».

Последнее слово раскатилось гулом. Лица исчезли; на их месте осталась одна светлая нить. Он потянулся к ней, уже не понимая, тянется ли рукой или только мыслью.

— Отпусти! Лекс, отпусти, чтоб тебя!

Что-то ударило об пол. Свет оборвался.

* * *

Он лежал щекой на чьей-то куртке. Из носа текло, верхняя губа была мокрой. Лекс попробовал втянуть воздух и закашлялся.

— На бок, на бок его, — сказал Зураб совсем рядом. — Плечо не трогай.

Его осторожно повернули. Лекс открыл глаза и увидел ножку табурета, две медные стружки возле неё и сапог Грыма.

Челюсть сводило так, будто он несколько минут стискивал зубы изо всей силы. Во рту стоял вкус меди; кровь из носа успела затечь к губам и на ворот. Пальцы правой руки не сразу разжались — ногти вдавились в ладонь полумесяцами, а в мизинце и безымянном ещё

несколько секунд не было чувствительности. Лекс пошевелил ими и только тогда поверил, что рука по-прежнему его.

— Слышишь меня? — голос дворфа дрожал. — Лекс!

— Слышу.

Он произнёс это едва слышно, но Грым сразу выругался и сел прямо на пол.

Зураб придерживал Лекса за спину. Под ладонью кузнеца рубаха натянулась, и правое плечо отозвалось болью; Лекс зашипел, и Зураб ослабил нажим.

— Не вставай пока.

В дверях появились Кор-Дум и Брун. Старый мастер первым подошёл к верстаку, отодвинул упавший щиток и накрыл осколки пустым глиняным колпаком из-под учебной стойки. Кор-Дум присел возле Лекса.

— Что делали?

— Мутный разбирали. Из шахты, — ответил Грым. — Проверили. Пустой был. Брун смотрел.

— Смотрел, — отозвался Брун. — По старому расколу разняли. Я разрешил — с меня и спрос.

Кор-Дум перевёл взгляд на сына.

— Дальше?

— Внутри оказалось что-то. Я сказал тебя позвать. Он взял...

Грым замолчал и посмотрел на Лекса.

— Я сам тронул, — выговорил тот.

Дворф сжал губы. Потом обернулся к двери и велел послать за лекарем.

— Камни под замок. Все. Брун, сам убери. И чтоб до моего слова никто к ним не лез.

Лекс закрыл глаза. Зураб всё ещё сидел рядом, не давая ему завалиться на спину. Лекс хотел попросить его убрать руку: ткань под ней будто жгла. Но сил хватило только на долгий выдох.

В каморку его отнесли двое работников, которых привёл Брун. Зураб шёл рядом. Грым нёс окровавленную куртку, которую успел подложить Лексу под голову.

— Твоя?

— Моя. Ложись уже.

Лекса усадили на край лежанки. Он попробовал снять рубаху, но не смог вытащить правую руку из рукава. Зураб помог ему. Грым поставил ведро, налил в таз немного воды и долго оттирал пальцы, хотя кровь почти сразу смылась.

Кор-Дум ушёл встречать лекаря. Зураб отправился за чистой тканью и у двери сказал Грым:

— Одного не оставляй.

— Не оставляю.

Лекс лежал, глядя на стол. Уголёк остался на краю листа. Протянуть бы руку, нарисовать, пока не забыл, где расходились каналы...

— Даже не думай, — сказал Грым.

Лекс перевёл на него взгляд.

— Я только...

— Видел я твоё «только». Я тебе что сказал?

— Слышал.

— Слышал? А зачем полез?

Дворф говорил всё громче. Лекс отвернулся к стене.

— Не ори. Голова раскалывается.

Грым поднялся, сжал мокрую тряпку и снова сел. Вода потекла ему на колени.

— Я не знал, что с тобой делать, — сказал он уже тише. — Руку от камня оторвал, а ты всё равно не слышал. С пола поднять пытался — тебя выгибало. Хорошо, Зураб прибежал.

Лекс помнил, как хотел отвести глаза и не смог. От этого воспоминания к горлу опять подступила тошнота.

— Долго я так?

— Не знаю. Долго.

Грым выжал тряпку в таз. Некоторое время они молчали.

— Ты там что-то говорил, — наконец произнёс дворф. — Слов не разобрал. Что увидел?

Лекс закрыл глаза, но за веками сразу возникли чужие лица. Он снова посмотрел на стол.

— Как будто устройство. Внутри. Слои, соединения... Потом люди.

— Какие люди?

— Не знаю. Лица. Мне показалось, они кричали.

Грым потёр ладонью короткую бороду.

— Отец рассказывал, что в старых камнях голоса слышат. Сталкеры говорят — души остаются.

— Может, мне привиделось.

Лекс хотел, чтобы это было правдой. Но тот голос он помнил слишком ясно.

— Ещё кто-то сказал, что я коснулся эфирной матрицы. Велел искать убежище. Назвал Наследником.

Грым застыл с тряпкой в руке.

— Кто назвал?

— Я же говорю, не видел.

Дворф посмотрел на дверь.

— Отец о таком не рассказывал.

Лекс поднял руку к лицу; она дрожала.

— Не говори пока никому про этот голос.

— А что мне отцу сказать? Он спросит.

— Что случилось, скажи. Всё, как было. Только эти слова... Я сам не понимаю, что они значат.

Грым выслушал до конца.

— Про слова не скажу. Но если опять такое случится, я его позову. Хоть ты ругайся, хоть нет.

— Позови, — прошептал Лекс.

Лекарь задержался надолго. Заставил Лекса следить глазами за огоньком, ощупал затылок, спросил, тошнило ли после падения. Когда тот попытался объяснить, что боль уже уходит, лекарь повернулся к Грыму:

— А ты скажи.

Пришлось слушать, как дворф рассказывает заново. Лекс лежал с закрытыми глазами. Перед ним то возникали, то исчезали обрывки увиденного. Соединить их в схему не получалось; чем сильнее он старался, тем больше становилось.

После осмотра Кор-Дум убрал доску и инструменты со стола.

— До утра лежать. Завтра лекарь посмотрит ещё раз.

— Мне записать надо.

— Грым запишет. Ты скажешь.

Лекс хотел возразить. Дворф не уходил, стоял с доской в руках, и Лекс наконец попросил принести воды.

Вскоре за перегородкой закрипело перо. Грым записывал порядок разборки под диктовку Бруна. Кор-Дум несколько раз переспросил, как проверяли камень, потом велел снять копию для Магистериума.

Лекс позвал его так резко, что сразу закашлялся.

Дворф вошёл.

— Зачем туда?

— Сказал, что сообщу. Значит, сообщу.

— Им обязательно знать сегодня?

Кор-Дум поставил доску у стены.

— За лекарем через весь цех бегали. Брун двух работников от горна снял. Половина мастерской видела, что случилось. Я хозяин — мне и отвечать. Хочешь, чтобы магистр узнал от кого-то ещё?

Лекс скомкал край одеяла.

— Что ты ему написал?

— Разбирали камень. Тебе стало плохо. Лекарь смотрит. Всех, кто был при разборке, тоже указал.

— Грыма зачем?

— Он здесь учится и работает. Я за него отвечаю.

Лекс посмотрел мимо дворфа на дверь. Там виднелся край табурета, на котором сидел Грым.

— Можно сначала я прочту?

— Айрин тебе прочтёт. Я ещё не запечатал.

Кор-Дум принёс лист. В отчёте не было ни слова о лицах, голосе или «Наследнике». Айрин прочла дважды; Лекс попросил заменить «при запуске» на «при разборке»: запускать камень они не собирались. Дворф выслушал, сходил за пером и исправил. Только после этого сложил лист и прижал к воску печать.

Посыльного Лекс не видел. Слышал шаги в коридоре, звон пряжки и вопрос Кор-Дума, знает ли тот, где принимает секретарь магистра.

Айрин осталась. Сначала она собрала мокрую ткань, потом нашла чистую рубаху. Лекс лежал, пока она возилась у стола: складывала ткань, переставляла вещи. Наконец не выдержал:

— Ты сердишься?

— Да.

Она поставила пустой таз возле двери и выпрямилась.

— Я прибежала, а тебя несут. Грым весь в крови. Спросила его — он только головой мотает. Я решила...

Айрин замолчала. Лекс приподнялся на локте.

— Кровь из носа. Её не так много было.

— Я не про кровь!

Он вздрогнул. Айрин прижала пальцы к губам, потом отвела руку.

— Прости. Я не хотела кричать.

Лекс опустил обратно. На одеяле осталась складка там, где он его держал.

— Мы проверяли. Не просто взяли и раскололи.

— Знаю. Я же читала тебе запись.

— Тогда что я должен был...

Он оборвал себя. Вспомнился Грым, отложивший резец: давай отца позовём. У Лекса было время убрать руку. Он хотел только повернуть камень, разглядеть плёнку чуть лучше.

— Я поторопился, — сказал он.

Айрин села на табурет.

— А теперь опять туда хочешь. Лекарь ещё уйти не успел, ты уже просишь записать.

Лекс долго смотрел на свои пальцы. На указательном темнела полоска, оставшаяся после кристалла. Под ногтем засохла кровь.

— Я не знаю, как это остановить, — признался он. — Если опять случится... Надо хоть понять, от чего.

— Сегодня не надо.

— Сегодня не буду.

Айрин подвинулась ближе. Он протянул левую руку, и она взяла её осторожно, как будто ждала, что он сейчас отдернет руку.

— Мне страшно, — сказал Лекс, глядя на их руки.

— Мне тоже.

Больше она ничего не добавила. Посидела с ним, пока из коридора не позвали ужинать. Зураб принёс еду и маленький мешочек.

— Брун из лавки принёс. Я попросил. У нас таким от головы поили.

Он понюхал мешочек, поморщился и завязал снова.

— Лекарю завтра покажем. А пока вместе с тем отваром не пей.

— Хорошо, — согласился Лекс. Кузнец поставил миску на стол, взял табурет и сел так, чтобы заслонить лампу.

— Не светит в глаза?

— Теперь нет.

Несколько ложек Лекс смог съесть сам. Потом рука задрожала, и он поставил миску на колени. Зураб забрал её, подождал, пока тот отдышится, и подал снова.

— На полях у тебя так же было? — спросил он.

— Не совсем. Сегодня я больше видел.

— Лучше бы меньше.

Лекс поднял на него глаза.

— Я знаю.

— Тогда в другой раз, когда Грым скажет остановиться, остановись.

В голосе кузнеца не было привычной мягкости. Лекс отвернулся к стене. Хотелось, чтобы все наконец ушли и перестали напоминать одно и то же. Он просил их о помощи, они помогали, а теперь от их заботы становилось тесно.

Зураб сидел молча. Не уговаривал есть, не спрашивал про видение.

Через некоторое время Лекс повернулся к Зурабу.

— Поставь пока на стол. Потом доем.

Кузнец забрал миску.

— Дверь оставляю приоткрытой. Я в людской.

— Спасибо.

Зураб задержался на пороге.

— Отдыхай.

* * *

Лекс проснулся от скрипа ворот.

В цеху уже не работали, поэтому голоса со двора были слышны отчётливо. Кто-то спрашивал хозяина, сторож отвечал сонным, сердитым голосом. Звякнули удила. Через несколько минут дверь конторы закрылась, и всё стихло.

Обычно из-под двери пробивалась тонкая полоска света: на ночь в коридоре оставляли одну лампу. Сейчас света не было.

Лекс решил, что лампа погасла, и потянул край одеяла к плечу.

— Лекс.

Голос прозвучал возле стола.

Он открыл глаза. Вэл'Шан стоял между дверью и лежанкой.

Мантия почти сливалась с темнотой. Внизу она была полупрозрачной: сквозь ткань Лекс различал край табурета. На полу от фигуры не было тени.

Лекс дёрнулся к стене и вскрикнул от боли в плече.

— Не вставай, — сказал магистр.

Холод сдавил грудь. Лекс попытался позвать Зураба, но смог только выдохнуть его имя.

Пальцы впились в одеяло; разжать их он не смог.

В дверях появился Кор-Дум с лампой.

— Я сказал — он спит!

— Уже нет. Поставь свет ближе.

Дворф остался на пороге.

Вэл'Шан едва шевельнул пальцами. Холод, сжимавший грудь, сразу ослаб, и Лекс жадно втянул воздух.

— Вот так. Спокойнее. Мне нужно задать несколько вопросов.

— Вы... здесь?

Лекс смотрел на табурет, проступавший сквозь мантию.

— Достаточно близко, чтобы слышать тебя.

Магистр оглядел стол. Доски на нём уже не было, только миска, фляга и сложенная футболка.

— В записке сказано, что во время разборки старого накопителя у тебя случился припадок. До прикосновения или после?

— Он едва очнулся, — сказал Кор-Дум.

— Я не прошу его вставать.

Вэл'Шан не повысил голоса. Губы у Лекса снова начали неметь.

— После, — выговорил он.

— Что ты трогал?

— Внутреннюю сторону.

— Видел что-нибудь необычное?

Слова о матрице снова зазвучали в памяти, и Лекс прикусил язык: сейчас главное — не выдать себя.

— Там были перемычки. Под плёнкой.

— Я спрашиваю о том, чего не видел сын мастера.

Лекс посмотрел на дворфа. Тот подошёл, поставил лампу у изголовья и остался рядом.

— Грым всё, что видел, записал, — сказал он.

Вэл'Шан медленно повернулся к нему.

— Я спрашиваю не о записи твоего сына, мастер. Не заставляй меня повторять.

Он снова посмотрел на Лекса.

— Цвет? Свет? Ощущение глубины? У тебя могло измениться зрение.

Лекс молчал. Каждое слово магистра казалось слишком близким к тому, что произошло.

— На полях было один раз, теперь повторилось. Оба раза — старое устройство. Оба раза приборы не находят в тебе даже слабого отклика. Ты понимаешь, почему мне недостаточно записи лекаря?

— Я не знаю, почему это происходит.

— Я тоже.

Вэл'Шан ответил так просто, что Лекс поднял голову.

В золотых глазах эльфа появилось почти нетерпеливое любопытство.

— Поэтому я и хочу разобраться. У меня есть устройства, которые не отвечают ни одному из наших мастеров. Некоторые столетиями лежат в хранилищах. Мы меняли накопители, восстанавливали оправы. Привозили из руин механизмы без единого скола. Ничего. А ты положил ладонь на разбитый пульт — и он заработал.

— Там ещё тягу...

— Я прочитал про тягу. Она не объясняет всё.

Магистр подошёл к краю лежанки. Сквозь его рукав мерцало пламя лампы.

— Если ты что-то видел, не пытайся повторить это один. Мне нужен живой человек, который сможет рассказать, что с ним происходит.

— А если я не хочу?

Вэл'Шан замер.

Кор-Дум положил ладонь на край лежанки. Лекс почувствовал, как рядом продавился тюфяк.

— Не хочешь повторять опыт — сейчас и не надо, — ответил магистр. — Я оставил мастеру другой предмет. Целый. Ничего ломать не придётся.

— А потом?

— Потом мы посмотрим на результат.

Лекс не отвёл глаз.

— Я могу совсем отказаться?

Пауза затянулась. В коридоре за спиной Кор-Дума скрипнула доска; кто-то остановился, не входя.

— Отказ ничего не меняет, — произнёс Вэл'Шан. — Я всё равно выясню, что с тобой происходит. С твоей помощью — быстрее.

Дворф шагнул между ним и лежанкой.

— Довольно. На сегодня довольно.

Магистр выпрямился. Теперь Лекс видел только его лицо над плечом Кор-Дума.

— Пять дней, мастер. Пусть восстановится и попробует в знакомой обстановке. Потом жду его у себя — вместе с записями и расколотым накопителем.

— Мы ещё не договорились, что он поедет к тебе жить.

— Об этом тебя известят отдельно.

Голос изменился: из него исчезло даже то подобие терпения, с которым магистр разговаривал с Лексом.

— До моего решения человек останется здесь. И не путай бумагу о покупке с правом мешать мне, мастер. Сыну своему передай: его объяснения я хочу услышать лично. И второго помощника, который прибежал после падения, тоже приведёшь.

Кор-Дум не ответил. Пламя лампы вытянулось в сторону двери, и фигура магистра побледнела. Ещё мгновение сквозь неё были видны и стол, и лежанка; потом воздух над полом дрогнул, и Вэл'Шан исчез.

Лекс продолжал смотреть туда, где только что стоял Вэл'Шан.

— Ушёл? — спросил он наконец.

Дворф обернулся.

— Ушёл.

Лекс попробовал отпустить одеяло. На этот раз пальцы разогнулись. Он медленно согнул их снова, проверяя, и вдруг его затрясло.

Кор-Дум присел рядом. Не трогал, только ждал, пока Лекс сможет заговорить.

— Я думал, опять снится.

— Нет.

В двери стоял Грым. Лекс увидел его и спрятал руки под одеяло.

— Слышал?

— Не всё. Я у лестницы стоял. Он мимо меня не проходил. И дверь не открывалась.

Кор-Дум повернулся к сыну:

— Принеси ещё одеяло. И Зураба позови.

Грым ушёл. Лекс смотрел на пустой промежуток между столом и стеной. Кор-Дум не уходил; из коридора уже доносились шаги кузнеца.

* * *

До рассвета Лекс так и не уснул.

Утром Кор-Дум пришёл сам. Дождался, пока лекарь закончит осмотр, и принёс стул из конторы. На стол поставил плоский футляр.

Зураб помог Лексу сесть, подложив свёрнутое одеяло под правую руку. Грым закрыл дверь. Айрин осталась у лежанки.

— Пусть будут, — сказал Лекс, прежде чем дворф успел заговорить. — Они вчера помогали. Им тоже надо знать.

Кор-Дум поставил стул так, чтобы не загораживать проход, и открыл футляр.

Внутри лежал диск из тёмного металла. По краю шли мелкие знаки; между ними едва светились короткие багровые чёрточки. Лекс узнал одну развилку — или решил, что узнал. Он отвёл взгляд, пока не начала болеть голова.

Дворф закрыл крышку.

— Ночью служитель привёз. Сначала это, потом из коридора явился магистр. Проекцию такую я раньше видел — в караванной конторе через неё с заказчиками говорили. Только там над столом стояла, а этот по дому ходит, будто хозяин.

— Он и сейчас может? — спросила Айрин.

Кор-Дум посмотрел на дверь.

— Не знаю. Поэтому надолго здесь не задержимся.

Он вынул из футляра записку, прочёл и протянул Айрин. Та пробежала глазами строчки.

— Положить ладонь на середину. Ничего не поворачивать. Если засветится центральный круг, сразу убрать руку и сообщить ему.

— А если не появится? — спросил Лекс.

— Всё равно доставить диск через пять дней.

Кор-Дум убрал записку в футляр и закрыл крышку.

— Грым, отнеси в контору. В верхний шкаф. Ключ сюда принеси.

Дворф подождал, пока сын вернётся, забрал ключ и убрал за пояс. Грым снова встал у косяка.

Лекс коснулся языком прикушенного места во рту.

— Значит, что бы я ни сделал, он всё равно заберёт меня.

— Если останешься здесь, — ответил Кор-Дум.

Грым выпрямился у косяка.

— Отец?

Кор-Дум наклонился к Лексу.

— Сегодня пробовать ничего не будем. Ты это понял, Лекс?

— Понял.

— Хорошо. А теперь слушайте. Надо готовить выход из города.

Некоторое время было слышно только, как работники перекачивают что-то тяжёлое по цеху. Зураб стоял за стулом Кор-Дума, положив руки на спинку. Айрин потёрла ладони о юбку.

— Когда? — спросила она.

— Постараюсь вывести с угольной подводой. Она за город ходит каждые несколько дней. Сегодня узнаю, когда пойдёт следующая. До ответа магистру ждать не станем.

Лекс повернулся к нему всем телом, берега плечо.

— А если выйти сегодня?

— Ты до ворот не дойдёшь. На подводе увезти можно, дальше что? Куда повезут, кто встретит, где ночевать будете? За стеной такие же дороги с дозорами.

Кор-Дум провёл ладонью по бороде.

— Поэтому и нужен человек, который знает дорогу. Угольщик из предгорий. Я с ним много лет работаю. Узнаю, когда следующая подвода и где он ночует за стеной.

Зураб переступил с ноги на ногу за спинкой стула.

— Я пойду с Лексом.

— Ты сначала дослушай.

— Я ночью слышал достаточно. Со мной можешь не договариваться.

Айрин села на край лежанки.

— Я тоже.

Лекс повернул к ней голову. Она пожала плечами.

— Не хочу опять ждать, кого приведут вместо тебя.

Кор-Дум повернулся к сыну.

— Ты их проводишь. И дальше пойдёшь с ними.

— А ты?

— Останусь. Когда начнут спрашивать, кто-то должен быть здесь.

Грым резко выпрямился.

— То есть нас выведешь, а сам будешь объяснять, куда мы делись?

— Кто-то должен выиграть вам время.

— Тогда уходи вместе с нами!

За дверью стихли шаги. Айрин подошла к ней и прислушалась. Кор-Дум опустил голос.

— Тише.

Лекс попробовал подняться, но плечо сразу напомнило о себе.

— Мы ещё даже не знаем, когда подвода. Сначала узнаем. Потом решим, кто и как выходит.

После паузы Кор-Дум принял порядок действий.

Грым поручили найти карту угольных дорог, Айрин — прошлую дорожную ведомость с остановками возниц. Зураб должен был осмотреть повозку. Сам Кор-Дум пошёл говорить с угольщиком.

Айрин задержалась у двери.

— А если Вэл'Шан найдёт нас и за стеной?

Кор-Дум посмотрел на запертый футляр.

— Не знаю. Но служитель сперва привёз диск, и только потом появилась эта проекция.

Диск остаётся здесь. Больше сказать нечего: сам пока ни черта не знаю.

После этого вопросов больше не было.

Остальные вышли. Кор-Дум задержался у лежанки.

— Почему ты это делаешь? — спросил Лекс.

Кор-Дум нахмурился.

— Что?

— Магистру мешаешь. Он ведь может и тебя забрать.

Дворф не сразу ответил.

— Вчера он приказал тебе лежать. Ты потом пальцами пошевелить не мог. Я стоял рядом и ждал, пока отпустит.

— Ты заступился.

— И он отошёл, когда сам захотел.

Кор-Дум поднял на него глаза.

— Я на бумагу о покупке рассчитывал. Думал, хоть сперва со мной договариваться придётся. Видел вчера, как он со мной договаривался?

Лекс смотрел на его пояс, где рядом с ключами висел кошелек. На рынке дворф заплатил за него и Айрин пятьдесят монет. Бумаги о покупке пока оставались у Кор-Дума, но магистр уже назначил день.

— Не хочу, чтобы тебя туда утащили, — сказал Кор-Дум. — И сына следом. Этого тебе достаточно?

— Этого достаточно.

— Спасибо, — сказал Лекс.

Кор-Дум дёрнул плечом.

— Пока не за что.

Он несколько секунд молчал, затем сунул пальцы за ворот и вытянул кожаный шнурок. На нём висел небольшой железный молот. Потемневшие края блестели там, где их часто трогали.

— Возьми.

Лекс не потянулся.

— Что это?

— Материн. Бригитта носила, потом мне отдала. Говорила, от дурного глаза бережёт. Руна слабая, за щит её не считай.

Он положил молот Лексу на ладонь. Металл был тёплым.

— Грыму отдай.

— Этот я тебе хочу дать. Возьми.

Лекс осторожно провёл большим пальцем по стёртой насечке. Шнурок лёг рядом с запястьем, на котором всё ещё был браслет.

— Грыма береги, если вместе уйдёте, — сказал Кор-Дум. — Он умеет многое. Только когда злится, дальше собственного носа не видит.

Лекс вспомнил их разговор над расколотым камнем.

— Вчера он меня остановить пытался.

— Знаю.

— Не обещаю мне ничего лишнего. Присматривай за ним. И слушай иногда.

— Буду.

Кор-Дум шагнул к двери, затем вернулся.

— Есть ещё бумаги отцовские. Наши мастера пытались сделать защиту от чужой магии. До конца не вышло. Я принесу. Посмотришь, когда лекарь разрешит. Вдруг поймёшь, на чём они остановились.

— Какую защиту?

— Гасить чужие чары рядом с собой. На испытании и собственные камни гасли. Только ненадолго хватало. Я тогда мал был, подробностей не знаю.

Лекс хотел задать ещё вопрос, но Кор-Дум уже покачал головой.

— По памяти врать не стану. Там записано.

Он вышел, плотно прикрыв дверь.

Свёрток Грым принёс после полудня. В промасленную ткань были завернуты несколько листов, потемневших на сгибах. На верхнем листе виднелась круглая оправа с пустым гнездом; рядом шли столбцы чисел и зачёркнутые строки. Лекс развернул его ровно настолько, чтобы не сломать пересохший край.

— Читать будешь? — спросил Грым.

— Ты прочтёшь. Я половины знаков не знаю.

Дворф сел рядом.

— Отец сказал, сегодня только убрать.

— Тогда уберём.

Лекс свернул листы. В тесной каморке пахло маслом, старой бумагой и отваром из кружки. Голова ныла, свет после полудня опять стал слишком ярким.

Грым взял свёрток, заметил молот на шнурке возле лежанки и остановился.

— Это откуда у тебя?

— Отец дал.

Дворф потянулся было к амулету, но убрал руку.

— Попросил за мной присматривать?

— Попросил.

Грым выдохнул сквозь нос.

— Ты лучше сначала за собой присмотри.

— Вчера ты уже за мной присмотрел.

Он ожидал сердитого ответа. Грым только поднял свёрток с бумагами и прижал к боку.

— Карту нашли. Айрин на складе ждёт. Дойдёшь?

Лекс сел, немного подождал, пока перестанет кружиться голова, и спустил ноги на пол.

— Дойду. Только медленно.

Грым подал ему рубаху. Вдвоём они справились с рукавом; амулет Лекс убрал в карман, а цепочку спрятал под ворот.

На складе Айрин уже освободила край стола. Зураб поставил возле него стул, придвинул к спинке свёрнутую попону. Кор-Дум говорил во дворе с возницей; отсюда доносились отдельные слова, но разобрать, о чём они говорят, не удавалось.

Грым положил отцовские бумаги в пустой ящик под столом и развернул карту.

— Вот через эти ворота возят уголь, — сказал он. — Дальше дорога расходится.

Айрин подвинула лампу и раскрыла ведомость. Лекс сел рядом с ней.

— Покажи сначала, где они останавливаются на первую ночь.

Глава 6. Первые враги

Месяц Лаэриэль, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

Айрин провела пальцем по нужной строке в ведомости.

— Первая остановка после западных ворот. Угольщики доходят до старой каменоломни и ночуют у навеса. Потом дорога расходится: одна ветка к шахтам, другая в предгорья.

Грым положил ладонь на карту.

— Вот развилка. Если уйти здесь, городской дозор уже не увидит. Дальше вдоль ручья есть старая тележная дорога.

— Ты по ней ходил? — спросил Зураб.

— До второго моста.

— А дальше?

— Дальше не ходил.

Зураб покрутил в пальцах короткий железный прут, который принёс с собой из цеха.

— Значит, дальше не знаешь.

— Карта знает.

— Карта по этой дороге не ходила.

Грым нахмурился.

— Сам-то ходил?

— Нет.

— Тогда чего ворчишь?

— Потому и ворчу.

— Хватит, — сказал Лекс.

Оба замолчали. Лекс потёр висок: после вчерашнего боль возвращалась быстрее, стоило долго смотреть на мелкие линии. Лекарь утром велел не вставать без нужды, но сидеть в каморке, пока остальные готовили побег, оказалось хуже любой боли. Айрин тем временем перевернула лист.

— Здесь ещё отметка. На выезде проверяют накладную и число повозок. Груз подробно смотрят только на обратном пути.

— Почему? — спросил Лекс.

— В город везут уголь. За него берут сбор. Пустая подвода сбор не платит.

Грым постучал пальцем по полям ведомости.

— Если возница знакомый, стража может вообще не полезть внутрь.

— Может, — отозвался Зураб. — А может и полезть.

Лекс перевёл взгляд на дверь. Из двора доносились голоса Кор-Дума и незнакомого мужчины. Разобрать слова не получалось. Дворф разговаривал с угольщиком уже почти час. Айрин закрыла ведомость, оставив палец между листами.

— А если он откажется?

Никто не ответил, а через мгновение за окном хлопнула дверь. Ещё через несколько секунд Кор-Дум вошёл на склад, снял рукавицы и бросил их на пустой край стола.

— Следующей ночью.

Грым выпрямился.

— Согласился?

— Согласился не заметить, что у него под пустыми мешками кто-то дышит. До старой каменоломни довезёт. Дальше разворачивается к северной шахте.

Кор-Дум наклонился над картой.

— Вот здесь вас высадит. До рассвета можно уйти от тракта.

— Нас, — тихо повторил Грым.

Отец поднял на него глаза.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я спрашиваю: ты всё ещё остаёшься?

— Пока да.

— После того, что было ночью?

— Именно после того, что было ночью. Когда магистр начнёт спрашивать, кто-то должен быть здесь.

Грым резко отодвинулся от стола.

— Отличный план. Мы уходим, а ты сидишь и ждёшь, пока он снова придёт через стену.

— Тише.

— Нет, отец, я...

— Грым, — сказал Кор-Дум тихо, почти не своим голосом.

В одном слове не было крика, но сын замолчал. Лекс посмотрел на Кор-Дума.

— Почему следующей ночью? Ты говорил, подвода ходит раз в несколько дней.

— Эта должна была идти послезавтра. Угольщик договорился выйти раньше. За деньги.

— Сколько?

— Не твоё дело.

— Значит, много.

— Значит, достаточно.

Кор-Дум указал на дорогу, отмеченную на карте.

— И ещё. Возле лавки угольщика меня сегодня дважды видел один и тот же человек.

Первый раз стоял у бочек, второй — у ворот. Ничего не купил.

На складе стало тише.

— Магистериум? — спросила Айрин.

— Не знаю.

— Вэл'Шан дал пять дней, — сказал Лекс.

— Вэл'Шан дал. Я не знаю, кто ещё знает о пяти днях.

Лекс вспомнил тёмный диск в футляре и фигуру магистра возле своей лежанки. Пять дней ещё не прошли. Но если кто-то следил за мастерской, ждать срока было глупо. Кор-Дум посмотрел на него.

— Поэтому сегодня из двора не выходишь. Вообще.

— Я и не собирался.

— Врёшь хуже Айрин.

Айрин подняла брови.

— Я хотя бы убедительнее.

Зураб хмыкнул. Даже Грым на секунду перестал хмуриться. Кор-Дум указал на ящик под столом.

— Бумаги отца там?

— Там, — ответил Грым.

— Доставай. Раз уж собрались бежать, посмотрим, можно ли унести с собой хоть что-то полезнее старых долговых расписок.

* * *

Потемневшие листы заняли почти половину стола. Айрин ушла собирать одежду и продукты, Зураб — проверять повозку и выбирать инструмент. Кор-Дум остался рядом, пока Грым разбирал дедовы записи.

Записи были обрывочными: медное внешнее кольцо, камень в центре, несколько вариантов серебряных дорожек и результаты опытов. При одном испытании погасли два накопителя, при другом треснул ближайший контрольный камень. Рабочая дальность выходила примерно в три метра.

Лекс провёл пальцем по внешнему кольцу схемы, сверяя его с записями опытов.

— Они хотели защиту от чужой магии.

— Хотели, — сказал Кор-Дум. — А получили штуку, которая гасила всё подряд. Свет, накопители, станки. Один мастер после опыта три дня пальцев не чувствовал.

— Для мастерской — провал. Для побега от мага может пригодиться.

— Если раньше нас не угробит, — буркнул Грым.

Лекс провёл взглядом по дорожкам. На Земле он бы начал с измерений, но здесь половины привычных величин просто не существовало. Зато были чужие записи и результаты неудачных опытов — за эти ошибки уже заплатили до него.

— Детали сохранились? — спросил он.

Кор-Дум помолчал, поднялся и вышел.

Грым проводил отца взглядом, затем ткнул пальцем в схему.

— Ты опять сначала всё целиком смотришь.

— Потому что ваши детали знаю хуже тебя. Ты видишь металл и посадку, я пытаюсь понять, что с чем связано.

— Покажешь потом, как ищешь эти связи?

— А ты объяснишь дедовы пометки. Идёт?

— Идёт.

Кор-Дум вернулся вместе с Бруном. Старый дворф нёс деревянный ящик обеими руками.

— Если оно нас всех убьёт, — сообщил Брун с порога, — я предупреждал.

— Ты сказал: «может рвануть», — напомнил Кор-Дум.

— А это, по-твоему, не предупреждение?

В ящике лежала почерневшая медная оправа и отдельно завернутый в войлок чёрный кристалл. Лекс к нему не потянулся.

Брун заметил и хмыкнул.

— Хоть чему-то научился.

— Я быстро учусь, когда после урока кровь из носа идёт.

Они не собирали устройство с нуля. Грым сверял размеры и старые записи, Брун подбирал сплав и не давал Лексу снимать лишний металл, а сам Лекс пытался понять, какие решения Бор-Дума были ошибкой, а какие просто не подходили для нынешней задачи.

Первый запуск длился четыре секунды. Чёрный кристалл загудел, контрольный накопитель погас, следом моргнула лампа, а Лекс почувствовал в ушах странную пустоту, будто из комнаты исчез постоянный едва слышный шум.

— Размыкай, — сказал Брун.

Грым разомкнул цепь. На серебряной дорожке уже проступило тёмное пятно.

— Работает, — выдохнул Кор-Дум.

— Пока знаем только, что оно гасит один камень на несколько шагов и быстро греется, — сказал Лекс.

Грым усмехнулся.

— Назвать надо.

— Зачем?

— Чтобы не говорить каждый раз «дедова штука, которая гасит камни».

Лекс посмотрел на почерневшую пластину.

— Глушитель.

— Глушитель, — повторил Грым. — Нормально.

— Не привыкай, — сказал Кор-Дум. — Может, завтра взорвётся.

* * *

До вечера они сделали ещё несколько коротких запусков. Грым предложил более толстую серебряную перемычку, Брун сменил подкладку под кристаллом, и к последнему опыту контрольный камень гас уже в пяти шагах, а пластина грелась заметно медленнее. На этом Кор-Дум работу прекратил.

— Всё. До утра.

— Ещё один замер.

— Нет. Мне живой беглец нужен. Умный труп рядом с красивой схемой мне пользы не принесёт.

Лекс подвинул схему к Грымму.

— Поддержишь?

— Нет.

— Предатель.

— Я жить хочу.

У малого горна Зураб вместе с подмастерьем Бруна правил короткое лезвие. Рядом лежали два старых топора без рукоятей, три рабочих ножа и кусок рессоры.

— Списанное, — объяснил он. — Кор-Дум разрешил. Топоры насажу, ножи поправлю. Лекс взял один из ножей.

— Им хоть драться можно?

— Ножом можно резать. Драться лучше не надо.

— Полезный совет.

— Бесплатный.

У стены стояла низкая каменная чаша с травильной кислотой. Чуть дальше висела цепная таль с тяжёлыми заготовками. Лекс задержал на них взгляд и поймал себя на неприятной мысли: ещё неделю назад он видел здесь только инструменты и механизмы, а теперь невольно отмечал, чем можно перегородить проход или остановить человека.

* * *

Айрин пришла в его каморку поздно вечером и принесла не еду, а два свёртка и ведомость.

— Вот это наше, — сказала она, положив первый свёрток на лавку. — Хлеб, сушёное мясо, крупа. Немного. Если взять больше, на складе заметят.

— А второй?

— Иглы, нитки, две чистые рубахи, бинты, мыло. И твоя старая футболка.

Лекс удивлённо поднял брови.

— Зачем футболка?

— Ты всё равно её искал.

— Она уже ни на что не похожа.

— Поэтому места почти не занимает.

Лекс спорить не стал, и Айрин села на табурет.

— В ведомости нашла ещё кое-что. Западные ворота ночью проверяет одна и та же смена. Угольщика знают. На выезде обычно считают повозки и проверяют печать.

— Обычно.

— Да.

— Мне это слово здесь всё меньше нравится.

— Мне тоже.

Айрин провела ладонью по краю ведомости, прежде чем спросить:

— Страшно?

Лекс не стал прятаться за шуткой.

— Да.

Айрин будто ждала другого ответа, но через секунду всё же кивнула.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Что не врёшь.

Она провела ладонью по краю ведомости.

— Я опять всё оставляю. Ингрию. Людей из обоза. Потом рынок. Теперь это место.

— Здесь ты была рабыней.

— Была. Но здесь я хотя бы знала, где проснусь утром.

Лекс ничего не ответил.

— Не жалею, — добавила Айрин. — Просто... если дальше станет хуже, не решай за меня, что мне лучше остаться где-нибудь в безопасном месте.

— Где ты здесь видела безопасное место?

Она чуть улыбнулась.

— Значит, договорились.

— Договорились.

Айрин поднялась и уже у двери обернулась.

— Грым весь вечер твердит про глушитель.

— Это не мой глушитель.

— Он говорит — твой.

— Его дед начал эту работу.

— Тогда скажи ему.

— Скажу.

— И ещё. Он сегодня спросил у меня, как пишется слово «система».

Лекс поднял брови.

— Зачем?

— Не сказал.

Она ушла. Лекс лёг, но уснул не сразу. Где-то за стеной ещё работал малый молот. Удары шли редко, с большими паузами. В кармане рубахи лежал железный молот Бригитты. На столе — тёмная цепочка, появившаяся ещё в рабской повозке; Лекс снял её только потому, что металл опять начал натирать кожу.

Рядом лежали две вещи, смысла которых он до конца не понимал. Против Вэл'Шана сейчас не помогла бы ни одна. И всё равно он положил их рядом.

* * *

Утром глушитель продержался двадцать семь секунд. К этому времени рабочий радиус вырос примерно до пяти метров, но серебряная дорожка всё равно начала темнеть, и Грым разомкнул цепь.

Проверяя контрольную рамку, он заметил, что один из малых кристаллов стоит криво. При такой установке измеритель не показывал провала: стрелка дрожала возле обычной отметки, хотя контрольный камень рядом заметно слабел.

— Поставь обратно, — сказал Лекс.

— Криво?

— Именно.

Грым посмотрел на него как на больного, но подчинился. Результат повторился.

— Если глушитель оставляет пустое место в фоне, нас по нему и найдут, — сказал Лекс.

— А эта ошибка заставляет прибор врать.

— Маскировка?

— Если получится.

На первый, ещё грубый вариант маскировщика ушла половина дня. Они использовали несколько малых кристаллов, медную пластину и серебряную жилу от старой измерительной рамки. Грым ловил пальцами слабую вибрацию корпуса, Лекс менял соединения. В итоге дальний прибор начинал путаться, но никто не знал, сработает ли это против настоящего магического досмотра.

— Для ворот может хватить, — сказала Айрин, принёсшая дорожные бумаги.

— Если там такой же прибор, — заметил Зураб.

— А если другой?

— Тогда узнаем слишком поздно.

Зураб положил на стол три ножа.

— Берите по одному.

Грым даже не посмотрел.

— У меня молот.

Айрин взяла самый короткий нож. На вопрос Лекса, умеет ли она им пользоваться, ответила встречным: умеет ли он сам. Возразить оказалось нечего.

Третье устройство появилось почти случайно. Кор-Дум запретил Лексу снова касаться старых панелей голой рукой, и Грым принёс списанный измерительный щуп. В рукоять добавили маленький пустой накопитель и вывели к нему серебряную жилу.

— Отмычка, — решил Грым.

— Почему?

— Ты ею всё равно в чужие замки полезешь.

На списанной коробке щуп один раз дал отклик: перед глазами Лекса на мгновение проступили две голубые линии, а боль в виске оказалась слабее, чем при прямом касании.

— Значит, работает, — сказал Грым.

— Значит, один раз что-то произошло. Не путай.

Когда остальные разошлись, Грым задержался у стола и слишком долго возился с ремешком молота.

— Отец правда останется? — спросил он наконец.

— Похоже на то.

— Дурак.

Последнее слово прозвучало тише обычного.

— Боишься за него?

Грым затянул ремешок на запястье сильнее, чем требовалось.

— Да.

* * *

Человек напротив мастерской попался на глаза после обеда, когда Лекс вышел к воротам. На вид в нём не было ничего особенного: серый плащ, тёмные волосы, бумажный кулёк в руке. Только смотрел незнакомец не на торговые ряды, а на окна мастерской и время от времени переводил взгляд на задний переулочек.

Через час он всё ещё был там. Лекс позвал Кор-Дума, но стоило дворфу показаться в воротах, как человек в сером сразу свернул кулёк и пошёл прочь. Не ускорился, не оглянулся — просто исчез в ближайшем переулочке раньше, чем они успели перейти улицу.

— Видел? — спросил Лекс.

— Видел.

Кор-Дум некоторое время смотрел на пустой угол.

— Сегодня больше наружу не выходишь.

— Я это уже слышал.

— Значит, запомнишь.

— Если за мастерской следят, уголыщика тоже могут увидеть.

— Поэтому грузить будем со двора. Если что-то пойдёт не так — уходите через задний склад.

— А ты?

Кор-Дум упёр ладонь в край стола.

— Я сказал: если что-то пойдёт не так, уходите.

* * *

Первый удар по воротам раздался после полуночи, и Лекс проснулся сразу — не столько от грохота, сколько от наступившей после него тишины. Обычно ночью кто-нибудь ходил по коридору, скрипела дверь во двор, в котельной звякало железо, а сейчас мастерская будто вымерла. Когда удар повторился, где-то внизу коротко лязгнула цепь.

Лекс сел, переждал боль в правом плече и посмотрел на стол, где лежали нож Зураба, отмычка и свёрнутый в ткань маскировщик. Глушитель после последней проверки унёс Грым — хотел заменить крепёж перед дорогой. Лекс взял нож и вышел в коридор, где почти сразу появилась Айрин.

— Слышал?

— Да. Где Грым?

— На складе. Они с Зурабом переносили мешки к задней двери.

Снизу донёсся голос Кор-Дума:

— Кто там?

Ответили не сразу.

— Магистериум. Открывай, мастер.

Айрин побледнела, а Лекс уже начал спускаться.

— Стой, — прошептала она.

— Если это правда Магистериум, прятаться уже поздно.

— А если нет?

Снизу Кор-Дум сказал:

— Печать покажи.

— Открой — увидишь.

— Через щель.

За воротами кто-то тихо рассмеялся, а затем другой, более грубый голос бросил:

— Нам человек нужен. Отдай — и разойдёмся.

Лекс остановился на лестнице: говорил явно не тот служитель, которого Вэл'Шан прислал с диском.

— Магистр дал срок, — сказал Кор-Дум.

— Срок был, пока твой человек сидел смирно. Сегодня ты договаривался с угольщиком.

Лекс почувствовал, как холодеют пальцы: за мастерской действительно следили, и Кор-Дум, судя по его молчанию, понял это одновременно с ним.

— Имя.

— Тебе зачем?

— От Магистериума без имени и печати не приходят.

Несколько секунд было тихо.

— Отдавай раба, мастер.

— Нет.

Следующий удар пришёлся в замок. Айрин схватила Лекса за здоровую руку.

— Назад.

— Иди к заднему складу. Найди Грыма и Зураба. Если Кор-Дум скажет уходить — не жди меня.

— Нет.

— Айрин.

— Не решай за меня. Вчера договорились.

Внизу снова грохнуло, и Лекс выругался.

— Тогда найди остальных и вернись. Не лезь вперёд.

— И ты.

Айрин исчезла в коридоре, а Лекс спустился в цех. Кор-Дум стоял посреди прохода с молотом в руках; чуть сбоку, в одной рубашке, но уже с коротким кузнечным молотом, стоял Брун, а ещё двое работников выглядывали из-за перегородки.

— Уходите в жилую часть, — приказал Кор-Дум. — Заприте дверь.

— А ты?

— Я сказал — идите.

Третий удар вырвал из створки кусок дерева.

— Лекс, — не оборачиваясь, сказал Кор-Дум. — Назад.

— Грым на складе.

— Знаю.

— Глушитель у него.

Кор-Дум коротко посмотрел через плечо, и тут ворота дрогнули снова. Замок сорвало, одна створка распахнулась внутрь, пропуская пятерых людей; шестой остался снаружи и поглядывал на улицу. У одного был арбалет, двое держали дубины и короткие клинки, ещё один — жезл с тусклым голубым камнем.

Последним вошёл мужчина в длинной тёмной куртке; на его ворота блестела серебряная пластина — не печать Магистериума, а знак наёмничьего отряда, похожий на те, что Лекс видел у охраны богатого торговца на рынке. У ног человека с жезлом скользнули две низкие тени, и сперва Лекс принял их за собак, пока одна не подняла голову.

Пол просвечивал сквозь её бок. По полупрозрачной шкуре бежали голубоватые полосы. На шее тускло светился металлический ошейник. Зураб появился у бокового прохода и замер.

— Эфирные волки, — тихо сказал он.

Главарь оглядел цех.

— Давай без лишней крови, мастер. Нам нужен только человек. Отдай его — мы уйдём. За раба вернём всё, что ты заплатил, и ещё столько же сверху.

Кор-Дум не опустил молот.

— Не продаётся.

— Все продаются.

— Не здесь.

Главарь вздохнул, будто Кор-Дум утомлял его торгом.

— Тогда хотя бы не делай вид, что тебе нужна бумага. Утром получишь всё, что положено.

— Чью бумагу?

— Магистериума.

— Покажи сейчас.

Главарь перестал улыбаться.

— Не усложняй.

Один из его людей уже смотрел не на Кор-Дума, а на стеллажи с инструментом.

— Добра-то здесь...

— Тронешь хоть гвоздь — останешься без доли, — резко сказал главарь.

Тот скривился. Молодой парень с дубиной у двери явно старался не смотреть на эфирных волков, а человек с жезлом держался рядом с ними уверенно. Это были не солдаты — людей собрали ради одного заказа, и каждый пришёл сюда по своей причине.

— Кто вас нанял? — спросил Кор-Дум.

— Тебе какая разница?

— Большая.

— Заказ пришёл из Магистериума. Этого достаточно.

— Нет.

Главарь помолчал, затем кивнул в сторону бокового прохода.

— Дверь починишь. А сыну может не повезти.

Кор-Дум едва заметно напрягся. Лекс это увидел, и главарь тоже.

— Хороший мальчик у тебя, говорят. Всё с механизмами возится. Жалко будет, если...

Со стороны заднего склада раздался удар. Металл звякнул о камень.

— Отец! — донёсся голос Грыма.

Кор-Дум повернулся.

— Грым!

— Стой! — крикнул Лекс.

Но было уже поздно: дворф бросился в боковой проход.

Главарь мгновенно махнул рукой.

— Берите человека!

Двое рванули к Лексу, но Зураб первым оказался между ними. Он не стал размахивать тесаком: коротко отбил руку одного, шагнул внутрь и ударил рукоятью в лицо. Пока наёмник отшатывался, второй обошёл справа, заставив Лекса отступить к верстаку.

Нож за поясом внезапно стал бессмысленным куском железа. Лекс знал, где рукоять, но не представлял, что делать после того, как вытащит клинок.

— Живым! — крикнул главарь.

Наёмник справа на мгновение замедлился, и этого хватило: Лекс схватил со стойки длинный гаечный ключ и ударил его по запястью. Ключ звякнул о металлическую накладку, от отдачи рука онемела до локтя, а противник, выругавшись, уже замахивался дубиной, когда слева раздалось рычание и прыгнул эфирный волк.

Зураб толкнул Лекса в плечо, и они оба рухнули за верстак; когти волка прошли по самому краю доски, оставив четыре светящихся полосы.

— Глушитель! — заорал Лекс.

— У меня! — ответил Грым из бокового прохода.

Следом раздался рёв Кор-Дума. Выглянув из-за верстака, Лекс увидел Грыма возле склада, прижавшегося спиной к стене, и наёмника, который успел пробраться к заднему складу. Кор-Дум врезался в него сбоку молотом и отбросил к мешкам; на поясе Грыма всё ещё висел медный диск.

— Кидай сюда!

Грым сорвал устройство, но бросок вышел слишком низким: диск ударился о пол и заскользил под верстак.

— Чтоб тебя!

Лекс нырнул за диском как раз в тот момент, когда дубина ударила по доскам сверху и щепки посыпались ему на голову. Пальцы нащупали край медной пластины; волк уже обходил верстак, поэтому Лекс сразу замкнул контакт. Кристаллические лампы в ближней части цеха погасли, в ушах возникла знакомая пустота, а эфирный волк словно споткнулся на ровном месте.

Его тело задрожало, полосы под шкурой вспыхнули и погасли. Второй зверь завыл у прохода.

— Сейчас! — крикнул Лекс.

Грым ударил первым. Молот прошёл сквозь мерцающий бок глубже, чем должен был. Волк отлетел к стене, но поднялся, и Кор-Дум врезал по нему вторым ударом. Рядом другой зверь кинулся на человека с дубиной. Тот закричал и отмахнулся, не понимая, почему тварь вдруг перестала различать своих и чужих.

Человек с жезлом резко провёл большим пальцем по кристаллу, и ошейники обоих волков вспыхнули. Глушитель в руках Лекса быстро нагревался: прошло уже около двадцати секунд, а утром он выдержал только двадцать семь. Надо было размыкать цепь, но волк, кинувшийся на человека с дубиной, уже снова разворачивался к Грыму, и тут перед глазами Лекса сама собой появилась знакомая рябь. На мгновение мир словно стал тоньше.

Сквозь дым, людей и мерцающее тело волка проступили голубые линии: одна шла от ошейника к груди зверя, другая тонкой нитью тянулась к жезлу в руке наёмника. У нижней пластины свет пульсировал сильнее. Лекс почти назвал это слабым местом, но тут же одёрнул себя: он видел всего лишь соединение, и в ту же секунду голову прострелило болью.

— Ошейник! — выкрикнул Лекс. — Грым, снизу!

Грым не стал спрашивать и сразу ударил молотом по металлической пластине. Ошейник треснул, волк выгнулся, будто его дёрнули за невидимую цепь, и рассыпался серым светом. Лекс разомкнул глушитель; лампы начали загораться одна за другой, а раскалившийся диск едва не выпал из пальцев. Человек с жезлом ошеломлённо смотрел на пустое место перед собой.

— Что ты сделал?..

Кор-Дум ударил его по руке так, что жезл отлетел в сторону, а наёмник с криком согнулся.

Главарь вскинул арбалет.

— Хватит! Стреляй по кузнецу!

Лекс сразу увидел, куда направлен арбалет: не в него, а в Зураба.

— Ложись!

Арбалет щёлкнул, но Зураб успел дёрнуться, и болт лишь чиркнул по рукаву, после чего вонзился в стойку.

Главарь отбросил арбалет и выхватил нож.

Ещё двое наёмников теснили Зураба к малому горну. Лекс посмотрел вверх. Над проходом висела на цепной тали тяжёлая зубчатая заготовка, которую вечером не успели убрать на нижний стеллаж. Цепь шла к ручной лебёдке. Стопор был знакомый — такой же, как на подъёмнике у погрузчика.

Один из людей как раз шагнул под груз, и исход стал очевиден ещё до того, как Лекс схватился за рычаг. В голове мелькнуло запоздалое «не надо», но рука уже выбила стопор. Цепь рванулась, зубчатая заготовка рухнула с таким грохотом, что удар отдался в груди; наёмник не успел даже закричать. Лекс замер, всё ещё держась за рычаг.

Железо легло поперёк груди и живота. Под тяжёлым зубчатым краем что-то хрустнуло — не металл и не доска, слишком глухо и влажно. Из-под заготовки сразу растеклась тёмная кровь, смешиваясь с маслом в пазах пола; одна нога наёмника ещё несколько раз дёрнулась, сапог скребнул по камню и замер. Лекс увидел это краем зрения и всё равно понял, что именно сделал.

На миг мастерская исчезла: белый свет лаборатории, вой сирены, крик Романа — «Лёха, отключай!» Кто-то дёрнул Лекса назад, и нож прошёл перед лицом.

— Очнись! — рявкнул Зураб.

Главарь был уже рядом.

Лекс успел поднять ключ, и первый удар ножа пришёлся по металлу, вывернув кисть. Второй он пропустил: лезвие распорол рубаху у ребра, но не зацепило кожу. Зураб врезался в главаря сбоку, и оба налетели на верстак; один из наёмников бросился помогать командиру, но наступил в каменную чашу, сдвинутую со стола во время драки.

Чаша перевернулась, и травильная кислота растеклась по полу. Наёмник поскользнулся, упал на колено и заорал, когда жидкость попала на ладонь, а второй резко отшатнулся от него.

Сначала потемнела кожа перчатки, затем материал сморщился и пошёл пузырями. Мужчина инстинктивно попытался стереть жидкость о куртку и только размазал её выше по запястью; запахло резкой химической гарью и обожжённой кожей. Он захлебнулся собственным криком, прижимая руку к груди, но Зураб не бросился добивать его — вокруг ещё шёл бой.

— Не наступай! — крикнул Зураб.

Главарь ударил его локтем и вырвался.

Лекс отступил к горну, возле которого на стойке висела лампа, а ниже стоял небольшой кувшин с маслом.

Главарь шёл прямо на него.

— Тебя велели взять живым, — процедил он. — Про целые ноги никто ничего не говорил.

Лекс схватил кувшин.

Главарь усмехнулся.

— И что ты...

Лекс плеснул масло ему в грудь. Тот остановился. На секунду оба поняли, что произошло. Главарь посмотрел на горн, потом перевёл взгляд на Лекса.

— Не смей.

Лекс ещё мог отступить, дожидаться Зураба или снова попытаться ударить ключом, но вместо этого схватил с края горна горящую паклю и бросил. Огонь вспыхнул сразу.

Главарь закричал.

Хуже всего был крик. Главарь заметался, пытаясь сбить пламя ладонями, врезался в стол, опрокинул инструменты и рухнул на колени, а Лекс так и остался стоять на месте, не в силах двинуться. Зураб подбежал, сорвал с крюка плотное брезентовое полотно и набросил сверху; крик стих не сразу.

Запах пришёл почти одновременно с дымом — сперва палёные волосы и кожа, затем тяжёлый сладковатый дух горелого мяса. Под брезентом человек ещё бился, и каждый толчок сдвигал по камню рассыпанные клещи. Лекс потом будет помнить не огонь, а именно этот запах: его невозможно было спутать ни с горном, ни с маслом, ни с обгоревшим деревом.

Только когда полотно перестало шевелиться, до него дошло, что горящая пакля всё ещё зажата в голой ладони. Он отбросил её, и лишь тогда пришла боль.

— Лекс!

У бокового прохода стояла Айрин с длинным складским крюком в руках, а за ней — Брун и ещё двое мастеров. Оставшийся на ногах наёмник увидел их, перевёл взгляд на тела и открытые ворота, после чего бросился бежать.

— Стой! — крикнул человек с жезлом.

Тот даже не обернулся. Шестой, дежуривший снаружи, исчез вместе с ним. Кор-Дум сделал шаг к воротам.

— Пусть.

— Они приведут других, — сказал Зураб.

— Знаю.

У стены стонал человек, попавший в кислоту, прижимая к груди повреждённую кисть. Человек с жезлом сидел на полу, зажав сломанную руку. Кор-Дум посмотрел на них.

В цеху уже невозможно было сделать вид, что это всё ещё просто мастерская. Кровь затекла в щели между плитами и смешалась с угольной пылью; кислота тихо шипела там, где добралась до металлической стружки, а возле погасшего горна лежал брезент, под которым угадывались человеческие очертания. Брун шагал между верстаками осторожно, чтобы не поскользнуться, и молча отодвигал ногой инструменты от луж.

— Этого связать. Остальных к лекарю, если дышат.

Брун кивнул работникам, а Лекс опустил глаза и заметил торчащую из-под зубчатой заготовки руку. Он отвернулся, успел сделать всего два шага, прежде чем ноги стали ватными и пол неожиданно оказался слишком близко.

* * *

— На меня смотри.

Голос Айрин постепенно пробился сквозь гул, и Лекс открыл глаза. Он лежал на своей койке; за окном ещё было темно, хотя край неба уже начинал сереть. На рукаве Айрин засохла кровь, но рукой она двигала свободно.

— Сколько я пролежал?

— Часа два. Может, три.

Лекс попытался сесть.

— Не надо.

— Надо уходить.

— Уйдём.

— Грым?

— Жив. Волк задел бок, Брун зашил. Зурабу болт распорол плечо. Кор-Дум цел.

Лекс закрыл глаза и сразу увидел человека под зубчатой заготовкой, а следом — огонь. Он резко открыл их снова. На этот раз он успел. Хуже всего было именно это.

— Я его поджёт.

Айрин не стала спорить и не пыталась его успокоить.

— Я видел масло. Знал, что будет.

— Знаю.

— Я мог...

— Потом будешь думать, что мог сделать иначе. Сейчас надо уйти отсюда живым.

На правой руке Лекса были перевязаны два обожжённых пальца.

— Сколько погибло?

— Трое. Двое убежали. Человек с жезлом жив.

— Значит, вернутся.

— Да.

В дверь постучали. Кор-Дум вошёл без молота, с засохшей кровью на рубахе.

— Что сказал пленный? — спросил Лекс.

— Заказ передал посредник. Назвался человеком Магистериума. За тебя платили вдвое больше, если возьмут живым. Самого Вэл'Шана пленный не видел.

Кор-Дум выслушал до конца, не перебивая.

— Ещё сказал, что за мастерской следили с утра. Наблюдатель сообщил про угольщика и западные ворота.

— А кто был посредником?

— Не сказал. До этого отвечал быстро, а тут замолчал. Похоже, чего-то он всё-таки недоговаривает.

Лекс вспомнил серый плащ напротив лавки.

— Значит, это был их человек.

— Похоже.

— Ты остаёшься?

Кор-Дум покачал головой.

— Нет. Бруну я всё передал. Угольщик уже идёт к заднему двору. Уходим сейчас.

— Грым знает?

— Уже успел сказать, что мне с самого начала надо было идти с вами.

— А ты?

— Что после швов он слишком разговорчив.

Лекс невольно усмехнулся.

— Ты бросил проход и побежал к нему.

— Да. И не напоминай, я сам знаю.

Кор-Дум поднялся.

— Тогда я был не хозяином мастерской. Отцом. Проход бросил сам — мне за это и отвечать. Потому и иду.

Он задержался у двери.

— И ещё. Если выберемся, не просто присматривай за Грымом. Учи его тому, что знаешь. Только под себя не переделывай.

— Он спорит со мной чаще, чем с тобой.

— Значит, слушает.

— Ты у него спросил?

Кор-Дум хмыкнул.

— Нет. Вот сам и спроси.

* * *

На сборы ушло меньше получаса. Айрин принесла приготовленные свёртки, Зураб забрал инструменты и два топора, а из трёх ножей один отдал Лексу, второй — Айрин, третий оставил себе вместе с коротким тесаком.

Грым пришёл последним. Под рубахой на боку была тугая повязка, из-за которой он двигался осторожнее обычного. В одной руке держал карту, в другой — промасленный свёрток с бумагами Бор-Дума. Глушитель висел у Кор-Дума на поясе.

— Отдай, — сказал Грым.

— Нет.

— Я его нести могу.

— Можешь. Не будешь.

— Отец...

— Карта легче.

Грым перевёл вопрос на Лекса:

— Не смотри на меня. Я сегодня уже один раз поддержал плохую идею.

— Предатель.

— Это я тоже сегодня слышал.

Маскировщик Лекс завернул в ткань и убрал во внутренний карман. Корпус после вчерашних опытов потемнел у одного края. Отмычка легла рядом. Футляр с тёмным диском Вэл'Шана он оставил в мастерской: магистр и без того знал, где их искать, а они не понимали, что делает артефакт и способен ли он указать, куда его унесли. Перед выходом Лекс задержался в каморке. На столе стояла кружка с засохшим следом отвара. На гвозде висела старая футболка с Земли, которую Айрин зачем-то выстирала и сложила.

Лекс взял футболку, потом прихватил лист, на котором учился писать, — места он почти не занимал. Цепочку он спрятал под ворот, железный молот Бригитты оставил в кармане и вышел. Кор-Дум уже стоял возле задней двери, а рядом его ждал Брун со связкой ключей в руках.

— Если вернёшься, — сказал он Кор-Думу, — дверь найдёшь там же.

— Если мастерскую не отберут.

— Тогда найдёшь того, кто отобрал.

Они несколько секунд молча смотрели друг на друга; никаких объятий не было. Кор-Дум просто протянул руку, и Брун пожал её обеими ладонями.

— За железом я присмотрю, — сказал старик. — Ты людей уводи.

Кор-Дум сжал старика за плечо.

— Береги их.

— Иди уже.

Во дворе ждала длинная низкая подвода. На настиле лежали пустые угольные мешки, связки веревок и два ящика с инструментом. Возница нервно постукивал пальцами по козлам.

— Я соглашался на четверых, — сказал он, увидев Кор-Дума.

— Теперь пятеро.

— А если я скажу нет?

— Скажешь.

Кор-Дум достал из кошелья две монеты. Возница посмотрел на них.

— Я ненавижу тебя.

— Знаю.

— Под досками места на четверых.

Зураб уже осматривал задний борт.

— Если снять поперечину, пятеро лягут. Только тесно.

— Снимай, — сказал Кор-Дум.

Возница застонал.

— Нет, конечно. Ломайте мою повозку тоже. Сегодня отличный день.

— Вернём, — сказал Зураб.

— Все так говорят.

Через несколько минут под настилом образовалась узкая полость. Первой забралась Айрин, за ней Лекс; Грым лёг у борта, прижимая карту к груди, Кор-Дум устроился рядом, а Зураб втиснулся последним и вернул поперечину на место. Сверху уложили пустые мешки, и вокруг стало темно.

— Если кто-то чихнёт, — прошептал Грым, — я убью.

— Ты лежишь рядом с отцом, — ответил Лекс.

— Тогда сначала его.

— Слышу, — сказал Кор-Дум.

— Я знаю.

Повозка тронулась, и каждый стык мостовой отдавался Лексу в плече. Воздуха под настилом было мало; пахло угольной пылью, старым деревом и потом, а снаружи город без привычной картинки складывался только из звуков — шагов, колёс, криков торговцев и далёкого колокола. Через некоторое время повозка остановилась.

— Бумаги, — сказал незнакомый голос.

Лекс почти перестал дышать: они добрались до западных ворот. Возница что-то ответил стражнику, и снаружи зашелестела бумага.

— Рано сегодня.

— Очередь на погрузке поменяли.

— Что везёшь?

— Мешки, инструмент. Назад уголь.

— Борт открой.

Рядом Грым едва заметно повернул голову, а Лекс нащупал маскировщик. Проверять устройство во время настоящего досмотра они не собирались, но другой возможности уже не было, поэтому он замкнул контакт. Корпус в ладони едва слышно загудел; снаружи подняли борт и кто-то стукнул по ящику.

— Инструмент?

— А что ещё?

— Мешки пустые?

— Хочешь — пересчитай.

— Очень надо.

Шаги двинулись вдоль повозки и остановились прямо рядом с головой Лекса. Затем коротко звякнул кристалл — тот самый стеклянно-металлический звук, который он слышал у измерительных приборов Магистериума. Значит, действительно проверяют эфирный фон. Маскировщик начал нагреваться, и Лекс сжал зубы.

— Что-то фон гуляет, — сказал стражник.

Второй голос отозвался лениво:

— Угольные мешки. В них пыль фонит после шахты.

— Пустые же.

— Всё равно. Дай сюда.

Кристалл звякнул ещё раз. Грым рядом будто перестал дышать, Айрин нащупала ладонь Лекса и сжала два пальца, а корпус маскировщика становился всё горячее.

— Странно, — повторил первый.

Лекс уже собирался разомкнуть контакт. Если серебряная жила перегорит прямо сейчас, прибор наверняка покажет скачок. Со стороны ворот кто-то закричал:

— Посыльный из Магистериума! Начальника смены сюда!

Шаги возле повозки замерли.

— Чего ещё?

— Розыск принесли!

Лекс почувствовал, как Айрин сильнее сжала его руку. Стражник выругался.

— Ладно, езжай. Обратно поедешь — досмотрим полностью.

Возница щёлкнул языком, и повозка дёрнулась с места. Лекс сразу разомкнул маскировщик; металл обжёг ладонь даже через ткань. Никто не говорил, пока колёса продолжали стучать по мостовой, сначала ровной, затем всё более грубой, а городской гул постепенно стихал за спиной. Лишь через несколько минут Грым прошептал:

— За стеной.

Кор-Дум ответил:

— Пока только за стеной.

* * *

Возница выпустил их из тайника уже за первым дорожным столбом.

— Дальше опять прячьтесь, — сказал он. — До каменоломни иногда ещё два дозора стоят.

— Бывают? — переспросил Лекс.

— Когда как.

— Ненавижу это слово.

— Привыкай.

До каменоломни они ехали под мешками ещё несколько часов. Один раз повозка остановилась, но проверять её никто не стал. Второй раз мимо прошёл конный разъезд — Лекс слышал звон сбруи и чужие голоса совсем рядом. Высадились они после полудня, не доезжая до навеса. Возница указал на низкую полосу кустарника.

— Там овраг. Идёт почти параллельно дороге. Если хотите исчезнуть — уходите сейчас. У каменоломни людей много.

Кор-Дум протянул ему остаток платы, однако возница взял деньги не сразу.

— Если спросят, я вас не видел.

— Не видел.

— А если поймают меня?

— Скажешь, что Кор-Дум заставил.

— Это хотя бы правда.

Возница забрал монету. Грым спрыгнул с повозки и тут же поморщился, прижав ладонь к боку. Кор-Дум молча снял с себя часть груза и перекинул через плечо, Зураб взял второй мешок, а Айрин осталась с ведомостью и небольшим свёртком еды.

Лекс поправил ремень сумки, где лежали отмычка, маскировщик и несколько листов с переписанными заметками; глушитель нёс Кор-Дум. Повозка уехала, скрип колёс постепенно стих, и пятеро остались возле дороги. Стального Шпиля отсюда уже не было видно — лишь далеко за холмами серело небо над городом, и Лекс смотрел туда дольше, чем собирался.

Там остались Брун, мастерская, поля, Марфа, Гринька, Корней — и трое людей, которые ночью пришли за Лексом и не вышли обратно. Он отвернулся.

— Куда теперь? — спросил Зураб.

Грым развернул карту. Ветер едва не вырвал лист из рук.

— Если идти по оврагу, к вечеру выйдем вот сюда. Дальше две дороги.

— И какую выбираем? — спросила Айрин.

Кор-Дум оценил открытую дорогу и редкий кустарник по обе стороны.

— Никакую, пока стоим посреди дороги.

Он указал на кустарник.

— Сначала с дороги уйдём. Потом разведём огонь, если можно будет, и решим.

Грым сложил карту. Лекс сделал шаг и почувствовал, как от усталости подкашиваются колени. Зураб подхватил его под локоть.

— Сам.

— Я и не несу. Пока.

Лекс не ответил, и они спустились в овраг. Через несколько минут дорога скрылась за кустами; больше Лекс не оборачивался.

Глава 7. Спор у костра

Месяц Менельмос, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

По оврагу идти было труднее, чем по дороге. Под сухими листьями попадались камни, дно перегораживали корни, и Лексу то и дело приходилось останавливаться перед очередной преградой. Зураб держался рядом. Когда Лекс качнулся в третий раз, кузнец молча снял с его плеча сумку.

— Там приборы, — сказал Лекс.

— Знаю.

Зураб переложил ремень, стараясь не задеть перевязанное плечо. Лекс протянул было руку за сумкой, но впереди остановился Грым. Молодой дворф упёрся ладонью в склон и стоял, опустив голову.

Кор-Дум вернулся к нему.

— Швы разошлись?

— Нет. Просто тянет.

— Покажи.

— Отец, я сказал...

— Сядь хотя бы.

Грым опустился на камень. Спорить он больше не стал. Кор-Дум присел рядом и осторожно приподнял край его рубахи. Лекс отвернулся: самому хотелось сесть так сильно, что от этой вынужденной остановки стало одновременно стыдно и легче.

Сверху ещё доносился стук из каменоломни. Где-то скрипела ось, переговаривались люди. Здесь, под кустами, их не было видно, но стоило кому-нибудь подойти к краю оврага — и они оказались бы на виду. Лекс не был уверен, что успеют спрятаться.

Айрин сняла флягу с пояса.

— Немного осталось. Не выпивай всё.

Он сделал два глотка и передал воду Грым. Тот смотрел, как отец поправляет повязку, и сжимал губы всякий раз, когда пальцы дворфа касались бока.

— До темноты здесь не остаётся, — сказал Кор-Дум. — Пройдём ещё один поворот. Там посмотрю, что дальше.

— Опять один поворот, — пробормотал Грым.

Отец протянул ему руку. Грым взял за неё.

Они останавливались ещё дважды. Потом овраг отвернул от дороги, стал шире и глубже; внизу появились мокрая галька и узкий ручей. Кор-Дум поднялся на склон, вернулся и показал вперёд. Лекс различил под известняковым выступом тёмную полосу сухой земли. Над ней нависали корни старой сосны.

— Здесь.

— До развилки далеко? — спросил Зураб.

— Сейчас посмотрим.

— Ты говорил, к вечеру дойдём.

— Дойдём, если ноги донесут. Ставь мешок.

Зураб посмотрел на Лекса, затем на Грыма и опустил поклажу. Айрин сразу занялась флягами: спустилась к ручью, поднялась вдоль него на несколько шагов. Лекс проводил её взглядом, пока она не остановилась у струйки, выбивавшейся из трещины в камне.

Лекс опустился под выступом сначала на колени, потом осторожно сел на землю. Правое плечо ныло при каждом вдохе. Под повязкой горели два пальца; ладонь, которой он держал маскировщик на воротах, тоже саднила. Он положил руки перед собой и некоторое время просто смотрел на них.

На левом запястье темнел браслет с молотом.

Айрин вернулась с водой, заметила его взгляд, задрала рукав и протянула Кор-Думу руку застёжкой вверх.

— Снимешь?

Дворф посмотрел на браслет, потом раскрыл инструментальный мешок Зураба.

— Дай руку.

Айрин протянула руку. Кор-Дум подложил под застёжку тонкую железную пластинку и взял клещи. Лекс следил, как напряглись её пальцы. Дворф надавил, остановился, сменил захват; при втором движении край застёжки разошёлся.

Айрин отдернула руку раньше, чем браслет успел упасть. Металл стукнул о камень.

— Задел? — спросил Кор-Дум.

Айрин покачала головой, провела пальцами по светлой полосе на коже и села рядом с Лексом.

На браслете Лекса застёжка поддалась хуже, и Кор-Думу пришлось взять напильник. Несколько раз он велел не двигаться, хотя Лексу казалось, что он и так сидит неподвижно. Когда браслет наконец сняли, под ним осталась красная натёртая полоса.

— В городской книге всё равно записаны, — сказал Зураб.

Ворот рубахи Зураба разошёлся, открыв синюю метку на шее. Клещами такую не снимишь.

Кор-Дум убрал инструмент.

— Записаны.

— Так чего мы празднуем?

— Я ничего не праздную, — ответила Айрин. — Мне железо мешало.

Она поправила рукав, оставив запястье открытым. Кор-Дум завернул оба браслета в тряпицу и сунул в мешок вместе с клещами. Лекс несколько раз согнул и разогнул левую кисть, привыкая к непривычной свободе.

* * *

Костёр развели, когда солнце скрылось за краем оврага. Кор-Дум ещё раз поднялся наверх, долго прислушивался и вернулся по своим следам. Зураб выгреб сухие листья из неглубокой ямки, обложил её камнями. Хворост собирали под елями, где он не успел отсыреть; всё, что дымило, кузнец сразу вытаскивал.

Огонь держали низким. С дороги его закрывал изгиб оврага, сверху — каменный выступ. Лекс всё равно вздрагивал, когда сучок лопался слишком громко.

Айрин достала из свёртка старый котелок. Пока вода грелась, она разложила еду на чистой стороне ткани, отломил край хлеба и замерла, прикидывая, сколько осталось.

— Если считать сегодняшний вечер, на три дня хватит.

— На четыре, — сказал Зураб.

— Если почти не есть. И если крупу каждый раз варить. Сухую ты понесёшь, но Лекс её не съест.

— Я рядом сижу.

— Поэтому и говорю при тебе.

Айрин сдвинула мясо обратно в свёрток, оставив несколько тонких полосок для котелка. Кор-Дум положил возле неё небольшой мешочек с крупой.

— Из моего запаса. Посмотри.

Она развязала его, пересыпала немного на ладонь.

— Теперь на четыре дня. На пятый — уже впроголодь.

Кор-Дум принял расчёт, как результат измерения. До этого он всё время смотрел на верхний край оврага.

— Воды сколько унесём?

— Три фляги. Сегодня набрали. Завтра наполним перед выходом.

— А тряпья?

— Две рубахи целые. Одну придётся пустить на перевязки. Повязку с Грыма выстираю, но к утру она может не высохнуть.

— Целую не режь, — сказал Лекс. — У меня футболка.

Айрин подняла брови.

Лекс достал футболку из сумки. Выстиранная ткань пахла мылом, но в запахе ещё угадывалась мастерская. На вороте торчала нитка; ниже виднелась длинная прореха. Лекс провёл по ней большим пальцем, затем положил футболку рядом с чистой рубахой.

— Здесь ткани ещё хватит. Если сложить в несколько слоёв, на плечо тоже пойдёт.

Айрин взяла ткань, проверила на свет.

— Хватит. Только сначала прокипячу.

Она не спросила, уверен ли он. Лекс был ей за это благодарен.

Из инструментального мешка Кор-Дум вынул молоток, клещи, напильник и свёрток с мелочью. Два топора положил рядом; Зураб придвинул к себе тот, на котором рукоять была темнее. Тесак остался у него на поясе. Грым проверил крепление своего молота, не снимая ремня.

— Второй топор у меня, — сказал Кор-Дум. — Мелкий инструмент тоже. Грым, бумаги держи под плащом. Намокнут — сушить негде.

— Уже убрал.

Лекс открыл сумку. Отмычка лежала в отдельной тряпице; на корпусе маскировщика вдоль серебряной жилы чернела полоса. Он повернул устройство так, чтобы Грым мог рассмотреть его у огня.

Тот наклонился осторожно, чтобы не потянуть раненый бок.

— Перегрелось.

— На воротах пришлось долго держать его включённым.

— Вижу. До жилы не доберёшься, пока крышку не снимешь. Сейчас не ковыряй: крепёж уронишь.

Лекс убрал палец от винта. Ему и в самом деле хотелось открыть крышку, заняться чем-нибудь понятным.

Кор-Дум положил возле сумки глушитель. На медном краю осталась вмятина от удара о пол.

— Этот тоже не трогать до света.

— Он ещё работает? — спросила Айрин.

— После драки не проверяли, — сказал Лекс. — Включу сейчас — можем остаться с одним дымящимся куском меди. А нового камня нет.

Айрин подвинула свёрток подальше от костра.

— Тогда на дороге лучше считать, что его у нас нет.

Лекс хотел сказать, что всё не настолько плохо, но посмотрел на потемневшую жилу и закрыл сумку. Кор-Дум вернул глушитель себе на пояс.

Пока варилась крупа, Кор-Дум и Грым развернули карту. Айрин положила рядом ведомость; на её полях ещё оставались пометки, сделанные в мастерской.

— Мы вот здесь, — сказал Грым. — Каменоломня сзади. Этот ручей выходит к развилке. До неё немного, только наверх придётся подниматься.

Зураб придвинулся к свету.

— Северная дорога идёт вдоль леса?

— Здесь идёт. Дальше карта кончается.

— До леса дорогу знаю. Там к Трём Дубравам сворачивали. По старой дороге ходят лесорубы и углежогы. У них можно хлеба купить.

— И потом они расскажут, кто покупал, — сказал Грым.

— Могут. Не все побегут рассказывать.

— А как узнаем, кто побежит?

— Сначала посмотрим, кто там остался. Я с теми людьми торговал, пока вы в городе сидели.

Грым дёрнул плечом и тут же поморщился. Кор-Дум уже протянул к нему руку, но сын выпрямился сам.

— До жилых мест сколько? — спросила Айрин.

— Раньше, если выходил с утра, к полудню добирался.

— Один?

Зураб потёр ладонью колено, возвращаясь к старой памяти.

— Один.

— А мы?

Кузнец потёр ладонью колено.

— Дольше. Но там дорога, не эти корни.

Кор-Дум придвинул карту ближе.

— Первой проверят дорогу от северной шахты. Возницу видели на воротах. Даже если он промолчит, дозор знает, куда обычно ходят угольщики.

— Ты предлагаешь в горы лезть? — спросил Зураб. — Он вон сюда еле дошёл.

Кузнец не указал на Лекса, но все и так посмотрели в его сторону. Лексу стало жарко, хотя вечерний воздух уже охлаждал спину под рубахой.

— Я слышу, — сказал Лекс.

— Тогда скажи, сколько ещё сегодня пройдёшь.

Лекс сжал зубы. Хотелось ответить, что пройдёт столько, сколько понадобится. Но он уже успел понять, как легко произнести эти слова, пока ноги не подкашиваются и кому-то не приходится держать тебя за локоть.

— Сегодня больше не пройду.

Зураб повернулся к Кор-Думу.

— Вот.

— Сегодня — всё, — ответил дворф. — Завтра пойдём верхней дорогой. Там старая штольня. У входа было сухо, галерея широкая; когда закрывали выработку, я дважды поднимался туда. Если её не завалило, укроемся и раненых переведем.

— Когда закрывали?

— Лет двенадцать назад.

Грым посмотрел на отца. Кор-Дум продолжил, уже тише:

— Знаю, что давно.

— За двенадцать лет её трижды могло завалить, — сказал Зураб.

— Могло. Поэтому сначала посмотрим.

— А если там обвал? Назад с пустыми флягами?

— Над выработкой ручей.

— На карте?

Кор-Дум выпрямился.

— Я из него пил.

— Двенадцать лет назад.

Айрин потянула к себе ведомость.

— Подождите. Здесь есть верхняя дорога. Я видела её, когда искала остановки.

Она несколько раз перевернула листы, вернулась назад. Лекс привычно оглянулся в поисках лампы. Потом подвинул к огню плоский камень, чтобы Айрин могла опереть на него книгу.

— Вот. «Колесо у второго моста. Подъём за ручьём размыло. Груз принимали внизу». Запись за прошлую осень.

Грым протянул руку к странице.

— Значит, до моста ездили.

— Ездили, — согласилась она. — А дальше людей посылали пешком. Про штольню здесь ничего нет.

Он сверил отметку с картой, повёл пальцем вдоль прерывистой линии.

— Здесь тележная дорога заканчивается. Дальше старая тропа. Если подняться по ней, выйдем к выработке сбоку. Не надо через шахтный двор идти.

Зураб посмотрел на рисунок, затем на повязку у Грыма под рубахой.

— И нас всех туда потащишь?

— Я хотя бы предлагаю дорогу, где не стоят дозоры!

Голос Грыма слишком громко отдался под каменным выступом. Он сразу замолчал, прислушиваясь, и Кор-Дум тоже поднял глаза к краю оврага. Лекс задержал дыхание. Из темноты донёсся шорох, потом ещё один. Ничего не показалось.

Когда снова заговорили, голоса стали заметно тише.

— Не надо тащить всех сразу, — сказала Айрин. — До моста дойдём вместе. Там посмотрим подъём. Если Грым не сможет идти или окажется, что мост разрушен, повернём. Пока еды хватит и на обратную дорогу.

— Так мы целый день потеряем, — сказал Зураб.

— Если пойдём к шахте и нас схватят, второго дня вообще не будет.

Кузнец отвернулся к котелку. Каша начала приставать ко дну; он взял ложку и несколько раз провёл вдоль стенки.

Лекс смотрел на отметку штольни: под камнем, в стороне от дорог и приборов Магистериума. Ему вспомнились белёсая плёнка внутри накопителя и голос, велевший искать убежище. Он слишком быстро потянул карту к себе, и Грым придержал другой край.

— Что?

— Там могут быть старые устройства?

Кор-Дум провёл ногтем по линии старой выработки на карте.

— Могут. И пустой забой может быть.

— А ходы дальше?

— Я только у входа работал. Далеко внутрь не лазил.

Грым перестал смотреть на карту.

— Ты из-за того голоса туда хочешь?

Зураб поднял голову от котелка. Айрин тоже посмотрела на Лекса.

Он отпустил край листа. Рассказать придётся сейчас, пока остальные ещё выбирают дорогу.

— Когда мы разбирали накопитель, я не только каналы видел. Там кто-то говорил. Назвал меня Наследником. Велел искать убежище.

— Кто говорил? — спросил Кор-Дум.

— Не знаю. Грым знает только то, что я потом рассказал. Он рядом стоял и ничего не слышал.

Дворф посмотрел на сына. Грым подтвердил:

— Ты думал, это Магистериум? — спросила Айрин.

— Не похоже на голос Вэл'Шана. Но я не знаю, что это было. Я тогда даже руку от камня убрать не мог.

— И теперь хочешь идти туда из-за этого голоса? — спросил Зураб.

— Я хочу понять, почему он...

— А если тебя туда как раз и зовут? На полях ты тоже потянулся к кристаллу, хотя я орал, чтобы ты отвернулся.

Лекс посмотрел на свои ладони. На одной ещё оставались мелкие трещины между пальцами. Он слишком хорошо помнил, как хотелось смотреть в синюю грань и как Зураб орал, чтобы он отвернулся.

— Не знаю, где это убежище, — сказал он наконец. — И не знаю, поможет ли мне тот, кто говорил. До штольни стоит идти только потому, что там можно укрыться. Но из-за одного голоса я вас туда не поведу.

Кор-Дум некоторое время молчал, потом сложил карту пополам, оставив снаружи нужный участок.

— Завтра доходим до моста. Поворот покажу я. Дальше решим на месте: посмотрим, что с тропой и как вы с Грымом держитесь. В неизвестные ходы ночью не полезем.

— И если наверху ни воды, ни прохода — спускаемся, — сказал Зураб.

— Спускаемся.

Грым открыл рот, но отец опередил его:

— Не спорь. Сначала доберись.

Лекс взял сумку и переложил её ближе к левому боку. Айрин убрала ведомость. На карте ещё оставались две дороги; никто не стал зачёркивать северную.

* * *

Кашу ели по очереди, из двух мисок. Грым свою удерживал на коленях и старался не наклоняться. Зураб придвинул ему камень поудобнее, потом сел по другую сторону костра. Между ними всё ещё лежала свёрнутая карта.

Лекс съел несколько ложек. После тёплой еды дрожь стала слабее, зато веки налились тяжестью. Он закрыл глаза и тут же увидел масляное пятно на тёмной куртке. Пришлось открыть их снова.

— Не доешь? — спросила Айрин.

— Доем.

Она не стала забирать миску. Айрин подтянула колени под плащ и устроилась рядом так, что их плечи почти соприкасались. Лекс немного повернулся к ней здоровой стороной.

У края оврага проступили звёзды. Из-за сосны были видны всего несколько, и он снова пытался понять, узнаёт ли хоть одну. Грым проследил за его взглядом.

— Направление ищешь?

— Нет. Ищу хоть что-нибудь знакомое.

— Дома другие звёзды?

Лекс опустил ложку. Можно было снова отделаться коротким ответом, как тогда у мастерской. Там Грым не стал допытываться и вернулся к оправе, которую чистил. Но сейчас рядом лежала карта, и к утру им предстояло идти по дороге, о которой Лекс знал меньше всех.

— Кажется, другие.

Грым посмотрел на него внимательнее.

— А домой тебе через какие горы?

— Ни через какие.

— Через море?

Лекс покачал головой. Айрин перестала поправлять край плаща.

— Я не из вашей страны, — сказал он. — И, похоже, вообще не из этого мира.

Зураб медленно поднял голову. Кор-Дум, чистивший нож куском ткани, замер с лезвием в руке.

— В смысле — не из этого? — спросил Грым.

— У меня дома нет дворфов. Эльфов тоже нет. До того, как попал сюда, я видел их только на картинках. Там живут люди — обычные, как я.

Он ожидал смеха. Никто не засмеялся.

— На картинках? — повторил Кор-Дум.

— В книжках. В сказках.

Дворф посмотрел на сына, затем снова на Лекса.

— И я, значит, из сказки.

— Я бы тоже не поверил.

— А как сюда попал?

Лекс поставил миску на землю. От усталости слова приходилось искать медленно, и это оказалось лучше, чем выпалить всё сразу.

— Сам не понимаю. Мы с Романом были в институтской лаборатории, проверяли установку. Потом тревога, его крик, вспышка. Очнулся уже в повозке. В кандалах.

Он провёл большим пальцем по голому запястью.

— Роман — это кто? — спросил Зураб.

— Друг. Мы давно работали вместе. Он остался там.

Кузнец перестал мешать угли палкой.

— Видел, как погиб?

Лекс не сразу ответил.

— Нет. Я после вспышки вообще ничего не видел.

Сказать это вслух было трудно. Все эти дни Лекс вспоминал лицо Романа и красную рукоять, а дальше дорисовывал то, чего не видел: завал, огонь, разбитую аппаратуру. Он заставил себя остановиться. После вспышки Лекс ничего не знал.

— А язык наш откуда знаешь? — спросил Кор-Дум.

— Не знаю. В повозке они говорили, а я понимал. Потом ответил — и сам заговорил на вашем языке. А буквы прочитать не могу. Айрин учит.

Она тихо выдохнула. Лекс повернулся к ней.

— Ты потому и не знал, куда меня звать, — сказала она.

— Да.

— А я всё думала, ты просто не хочешь про дом говорить.

— Не хотел. Но не из-за тебя.

Айрин потянула край плаща на его колени. По другую сторону костра Грым уже подался вперёд, хотя бок явно мешал ему сидеть.

— Подожди. Если у вас нет дворфов, кто тогда строит машины?

— Люди.

Грым нахмурился, будто Лекс ответил не на тот вопрос.

— Это я понял. Без рун и накопителей чем вы их приводите в движение?

— По-разному. Вода, пар, горючее, электричество — смотря какая машина.

— Пар знаю. Горючее тоже. А электричество у вас что делает — передаёт силу?

— По сути, да. Ток идёт по проводам. Им можно вращать двигатель, питать приборы, давать свет.

Кор-Дум впервые оторвался от ножа.

— По металлу?

— По проводнику. Чаще по меди. Сам провод изолируют, иначе будет замыкание.

Грым подобрал обгоревшую щепку и быстро начертил на земле круг с осью.

— Значит, вал можно крутить без пара и без давления?

— Если двигатель электрический — да. Там обмотки, магнитное поле... Лучше потом нарисую. На словах только запутаю.

— А много силы с такого двигателя снять можно?

— От размера зависит. Есть совсем маленькие, а есть такие, что двигают тяжёлые машины. Но транспорт у нас часто работает на горючем: автомобили, корабли, самолёты.

Грым перестал чертить и поднял голову.

— Что последнее?

— Самолёт. Машина, которая летает.

— Крылья машут?

— Нет. Крылья почти неподвижны. Двигатель разгоняет самолёт, а форма крыла создаёт подъёмную силу.

Грым несколько секунд смотрел на нарисованный круг, потом провёл щепкой длинную линию и пририсовал сбоку крыло.

— Значит, его держит поток воздуха? Скорость упадёт — и подъём пропадёт?

Ответ Грыма оказался точнее, чем Лекс ожидал.

— Примерно так. Только там всё сложнее.

Кор-Дум потёр большим пальцем край ножа.

— Из чего такую машину делают?

— Из лёгких сплавов, стали, разных слоистых материалов. Крепят по-разному: заклёпками, болтами, сваркой. Но самолёты я не строил. Я чинил промышленное оборудование, поэтому знаю общий принцип, а не каждый узел.

Грым отложил щепку.

— Вот теперь похоже на правду.

— Почему?

— Потому что наконец дошли до места, где ты сказал «не знаю».

— Рассказать ты всё равно можешь что угодно, — хмыкнул Кор-Дум. — Проверить нам пока нечем.

— Я и не прошу верить сразу.

Костёр уже заметно прогорел. Зураб поправил две ветки, и на короткое время стало светлее.

— Кто там остался? — спросила Айрин.

Лекс сглотнул.

— Родители. Сестра.

— Они знают, куда ты...

Она не договорила, увидев его лицо.

— Нет. Если Ромка не выбрался, им даже рассказать некому.

Айрин помолчала, потом коснулась его левой руки. Не стала говорить, что родные наверняка живы или что он непременно вернётся. Лекс перевернул ладонь и удержал её пальцы. Некоторое время они сидели так, пока Кор-Дум не попросил передать миску.

После еды Айрин отлила в неё горячей воды, достала чистую ткань и занялась повязками. Лекс смотрел в сторону, пока она смачивала прилипший край на его пальцах. Зураб поднялся к изгибу оврага послушать дорогу. Кор-Дум велел ему не уходить за кусты.

Грым возился с бумагами Бор-Дума. Он доставал листы по одному, проверял, не отсырели ли, и снова заворачивал в промасленную ткань. На листе с глушителем задержался дольше обычного.

— Ты тогда сказал, что покажешь, как ищешь связи.

— Помню.

— Это было до драки.

Лекс прищурился.

— И?

— Не передумал?

— Нет.

Грым покосился на отца, но всё-таки спросил:

— Он тебе что-то сказал?

— Сказал, чтобы я тебя учил. Я спросил, говорил ли он с тобой.

— Конечно, не говорил.

— Я всё слышу, — отозвался Кор-Дум, не поднимая головы.

Грым поморщился.

— Вот и хорошо. Тогда сам скажу. Не хочу, чтобы вышло, будто отец меня тебе строил. Я хочу учиться. Не один раз у верстака и не «потом, когда будет время». По-настоящему.

Лекс вспомнил старую схему Бор-Дума и вопрос Грыма о связях между деталями.

— Хорошо. Только договоримся сразу: если я ошибусь — скажи. И если видишь, что я чего-то не знаю, тоже говори прямо.

— Это я могу.

— А ты дальше объясняй мне ваши сплавы, обозначения и местные механизмы. Здесь я без тебя половину вещей назову неправильно.

Грым прищурился.

— Хорош я ученик: ещё и учителя учить должен.

— Получается, оба будем учиться.

Грым усмехнулся уже спокойнее.

Кор-Дум потянулся за пустой миской.

— Вот теперь пусть спит. И первый урок до утра не начинайте.

— Я вообще молчал, — сказал Лекс.

— Вот и продолжай.

Айрин, не отрываясь от повязки, улыбнулась.

* * *

Когда Зураб вернулся, от огня оставались угли и несколько коротких языков пламени. Кузнец присел на прежнее место.

— На дороге тихо.

— Первую вахту беру я, — сказал Кор-Дум. — Потом разбуду тебя. Перед рассветом меня сменит Айрин. А вы двое — спать.

Последнее относилось к Лексу и Грымму. Молодой дворф открыл рот, но отец уже раскладывал возле себя мешки.

— Хорошо, — сказал Грым после паузы.

Он попробовал лечь, поморщился и снова сел. Некоторое время молчал, прислушиваясь к шуму листвы. Потом начал негромко напевать. Слова сперва терялись в мелодии, и Лекс различил только конец:

Их молоты умолкли в тишине,

Их горны стынют сотни лет,

Но в каждом камне, в каждом сне

Их голос нам хранит завет.

На длинной ноте голос Грыма дрогнул и оборвался. Лекс поднял глаза. Кор-Дум смотрел на сына; на лице у него было такое выражение, что Лекс поначалу решил — сейчас последует окрик.

— Ты раньше иначе пел, — сказал дворф.

— Раньше бок не зашивали.

— Я не про голос.

Грым пожал плечами, на этот раз осторожно.

— Ты её сам всегда так тянешь. Я и запомнил.

— Про кого это? — спросил Лекс.

— Про Глубинных Кузнецов, — ответил Кор-Дум. — Клан ушёл вниз, за новой жилой. Сначала вести передавали. Потом перестали. За ними спустились — никого не нашли.

— Совсем никого?

— В песне — никого. А сколько там правды, я не знаю. Мне её пел отец, Бор-Дум. Грым уже от меня слышал.

Дворф подвинул носком сапога выкатившийся уголёк.

— Говорят, молоты их до сих пор под горой слышно. Потому и поют, чтобы помнили, чьи ходы там остались.

— Хорошую песню перед дорогой выбрал, — сказал Зураб.

Грым принялся поправлять и без того ровно лежавшую щепу у костра.

— Другую сейчас не вспомнил.

— Дело не в песне.

Кузнец долго смотрел на угли. Лекс решил, что он больше ничего не скажет, но Зураб вдруг спросил:

— Про Святослава слышал?

— Нет.

— На полях о нём рассказывали. Лет триста назад жил, говорят. Сам к кристаллам ходил. Потом людей поднял, оружие добыли, в старых руинах засели. Несколько месяцев держались. Кор-Дум перестал перекладывать вещи.

— Чем кончилось? — спросил Лекс, хотя по лицу Зураба уже догадался.

— Взяли его живым. Кристаллизовали перед людьми.

Грым опустил руку на карту. Айрин прикрыла глаза; Лекс увидел, как дёрнулась мышца у неё на щеке.

— Говорили, он до конца кричал, — продолжил Зураб. — Проклял их. Кричал, что придёт другой и кристаллы переломает. Один дед рассказывал ночью, когда надсмотрщики ушли. Говорил, сам от стариков слышал.

— Значит, не просто умер, — сказал Грым. — Раз до сих пор помнят.

— Помнят. А к камням всё равно каждое утро выходят.

Зураб провёл ладонью по шее и убрал руку. Синяя метка снова показалась над воротом.

— Я вот про что, — добавил он. — Старые стены ещё никого сами не спасали. Если внутри найдём что-нибудь, не надо сразу думать, что теперь нас не достанут.

— Не будем, — сказал Кор-Дум.

— Ты ему скажи.

Зураб смотрел на Лекса.

— Я слышал, — ответил тот.

Некоторое время было слышно, как в котелке потрескивает подсыхающая крупа. Айрин сняла котелок с камней.

— Я хочу вернуться на поля, — сказал Лекс.

Кор-Дум поднял голову.

— За Корнеем, Марфой, Гринькой. Не сейчас — я понимаю, что сейчас мы просто не сможем.

— Понимаешь? — тихо спросил Зураб.

Лекс не отвёл глаз.

— Понимаю. Но и сделать вид, что их там нет, не могу.

Кузнец помедлил.

— Их я тоже помню. Не только их.

Он засунул руку под рубаху. Лекс увидел маленькую вырезанную из дерева куколку в обгоревшем наряде. Край деревянной одежды почернел, по боку шла знакомая трещина. Фигурка почти терялась в широкой ладони Зураба.

— Дарина второго носила, — произнёс он. — Я тебе тогда не сказал.

Айрин застыла с котелком в руках. Потом опустила его на землю, не отводя глаз от Зураба.

— Мы имя уже выбрали — Борислав. Она говорила: рано имя выбирать, мало ли, вдруг опять девочка. А я всё равно так его звал.

Кузнец попытался убрать куколку обратно, но не сразу нащупал потайной кармашек. Выругался вполголоса, прижал фигурку ладонью к груди и подождал.

— А утром я ещё думал, что к вечеру вернусь, — добавил он.

Лекс смотрел на него и не находил ни одного слова. За поворотом оврага шумел ручей, от костра шло тепло, за спиной лежали мешки с вещами. Зураб сидел посреди всего этого и смотрел так, словно ничего вокруг не видел.

— Я до них доберусь, — сказал он. — Не завтра — когда смогу держать топор двумя руками. Но доберусь.

— До тех, кто деревню сжёг? — спросил Лекс.

Зураб поднял голову.

— До эльфов.

— Ты знаешь, кто там был?

— Мне хватит того, что это были эльфы.

Айрин выпрямилась.

— Зураб...

— Что? — Он резко повернулся к ней. — Тебе их жалко?

Она вздрогнула, но не отвернулась.

— Мне страшно, когда ты так говоришь.

— А как мне говорить? Дарина им что сделала? Любава? Пять лет ей было. Она дорогу перебежала — я боялся, что под колесо попадёт. А от них, выходит, не уберёг.

Голос сорвался. Зураб замолчал и отвернулся к склону. Кор-Дум медленно положил ладонь на колено Грыма, удержав его, когда тот подался вперёд.

Лекс смотрел на повязку у себя на руке. Под тканью снова запульсировала боль. Он вспомнил, как главарь посмотрел на горн. Тот уже понял, что случится, и сказал: «Не смей».

— Я ночью человека поджёг, — произнёс Лекс.

Зураб повернулся не сразу.

— Видел.

— Я мог не бросать паклю. Ты ведь был рядом, я это знал.

— Он шёл на тебя с ножом.

— Да. — Лекс сжал зубы. — И я всё равно слышу, как он кричал.

Грым опустил глаза. Айрин положила ладонь рядом с рукой Лекса, но не коснулась его.

— Я не хочу снова решать, что имею право убить человека только потому, что мне страшно, — сказал он. — И не хочу делать это потому, что кто-то скажет: «Он заслужил». Не знаю, всегда ли смогу остановиться. Но просить меня стать таким не надо.

Зураб долго молчал. Потом убрал куколку в карман и застегнул ворот.

— Я тебя ни о чём таком не просил.

— Знаю.

— И вас за собой не потащу.

Кор-Дум перестал укладывать ремни.

— Нам завтра вместе идти. Если увидим на дороге эльфа, что будешь делать?

— Смотря что он будет делать.

— Если просто идёт?

Зураб ответил не сразу, но голос удержал ровным.

— Ничего. Пусть проходит.

— А сам?

— С вами пойду. Доволен?

Кор-Дум не ответил. Зураб поднялся, взял пустую флягу и отошёл к ручью. На этот раз никто его не окликнул: он сам остановился там, где его ещё было видно от костра.

Лекс хотел позвать его. Вместо этого подвинул в сторону мешок, чтобы, когда кузнец вернётся, ему не пришлось опять садиться на голую землю.

* * *

Айрин лежала рядом, подложив под голову свёрток с одеждой. Лекс устроился на левом боку, а под правый локоть положил сложенную ткань. Заснуть ему не удавалось: он то и дело смотрел туда, где сидел Кор-Дум, и успокаивался, только различив его широкую спину.

У ручья звякнула фляга. Зураб вернулся и сел на подвинутый мешок. Ничего не сказал, но между ними осталось место ровно для сумки Лекса, чтобы та не лежала у самых ног.

Грым давно затих. Лекс слушал, как за камнями течёт вода. Рядом Айрин натянула плащ на плечо.

— Ты не жалеешь? — спросил он шёпотом.

Она повернулась к нему.

— Что ушла?

— Да.

Айрин провела большим пальцем по открытому запястью, где ещё недавно лежал рабский браслет.

— Боюсь. Жалею, что еды мало и что ты опять не спишь. Но обратно в повозку я не хочу.

Лекс не стал спорить. Она немного помолчала, потом добавила:

— Про твой дом я ещё спрошу. Только не сегодня.

— Хорошо.

Она придвинулась ближе. Лекс осторожно положил левую ладонь возле её головы, и Айрин коснулась её щекой. От этого простого движения у него перехватило горло. Он долго лежал неподвижно, чтобы не потревожить её, и слушал, как дыхание постепенно становится ровнее.

На склоне хрустнула ветка.

Кор-Дум поднял руку. Лекс сразу убрал ладонь из-под щеки Айрин; она открыла глаза ещё до того, как он успел её позвать. Зураб бесшумно встал и взял топор. Грым сел, одной рукой зажал бок, а другой нащупал молот.

Лекс потянулся к ножу. Рукоять упёрлась в повязку на пальцах, и он перехватил её левой рукой.

Между стволами над ручьём стоял кто-то высокий.

Сначала были видны только плечо и часть лица. Кожа казалась зеленоватой, как камень под тонким слоем мха. Потом незнакомец повернул голову, и среди ветвей проступили глаза — светлые, без различимых зрачков. Лекс почувствовал, как Айрин ухватила его за рукав.

— Не надо, — прошептала она.

Он не понял, ему она говорит или Зурабу. Кузнец уже сделал шаг к ручью.

— Стой, — тихо сказал Кор-Дум.

Высокая фигура не двигалась. В волосах незнакомца переплетались тонкие побеги; некоторые спускались на плечи вместе с полосами одежды. Лекс не мог разобрать, где кончалась ткань и начинались листья. В руке оружия не было. Он всё равно не выпустил нож.

— Сильван, — сказала Айрин одними губами.

— Что?

— Лесной. Я рисунки видела. Бабушка рассказывала.

Зураб услышал, посмотрел на Айрин и снова на склон. Топор опустился чуть ниже.

Незнакомец спустился к ручью. Лекс ждал всплеска, но тот перешёл ручей по двум почти скрытым камням и остановился за кругом света.

Сильван сначала посмотрел на кострище, потом на топор у Зураба.

Кор-Дум медленно снял молот с колена и положил на землю, но руку оставил рядом с оружием.

— Мы только переночуем, — сказал он.

Сильван посмотрел на него. Лекс не заметил ни кивка, ни другого ответа. Зато увидел, как у края кострища тлеет обломок ветки. Его конец лежал на сухой хвое, которую Зураб выгреб из ямки.

Лекс протянул к нему нож, подцепил и столкнул обратно к углям. Дотягиваться пришлось далеко; плечо прострелило, он невольно зашипел сквозь зубы. Айрин отодвинула хвою носком сапога и взяла флягу.

Когда Айрин смочила край кострища, Сильван повернулся к Лексу. От повязки пахло чистой тканью и мазью, но Лексу опять почудился слабый запах гари из мастерской.

Сильван поднял ладонь.

Воздух над углями потемнел. Лекс положил нож на землю. На мгновение ему показалось, что он сейчас упадёт, и он вцепился левой рукой в край плаща. Рядом Айрин резко вдохнула, а Грым прошептал ругательство.

В тёмном воздухе проступили стволы.

Они были совсем близко — мокрая кора, крупные листья, корни под ногами. Между деревьями прошли люди с факелами. Один обернулся: тонкое лицо, длинное ухо, отблеск огня на щеке. Эльф ткнул факелом под низкие ветви.

Лекс почувствовал, как Айрин сжала его локоть.

Огонь побежал по сухим веткам, поднялся выше. В кустах забило что-то маленькое. Лекс хотел отвернуться, но лес вдруг изменился: стволы стали чёрными, а между ними проступили другие фигуры — знакомый широкий молот, человеческие плечи, полосы ткани на обожжённой кисти.

Человек с перевязанными пальцами поднял факел, и Лекс узнал в нём себя раньше, чем успел разглядеть лицо.

За его спиной стояло много людей. Кто-то крикнул, указывая вперёд, и пламя качнулось над головами. Под ногами лежали те же корни, среди ветвей металась та же маленькая тень. Лес горел так же, как прежде.

— Хватит, — выдохнул Лекс.

Картинка распалась. Перед ним снова были камни, край плаща, низкое пламя. Лекс сидел, вжимая локоть в землю, и никак не мог набрать полную грудь воздуха.

Сильван стоял на прежнем месте.

Зураб держал топор обеими руками. На рубaxe у его плеча проступило тёмное пятно. Он посмотрел на Лекса, потом на оружие и медленно разжал левую кисть.

— Этого ещё не было, — сказал Лекс. Он и сам не понимал, вопрос это или утверждение.

Сильван склонил голову. Его лицо не изменилось. Он показал на угли, затем на лес над ними.

— Не несите туда огонь.

Голос был негромким, с непривычно долгими гласными. Смысл каждого слова доходил отчётливо, но незнакомец ничего не сказал о том, обязательно ли случится увиденное.

Грым подался вперёд.

— А если за нами...

Кор-Дум придержал его за руку. Сильван повернулся к Лексу и протянул раскрытую ладонь.

На ладони лежал мох.

Пучок был маленьким — целиком умещался на ладони. Тонкие стебельки светились изнутри ровным зеленоватым светом. Лекс не пошевелился: после видения ему меньше всего хотелось касаться ещё одной вещи, способной забраться в голову.

Сильван ждал.

— Это тебе, — прошептала Айрин.

Лекс разжал пальцы на плаще и протянул левую руку. Мох лёг на ладонь легко, почти невесомо; он был влажным и прохладным. Зеленоватый свет лёг на повязку правой руки, и жжение немного стихло.

Он поднял голову. Сильван уже отступил к воде.

— Подожди.

Незнакомец остановился.

Лекс хотел спросить, что именно сильван увидел, почему в видении оказался сам Лекс и зачем после этого незнакомец дал ему мох. Вопросы теснились, и он не успел выбрать ни одного, прежде чем сильван перешёл ручей и скрылся среди стволов.

Кор-Дум поднялся. Несколько мгновений он стоял, прислушиваясь, затем посмотрел на всех по очереди.

— Никому за ним не ходить.

Грым положил молот на колени.

— Я и не собирался.

Голос у него был совсем тихим.

* * *

Айрин разглядывала мох, не касаясь его. Зураб сел рядом с Кор-Думом и позволил тому поправить повязку на плече. Боль в обожжённых пальцах возвращалась, но была слабее, чем прежде; ткань по-прежнему мешала согнуть пальцы.

— Мох Кроны, — сказала Айрин. — У бабушки в книге похожий был. Она говорила, что сильваны дают его тем, кому позволяют остаться в лесу.

— Он нам ничего не позволял, — заметил Кор-Дум.

— Знаю. Я про книгу.

— А про руки там что-нибудь было? — спросил Лекс.

Она посмотрела на его повязку.

— Бабушка писала, что с ним раны быстрее заживают. Ты что-нибудь чувствуешь?

— Холодит. И боль вроде отпустила.

Айрин взяла чистый лоскут из оставшейся ткани.

— Тогда завернём. Повязку снимать не будем.

Лекс положил мох на ткань. Сквозь первый слой пробивалось зелёное свечение; после второго оно почти пропало. Айрин смочила край ткани и вернула ему свёрток. Лекс убрал его в нагрудный карман, затем поднял с земли нож и вернул в ножны.

— Он показал то, что будет? — спросил Грым.

Лекс посмотрел на кострище. В углях виднелась та самая ветка, которую он только что подцепил ножом и толкнул обратно к углям.

— Не знаю. Я видел нас. Но почему это должно случиться?

— Значит, может и не случиться?

— Может.

Кор-Дум закончил перевязку. Зураб осторожно опустил руку, подождал и поднял к свету свой топор. Лекс напрягся, пока кузнец не взял кожаный чехол и не натянул его на лезвие.

— Лес нам ничего не сделал, — сказал Зураб.

Больше Зураб о видении не говорил. Он убрал топор так, чтобы до него можно было дотянуться, и лёг на мешок. Лекс смотрел на его неподвижную спину. Злость никуда не делась: она слышалась даже в этих нескольких словах. Но чехол на лезвии был застёгнут.

Кор-Дум поднял флягу.

— Всем хватает тепла? Гасим.

Грым придвинул плащ к боку, Айрин проверила, все ли убрали вещи от огня. Лекс помог оттянуть подстилку подальше от кострища. Вода зашипела на углях, и от этого звука у него свело живот. Он заставил себя смотреть, как Кор-Дум заливает кострище, раздвигает обгоревшие ветки и поливает ещё раз.

Когда угли погасли, темнота сгустилась сразу. Некоторое время Лекс различал только светлое пятно лица Айрин. Потом проступили сосновые корни, край известняка, очертания мешков.

— До моста идём вместе, — тихо сказал Зураб со своего места. — Наверх не лезьте, если тропу потеряете. Позовите.

— Позовём, — ответил Грым.

Кор-Дум устроился у края каменного выступа. Айрин легла рядом с Лексом, подоткнула плащ ему под локоть. Сумку он положил так, чтобы не придавить приборы; маленький свёрток с мхом остался у груди.

Перед тем как закрыть глаза, Лекс ещё раз посмотрел на отца и сына. Грым уже лежал, но всё ещё придерживал рукой бумаги под плащом. Кор-Дум сидел спиной к ним и слушал овраг.

Утром нужно будет подняться и дойти до моста. До рассвета Лекс не хотел думать о том, что будет дальше.

Из темноты донёсся голос Зураба:

— Разбуди меня, мастер. Не сиди за двоих.

— Разбужу.

Лекс закрыл глаза. Когда Айрин нащупала его руку, он сжал её пальцы и на этот раз не потянулся проверять, на месте ли нож.

Интерлюдия I. Оставшиеся

*Месяц Менельмос, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры
Кристаллические поля, Седьмой участок*

Корней взялся за ворот колодца и сразу понял, что сегодня даже одно ведро в одиночку не вытянет.

Рукоять прошла полкруга и встала. Ещё вчера она начинала идти тяжело только ближе к полудню. Корней переставил ладони, потянул снова и оглянулся, проверяя, не смотрит ли кто.

Марфа молча взялась за рукоять с другой стороны. Вдвоём они подняли ведро. Пока она переливала воду в вёдра для разноски, Корней держал ворот и ждал, когда перестанут дрожать руки.

— Ты бы сказал, — произнесла она.

— Хотел сам.

Марфа посмотрела на него, но ответить не успела. От бараков к колодцу шёл Хрыч, подгоняя перед собой седого человека, который заметно припадал на левую ногу.

Михаила Корней знал по вечерней очереди за кашей. Тот всегда садился с краю, вытянув больную ногу.

— Хромой до полудня остаётся у воды, — бросил Хрыч. — Потом обратно к камням. Марфа, чего встала? Третий ряд.

— А здесь кто останется?

— Глаза есть? Вот тебе смена. Цепь подобрала — и пошла.

Михаил прислонился к срубу. Под тканью на его колене проступало мокрое пятно.

— Ему до рядов не дойти, — сказала Марфа.

Хрыч шагнул к ней вплотную. Корней отпустил ворот и ухватился за край колодца: ноги вдруг ослабли, хотя надсмотрщик смотрел не на него.

— Не тебе решать, куда он дойдёт. Хочешь, сейчас обратно к камням отправлю — пусть там и падает.

Марфа сразу опустила глаза.

— Тогда цепь подобрала и пошла. И чтоб к колоколу уже стояла в ряду.

Хрыч ушёл к ограде. Марфа ещё несколько секунд держалась за дужку ведра, потом разжала пальцы один за другим.

Двоих увезли в кузницу, новых не прислали. Хрыч напоминал об этом всякий раз, когда кто-нибудь просил передышки. Пустых мест у кристаллов он не оставлял: если в рядах не хватало рук, людей снимали даже с колодца.

— Что с ногой?

— Опять разнесло, — ответил Михаил. — Если сильнее не распухнет, дойду.

Он покосился вслед надсмотрщику.

Гринька подтащил второе ведро и поднял его на сруб, придерживая снизу коленом.

— Наливай. Я понесу.

— До половины, — велела Марфа.

— Я вчера полное носил.

— До половины, Гриня.

Гринька насупился. Корней знал этот взгляд: сейчас замолчит, а потом всё равно сделает по-своему.

Корней придержал дужку, пока Марфа переливала воду. Гринька уже стоял рядом с протянутой рукой.

— Хватит, давай сюда.

— Так и неси, — сказала Марфа.

Она пошла к навесу за посудой. Корней задержался возле сруба: в пояснице саднило. Михаил сидел на земле, вытянув больную ногу.

— Поможешь ещё одно вытянуть? — спросил Корней.

Михаил поднялся не сразу. Вместе они вытянули ещё одно ведро, и Корней пошёл к навесу помочь Марфе с посудой.

У первого поворота Гринька опустил своё ведро в грязь.

Корней заметил его, когда вышел из-за навеса с кружками. До полей мальчишка не дошёл и половины пути: стоял посреди тропы и пытался перехватить дужку другой рукой, а вода плескалась уже у самого края.

— Гриня, стой.

Гринька дёрнул ведро вверх, но цепь на ногах зацепилась за выступивший корень. Корней успел только поставить кружки на землю.

Мальчишка упал на колени. Вода хлынула на тропу, пустое ведро покатилося к канаве.

— Тихо, тихо. Не вставай пока.

Корней взял его под локоть, но сам качнулся и едва устоял.

— Я сейчас, — шепнул Гринька. — Сам встану.

На разбитом колене выступила кровь. Гринька провёл по ссадине ладонью, смешивая кровь с грязью, и Корней прикрикнул:

— Не три! Руку уברי.

Гринька отдёрнул пальцы. Старик тут же пожалел, что повысил голос.

— Промыть надо. Давай потихоньку.

До колодца добрались, держась друг за друга. Корней сел рядом с Михаилом.

Марфа вернулась из-под навеса, увидела пустые руки сына и остановилась.

— Ведро где?

— У канавы, — ответил Корней. — Целое. Потом заберём.

Она присела перед Гринькой и подтянула край штанины.

— Я же просила...

— Там на два ряда не хватит!

Мальчишка почти крикнул. Марфа накрыла ладонью его рот; оба посмотрели в сторону ограды.

Хрыча нигде не было видно. У калитки стоял только охранник, лениво провожавший взглядом подводы за оградой.

Марфа убрала руку.

— Ты что, долил?

Гринька кивнул и уставился в землю.

Корней обернулся к Михаилу. Тот сидел, обняв колено.

— Я ему только ведро придержал, — сказал Михаил. — Он сам попросил.

— А ты не видел, сколько он набрал?

— Видел. Мне теперь и за ним смотреть?

Марфа подняла голову.

— Он ведро поднять не мог.

— Я сам еле дошёл!

Михаил тоже оглянулся на охранника и заговорил тише:

— Меня сюда до обеда поставили, чтобы нога хоть немного отдохнула. Я сам еле дошёл. Вы хотите, чтобы я ещё за мальчишку воду таскал? И за старика тоже?

Корней почувствовал, как лицо заливает жаром. Хотелось ответить, что он никого не просил работать за себя, но только что он не смог помочь мальчишке подняться, а ещё раньше сам не вытянул ведро.

— Я сегодня с ведром до поля не дойду, — выговорил он. — Без него ещё смогу. С водой — нет.

Михаил отвёл глаза.

— И я не дойду, — сказал он после паузы.

За навесом крикнули, требуя воды. Марфа подняла оставшееся ведро и отлила немного в кружку.

— Гриня, колено подставь.

Он зашипел, когда вода потекла по ссадине. Марфа прижала к ней чистый угол платка, который сняла с головы.

— Вот что, — сказала Марфа Корнею. — Сядешь у ближнего столба, где тропа расходится между рядами. Оттуда и будешь раздавать воду.

— Их туда не пустят.

— Я попрошу. Михаил останется у колодца, Гриня будет носить. По полведра, слышишь?

— Мне одному тоже не вытянуть, — буркнул Михаил.

— Тогда будете поднимать вдвоём с Гриней, — сказал Корней. — Перельёте ему полведра, он отнесёт, а ты пока посидишь.

— Только сразу говори, если рукоять не удержишь. Не жди, пока сорвётся.

— Не брошу.

Корней поднялся и пошёл за ведром. Обратно нёс его двумя руками, прижав к животу. На дно налипла земля, и у колодца пришлось сначала всё вымыть.

Хрыч вернулся незадолго до колокола.

— Ты что здесь забыла? — бросил он Марфе.

Марфа отдала сыну платок и шагнула к надсмотрщику.

— Пуси людей пить к ближнему столбу. По двое из ряда. До дальних мы воду не дотащим.

Хрыч посмотрел на неё, затем на пустую тропу и на окровавленное колено Гриньки.

— Мальчишка, ведро поднял!

Мальчишка потянулся к дужке.

— Я сказал — поднял! Не на мать смотри.

Гринька выпрямился с ведром в руке. Воды было меньше половины, но рука сразу задрожала. Корней ждал, что Хрыч велит долить, и уже не знал, что тогда скажет.

Надсмотрщик скривился.

— Ладно. У столба будете. По двое — и ни одного лишнего шага. Отпускать стану сам. Увижу толпу — воду закрою всем. А тебя, старый, и мальца поставлю к камням. Там быстро научитесь не спорить.

Хрыч уже повернулся к рядам, но заметил Михаила у сруба и остановился.

— Эй, хромой! Хватит разлёживаться. Встал и пошёл в третий ряд.

Михаил поднял голову.

— Ты до полудня сказал.

— Я сказал? Значит, передумал. Встал и пошёл, пока кнутом не помог.

Михаил ухватился за край сруба и попытался подняться. С первой попытки не вышло; со второй он выпрямился и несколько секунд стоял, перенося вес на здоровую ногу. Корней хотел вмешаться, но Михаил первым посмотрел на него и коротко качнул головой.

— Сиди, — сказал он. — Я дойду.

Кристаллы начинались совсем рядом, но Корней всё равно смотрел Михаилу вслед, пока седая голова не затерялась между рядами.

— А ты чего смотришь? — Хрыч ткнул пальцем в Марфу. — В ряд!

Она коснулась Гринькиного затылка и пошла. Платок остался у мальчишки.

Корней взял кружки и пустое ведро. У столба лежал плоский камень; он сел и подождал, пока дыхание станет ровнее. Впереди Хрыч уже шёл между рядами. Марфа подобрала цепь и встала у свободного кристалла.

Из-за навеса появился Гринька. Он шёл медленно, глядя под ноги, и донёс ведро до камня, не расплескав ни капли.

— Вот так, — сказал Корней.

Мальчишка вытер лоб рукавом.

— А возница сегодня приедет?

— Не знаю.

— Может, Лекс опять что-нибудь передал.

Корней помнил тот обрезок бумаги: Марфа берегла его вместе с куском мыла. У калитки возница прочёл записку вслух — Лекс писал, что работает вместе с Зурабом и что плечо уже почти не болит. Гринька тогда попросил прочитать ещё раз.

— Если приедет, Марфу позовут, — сказал Корней. — А сейчас смотри: уже идут.

От кристаллов отпустили двух женщин. Одна протянула кружку, вторая держала руки под мышками, пытаясь согреть пальцы.

Корней налил ей первой и придержал кружку, пока она пила. Гринька постоял рядом, затем поднял пустое ведро и пошёл обратно к колодцу. Корней проводил его взглядом до поворота и наполнил следующую кружку.

* * *

Полуденный колокол ещё не прозвенел, когда между рядами поднялся шум. Корней сперва решил, что кто-то снова упал. Такое случалось каждый день: надсмотрщики обычно оттаскивали человека в сторону, чтобы не мешал остальным. Но на этот раз к дороге вышли двое работников, неся между собой узкую доску.

Марфа заметила их первой. Она стояла у кристалла в третьем ряду и вдруг подняла голову. Хрыч сразу рывкнул, приказывая смотреть на камень, но Марфа уже успела увидеть. В тот же миг Корней различил седую голову и неподвижную левую ногу, свисавшую с края доски.

Михаила несли мимо водяного столба.

Утром Михаил казался просто худым. Теперь кожа плотно обтянула скулы и кисти, щёки провалились, губы стали серыми. Рубаха висела мешком, будто за несколько часов Михаил исхудал вдвое. Руки, ещё недавно с трудом державшие ворот колодца, лежали вдоль боков сухими и лёгкими.

Корней и раньше видел мёртвых. Даже после смерти в лице обычно сохранялось что-то знакомое — можно было узнать человека, которого знал. Здесь черты остались прежними, но самого Михаила в них уже не было — кристалл словно вытянул из тела не только жизнь, но и душу.

— Это Михаил? — тихо спросил Гринька.

Корней не ответил — Гринька и без него понял. Он стоял с пустым ведром в руках и смотрел, пока Михаила не понесли дальше, за бараки. Марфа тоже проводила его взглядом, хотя ладони всё ещё лежали на кристалле.

Хрыч ударил рукоятью кнута по ближайшему столбу. Звук прокатился между рядами.

— Чего уставились? Его смена кончилась. Ваша — нет. Руки на камень! А у воды — работать!

Марфа первой отвернулась к кристаллу. Гринька медленно опустил ведро. Корней взял кружку, но пальцы дрогнули, и немного воды выплеснулось на землю. Он ничего не сказал, только налил снова: следующая пара уже подходила к столбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.